

ВАСИЛИЙ КРИПТОНОВ

ЗРА ОГНЯ 5
МЯТЕЖНОЕ ПЛАМЯ

18+

Василий КРИПТОНОВ

Эра Огня 5. Мятежное пламя

«Автор»

2023

Криптонов В.

Эра Огня 5. Мятежное пламя / В. Криптонов — «Автор», 2023

Заключительная книга цикла "Эра Огня". Мортегар возвращается в родной мир и теряет память обо всём произошедшем, но с ним переносится Натсэ, которая пытается изо всех сил вернуть память возлюбленному. Тем временем в другом мире Пламя захватывает власть. Выжившие маги вынуждены укрываться на Летающем Материке и по крупицам собирать сведения о враге. Время в двух мирах течёт по-разному, и прежде чем сойтись в битве с врагом, нужно суметь вернуться.

© Криптонов В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	78
Глава 14	84
Глава 15	90
Глава 16	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Василий Кристонов

Эра Огня 5. Мятежное пламя

Пролог

Шесть месяцев назад

Первый день Эры Огня

Авелла не помнила, чтобы когда-нибудь она так кричала. До боли в связках, до звона в ушах. Будто среагировав на крик, Мелаирим, заключённый в тело огненного дракона, повернул к ней голову. Тут же повернулась и голова дракона. Разверзлась огромная пасть, и из неё вылетела ревущая струя пламени. А Авелла всё кричала, не в силах допустить даже мысли о том, что Мортегара и Натсэ больше нет. Они просто исчезли, провалились в разорванное пространство, которое тут же заросло. А миг спустя перед глазами выскочила, чтобы исчезнуть навсегда, надпись: «Магический супруг: Мортегар Леййан».

Надпись исчезла, оставив Авеллу вдовой, но на её место пришла другая: «Новый статус: глава клана Огня».

Всё это было как три подряд удара, нанесённые по одной лишь цели: доказать, что прежняя жизнь оборвалась. Все три попали в цель, и Авелла закричала. Несущееся на неё пламя не вызывало и сотой доли того страха, что вызывали мысли о будущем. Огонь казался избавлением. И пусть лучше сейчас, когда жить так страшно, что темнеет в глазах, чем потом, когда от безысходности она сумеет выдумать себе какую-то призрачную надежду.

Кто-то заслонил её спиной, поднял руки и встретил пламя огромным ледяным щитом. Зашипел, испаряясь, лёд, во все стороны хлынул кипяток, но щит держался. И, будто запев гимн его могуществу, дракон яростно взревел.

– Жива? – Неведомый защитник повернул голову к Авелле, и она узнала главу клана Воды, Логоамара из рода Нимо.

– Нет, – сказала она, прежде чем успела подумать.

Логоамар услышал другое слово.

– Уходи на Материк! – крикнул он. – На земле мы от него не спрячемся!

– Я не...

Не успела она довозражать – чьи-то руки подхватили её, рванули вверх.

– Отходим на Материк! – Над самым ухом грохотал многократно усиленный голос мамы. – Рыцари! отвлеките дракона, сбейте его с толку. Маги! уносим всех, у кого нет белых печатей. Выполнять! Дочь! – Это слово уже без усиления. – Мне нужна твоя помощь. Спасай людей. Ты справишься? Скажи громко и чётко, так, чтобы я поверила: ты справишься? Делаешь?

– Да! – закричала Авелла. – Да, сделаю, пусти меня, я смогу!

Никогда в жизни она не повышала на мать голос, но теперь не смогла сдержаться. Она бы и обругала её, если бы та продолжила задавать вопросы. Ей нужно было хоть на кого-то выплеснуть отчаяние, затопившее её душу. И отчаяние, вырвавшись наружу, обратилось злостью. Однако Авелла говорила правду, и мама эту правду услышала. Её руки разжались, и Авелла повисла в ночном воздухе на своих силах. Не так уж много их оставалось...

Воздушные маги быстро и слаженно подлетали, хватая подмышками своих земных собратьев, и исчезали в багровых небесах. Невидимый Летающий Материк принимал на своих берегах новых и новых гостей. То и дело полыхали зелёные вспышки.

На дракона обрушились ветры. С разных сторон, разной силы, они попросту рвали его на части. Акади рассудила верно: маги ни одной из Стихий не смогли бы уничтожить Падшего,

которого теперь уместней было бы называть Восставшим. Но огонь издревле отклоняется туда, куда дует ветер. И теперь усилия сотен Воздушников не давали Огню управлять собственными движениями.

А спохватись они раньше – и Мортегар был бы жив...

Думая так, Авелла спикировала вниз и подхватила Лореотиса. Воздушные потоки легко подняли их двоих. Рыцарь завертел головой и, увидев, кто его поднимает, расслабился, опустил меч.

– Он не умер, – донеслось до Авеллы.

– Пожалуйста, молчи.

– Эта тварь не могла его убить.

– Молчи, или я тебя брошу!

– Ну так бросай! Но я не пытаюсь тебя утешить. Не знаю, вернётся ли он, но он, мать его так, жив!

Ему было легко говорить. Он не видел, как тает надпись, удостоверяющая, что Мортегар Леййан существует. Не чувствовал, как увеличился размер Хранилища, которое Авелла однажды урезала для того, чтобы отблагодарить Мортегара за вовремя наброшенный плащ. Жив или нет – для магического сознания Мортегар умер.

Граница с Летающим Материком. Доступ открыт

Зелёная вспышка, и Авелла быстро полетела к краю Материка, где уже толпились рыцари, глядя вниз, тщаь разглядеть с такой высоты, что происходит там, где решается судьба мира. Где она уже решилась...

Поставив Лореотиса, Авелла сразу же полетела обратно. Вытянулась струной, выставив перед собой сложенные вместе ладони, будто ныряла в воду. Летела вниз, высматривая следующего кандидата на спасение, и вдруг увидела брата.

Сердце больно содрогнулось в груди. Авелла ощутила себя виноватой с ног до головы. Какое право она имела отчаяться, когда есть ещё родные люди, нуждающиеся в её помощи?! Родные – род – клан. Она – глава клана, глава рода Леййан.

Показалось, или от этих мыслей даже ресурса прибавилось? Может быть, и не показалось. Ведь ей теперь доступны и клановый, и родовой ресурсы.

Набрав головокружительную скорость, Авелла практически врезалась в землю рядом с обожженным Зованом. Он лежал без чувств, сжимая меч, и на его лицо было страшно смотреть. Лица почти не осталось.

Дракон бесновался неподалёку. Воздушникам приходилось несладко. Озверевшая Стихия начала поджигать воздушные потоки, и огонь, быстро пробегая по ним, добирался до породивших их магов. Они вспыхивали спичками, едва успевая вскрикнуть.

– Держаться! – слышала Авелла чей-то грохочущий голос, должно быть, главы Ордена. – Держаться, пока не закончат эвакуацию!

Авелла коснулась плеча брата, прижалась ухом к его груди. Грудь слабо поднималась, и где-то в глубине её продолжало упрямо биться сердце. Стиснув зубы, стараясь не обращать внимания на смрад сожжённой плоти, Авелла обняла брата и взлетела с ним, торопясь скорее покинуть опасное место.

На полпути к Материку его губы шевельнулись. Авелла приблизила ухо и расслышала шёпот:

– Талли.

До крови прикусила губу.

Если насчёт Мортегара и Натсэ ещё действительно могли быть разные мнения, то Таллена, отказавшись принять силу Огня, совершенно точно обратилась в пепел. Этот кошмар Авелла видела своими глазами. Рада была бы не видеть.

– Ему нужен лекарь! – закричала она, едва приземлившись на Материке. – Срочно!

– Тут всем нужен лекарь, – бросил кто-то ей в ответ.

И действительно. Множество рыцарей Воды, Земли, да и Воздуха лежали в состоянии ничуть не лучше. Многие сильно пострадали ещё в битве с лягушками и утопленниками, других обожгло мятежное пламя.

Авелла сама себя удивила, зарывав сквозь стиснутые зубы. Неужели ещё и брата ей суждено потерять этой страшной, бесконечной ночью?

– Он ещё жив? – подковылял Лореотис, уже отозвавший доспех.

– Пока да. Но без лекаря... Я не знаю, как он ещё жив.

Лореотис, опустившись на колено, быстро осмотрел Зована и поморщился. Авелла мешкала, всё ещё смотрела на него, будто ждала чуда. Но когда рыцарь поднял взгляд, чуда там не оказалось, только тёмное пламя злости.

– Чего ты ждёшь? – заорал он. – Глава клана! Ты всех спасла? Насколько я помню, у нас в клане есть лекарь.

Авелла отшатнулась, в ужасе не то от крика, не то от слов. И правда... Как она могла забыть?!

Она молча бросилась с обрыва. За спиной, невидимые, захлопали сотканые из воздуха крылья. Авелла летела вниз и вправо, на восток, туда, где возвышался над полыхающим Дирном Каменный страж.

Принять сообщение от Акади безродной? Да/Нет

– Да, – шепнула Авелла, и ветер снёс слово, неслышанным.

АКАДИ: Он летит туда же. Поторопись.

Авелла повернула голову и вскрикнула. Огненный дракон летел ей наперерез. С каждым взмахом могучих крыльев расстояние сокращалось. Ему что, одновременно пришла в голову та же идея? Или он увидел её полёт?... Да какая разница! Нужно успеть, во что бы то ни стало.

Авелла вложила в полёт все мыслимые силы. На лету вызвала последнее заклинание Мортегара и назначила адресата.

АСЗАР: Что происходит?

АВЕЛЛА: Денсаоли сумеет поднять вас на Материк?

Пауза. Долгая. Каменный страж приближался. Огненный дракон приближался...

АСЗАР: Она не уверена. Возможно, одного человека.

АВЕЛЛА: Пусть поднимет вас. Прошу, отыщите и спасите моего брата, его имя Зован, он умирает. Лореотис с ним.

АСЗАР: Боргента?

АВЕЛЛА: Я почти на месте. Быстрее!

АСЗАР: Летим.

Связь оборвалась, буквы исчезли. Только странные символы, обозначающие название заклинания, всё ещё висели перед глазами. Авелла принялась их читать, чтобы занять разум хоть чем-то, кроме паники:

– М-м-ме-с-с-е-н-д-ж-е-р с-о-ц-и-о-ф-о-б... Мортегар, твой язык попросту ужасен! Да как на нём можно хоть слово произнести? И как Натсэ умудряется...

Ветер сдул наворачившиеся слёзы. Миг спустя Авелла влетела в раскрытые двери Каменного стража, прямо над головой застывшей в проёме Боргенты. Та вскрикнула, отшатнулась, но не оторвала взгляд от страшного неба. Авелла, едва коснувшись ногами пола, посмотрела туда же. Дракон.

Ей захотелось кричать снова. Вспомнила, как Мортегар посадил рябину, как они поклялись, что вернутся в этот дом, во что бы то ни стало. И что теперь? Минута – и дом уничтожит Огонь.

– Что там случилось? – дрожащим голосом спрашивала Боргента. – Мы ничего не поняли... Что с Мортегаром, откуда это... это...

– Я не отдам ему наш дом! – закричала Авелла, чувствуя, как вновь текут по щекам слёзы. – Не от-дам!

Боргента прикусила язык, увидев выражение её лица. Поняла, что сейчас не до вопросов.

Авелла быстро оглянулась, будто в поисках оружия. Но какое оружие она могла поднять на сам Огонь? Смешно. Она была самым смертоносным оружием здесь. И Боргента подошла к ней, встала рядом, борясь с желанием спрятаться ей за спину. Авелла была ниже, тоньше, и эти «прятки» выглядели бы гротескно.

– Что нам делать? – не сдержалась она всё-таки.

Авелла, сжав кулаки, тяжело дышала. Что делать? Что делать?.. Что делать?!

Негромкое вопросительное мяуканье привело её в чувства. Она увидела выглядывающую из-за угла кошачью мордочку и улыбнулась:

– Привет, Мортгар. Тебе страшно, да?

Мордочка качнулась, будто кивнула.

– Ничего. Сейчас я всё исправлю.

Авелла опустила на одно колено и коснулась руками каменного пола. Прикрыла глаза.

Разделение

Трансформация

Эти заклинания комбинировались нередко. Авелла и сама частенько упражнялась с ними. Сейчас Земля охотно откликнулась на её зов. Авелла не увидела, но почувствовала, как вокруг стены, опоясавшей дом, пробежала трещина, будто срезая верхушку холма, вместе с домом, колодцем и тремя деревцами, которые должны, просто обязаны были расти тут вечно.

– Авелла, что ты делаешь? – паниковала Боргента. – Это... Это Мелаирим?!

Авелла распахнула глаза. Дракон подлетел к самому дому, и она как раз успела заметить, как исчезают огненные крылья за спиной Мелаирима. Тот перешёл на шаг в ту же секунду, как прервался полёт, будто каждый день так летал и приземлялся. Шагал, оставляя за собой дымящиеся следы.

– Уходи! – крикнула Авелла, поднимаясь.

– Разрешаю тебе жить, – прозвучал в ответ страшный, нечеловеческий голос. – Мне нужна она.

Мелаирим вытянул руку и указал пальцем на Боргенту, одновременно переступая порог.

Воздушный молот

Авелла готова была поклясться, что услышала хруст костей, когда сжатая Стихия ударила Мелаирима. Он вылетел в дверь, кувыркаясь в воздухе, и на лету вновь расправил огненные крылья. Когда Авелла вышла на крыльцо, он уже вновь обратился драконом, и волны жара сушили кожу.

Авелла призвала кинжал и рассекла кожу на запястье. Алая кровь упала на землю.

– Я уничтожу тебя! – загрохотал голос Стихии. – Лишь слабый разум этого человека не даёт мне тебя убить. Спасайся, глупое дитя!

– Я, Авелла Леййан, маг Воздуха и... и рыцарь, объявляю эту землю своим домом! Я, Авелла Леййан, маг Земли, позволяю магу Воздуха, Авелле Леййан, вступить во владение этой землёй и передаю её Воздушной Стихии. Кровь наша, да скрепит соглашение.

Перед глазами что-то вспыхнуло. Авелла закричала и упала на колени. Скатилась по ступенькам, но не чувствовала даже боли. Вернее, чувствовала: болела голова. Разламывалась на куски. И эти надписи, бешено скачущие перед глазами... Магическое сознание выворачивалось наизнанку, пытаясь определиться, возможно ли то, что ему диктуют.

Авелла трижды нарушила известные правила. Только рыцарь мог обладать собственным подвижным земельным наделом – но рыцарь Воздуха, а она была рыцарем Земли. Только маг Земли мог передать рыцарю Воздуха земельный надел, но никак не сам себе. И, наконец, отдать можно было только участок, принадлежащий магу. А дом этот Авелле не принадлежал...

Но что-то всё-таки сложилось. Что-то пошло на уступки, или просто магическое сознание оказалось не защищено от таких нападений. Кто, кроме Мортегара, мог додуматься до подобных махинаций? Лишь та, что слишком долго с ним общалась и приучилась думать, как он.

Всё-таки Авелла была магом Воздуха и – рыцарем. Пала первая преграда. Всё-таки она была магом Земли – и пала вторая преграда. И этот дом она считала своим, вопреки всему. Она верила в этот дом за троих: за себя, Натсэ и Мортегара. Этой веры не сдержала третья преграда.

Из забытья Авеллу вырвал рёв, от которого дрожала земля. Нет, не от него... Приподнявшись на трясущихся руках, Авелла заплакала вновь, но теперь – от облегчения. Дом стремительно летел вверх, в небо, затянутое сплошным заревом. И дом, и макушка холма, отрезанная магией Земли. И колодец за домом. И три деревца, дорожке которых не осталось в жизни ничего. И даже кот, в панике носящийся по ставшему Воздушным дому.

– Ты живая?! – На неё налетела Боргента, подхватила, подняла.

Авелла вздрогнула. Некстати пришло воспоминание о той дурацкой ночи, так многое изменившей. Она помнила прикосновения этих рук. Боргенте, видимо, вспомнилось то же самое, и она отшатнулась от Авеллы, но ничего не сказала. Разве что покраснела.

С трудом держась на ногах, Авелла подошла к краю своего крохотного островка, который теперь летел, опираясь на силу клана Воздуха, и заглянула за грань, опираясь о край стены. Снизу летел дракон. Он рвал Воздух Огненными крыльями, сыпал искрами и ревел, ревел. Как быстро ни поднимался остров, дракон летел быстрее.

– Ну, я сделала всё, что могла, – улыбнулась его приближающейся морде Авелла. – Ресурс – два. Можешь меня убить.

На душе и вправду стало как-то легко и весело. Смерть? Ну, пускай будет смерть. Подумаешь, невидаль. Теперь, когда мир опустел, когда дом отвоёван, когда сделано всё, что можно и нельзя – почему не умереть?

– Да отстань же ты от ребёнка, чудовище! – прогреготал на всё небо голос матери.

Госпожа Акади обрушилась на островок откуда-то сверху, и даже Авелла почувствовала, какие страшные воздушные вихри бушуют вокруг неё. Вся эта мощь полетела в дракона, вся сила клана Воздуха. В него будто камнем попали. Искры брызнули во все стороны, он завертелся на месте, рёв превратился в визг.

– Быстрее, дочь! – повернулась Акади. – Ищи новую ветку: «Управление домом». Невидимость. *Невидимость* – Быстрее, дочь! – повернулась Акади. – Ищи новую ветку: «Управление домом». Невидимость.

Авелла скользнула мысленным взглядом по Воздушному дереву и отыскала то, что требовалось. Заклинание сработало, никак не отразившись на и без того почти закончившемся ресурсе. Огненный дракон потерялся далеко внизу.

– Рука, – вздохнула Акади, схватив окровавленную руку Авеллы. – Нам нужно скорее попасть на Материк, показать тебя лекарю. Дашь мне управление твоим домиком, малыш?

– Да, – безразличным тоном произнесла Авелла и тут же встрепенулась: – А Зован?..

– Живой. Этот ваш страж на него весь свой ресурс потратил, но спас. Пока без сознания, но ему уже хотя бы не боль...

Договорить Акади не смогла. Дочь вдруг бросилась ей на шею, обняла, пачкая кровью платье, зарыдала, уткнувшись в грудь лицом. Акади с грустной улыбкой погладила её белокурые волосы.

– Плачь, малыш, – прошептала она. – Теперь – можно. Ты сегодня была достаточно сильной.

Увидев приближающегося к дому огненного дракона, Гетаинир обмочился. Ему уже давно нужно было в туалет, но он всё висел в Воздушной ловушке, которую создал этот тре-

клятый Ямос, и никак не мог вырваться. А когда до него донёлся жар драконьих крыл, мочевого пузырь просто перестал слушаться доводов разума.

Но дракон пролетел мимо. Гетаинир слышал обрывки разговоров из Каменного стража, но ничего конкретного. Понял лишь, что с драконом разговаривает эта так называемая Боргента. А потом верхушка холма вдруг легко оторвалась и полетела вверх. Гетаинир, раскрыв рот, провожал её взглядом. Следом, заревев, полетел дракон, однако вскоре что-то его остановило. Он заметался в воздухе, а «остров» исчез. И дракон, без толку пометавшись, полетел вниз.

Бешено заколотилось сердце. Гетаинир повернулся и забултыхал руками и ногами, пытаясь вырваться.

– Эй, кто-нибудь! – заорал он столпившимся у подножия холма полумёртвым от ужаса горожанам. – Потяните меня! Дёрните за руку, ну?! Я сумею спасти нас от этой твари, мы уйдём через землю!

Несколько человек пошли к нему, но остановились, сделав лишь несколько шагов. Замерев от ужаса, Гетаинир почувствовал нестерпимый жар сзади. Впрочем, он тут же исчез.

– Так-так. – Почтенный Мелаирим обошёл висящего в воздухе мага и заглянул ему в лицо. – Всё ещё тут? Мальчишка сильнее, чем я предполагал. Полагаю, он пока спит. Но мне по силам оборвать те нити, за которые он тебя держит.

Глаза Мелаирима были страшными, чёрными. Глубоко-глубоко мерещились искры огня. Казалось, будто вместо глаз – две бездны, в каждую из которых можно падать вечно, а в конце вечности тебя будет ждать пламя.

– Простите. Умоляю простить за всё, что я вам наговорил. Я не хотел, право! Я... Я понятия не имею, что тут происходит, я совершенно к этому не причастен... – забормотал Гетаинир.

– Хочешь жить? – спросил с улыбкой Мелаирим.

– Да! Очень! Очень хочу! Но меня, должно быть, осудят на смерть...

– Не переживай об этом. Я сохраню тебе жизнь, а ты мне послужишь. Словом. Делом. Душой. Телом.

– Всё, что угодно, почтенный Мелаирим!

Мелаирим взмахнул рукой. Как будто пламя пронеслось над головой Гетаинира, и он, вскрикнув, упал на землю. Свобода! Вот она – свобода!

– Можешь называть меня Двulichным, – сказал Мелаирим, судя по голосу, едва сдерживая смех. – Теперь... Теперь мне нравится это имя. Эй, вы! – обратился он к горожанам. – Я не враг вам, так же, как не враг пыли под моими ногами. Простолюдины не имеют никакого значения. Возвращайтесь к своим жилищам и попробуйте их потушить. Больше я вас не потревожу. Хотя и не обещаю... Ты! – Это опять Гетаиниру. – Встань и пошли за мной. С тобой придётся долго работать, прежде чем выйдет толк.

И Гетаинир пошёл, как привязанный, за Мелаиримом. Если у него и возникала мысль остановиться, он не набрался смелости дать ей волю. Мелаирим приказывал, Гетаинир подчинялся. Мир вдруг стал простым и безопасным.

Глава 1

Звук, который я слышал сквозь сон, казался мне каким-то неправильным. Неуместным. Я просто не верил в него, отгораживался всеми силами. Там, во сне, я что-то забыл, что-то оставил важное. Настолько важное, что даже сам себе не мог объяснить, что это. Будто часть моей души, отчаянно жестикулируя и беззвучно крича, таяла во мраке, а я бежал вслед за ней, не обращая внимания на то, что ноги вязнут в темноте, бежать становится всё труднее. Тратил и тратил силы, стараясь догнать что-то непонятное. Пытаясь сбежать от странного звука, который с каждым мигом становился всё более знакомым, и этого узнавания я боялся, как огня.

Как огня... Хм... А боялся ли я огня?

Ran-ran punch mind, ran-ran-ran-ran panchi maindo...

Ну вот, узнал. Опенинг какой-то третьесортной анимешки про девочек, которые учились быть счастливыми. Нет, это не тонкий намёк на интимные отношения, всё там, помнится, вполне прилично было. Только анимешка всё равно шлак ещё тот, а вот опенинг мне понравился. Настолько, что я подумал: было бы неплохо поставить его на...

– Будильник, – пробормотал я и открыл глаза.

Глазам было непросто поверить. Кажется, давно я не видел ничего более удивительного, просыпаясь. Моя комната, залитая утренним весенним солнцем. Компьютерный стол, чёрный дисплей монитора, спинка кресла, книжная полка...

– Дима! – Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возникла женщина в халате и с полотенцем, наваленным на голову. – Выключи немедленно этот кошмар, у меня с утра голова болеть начинает, клянусь, ещё раз оно так заорёт – я твой телефон в унитаз смою.

– Да, мам, – прокричал я, шаря рукой по полу.

Так, вот он – телефон. Свайп вверх, будильник заткнулся. Несколько секунд я тупо смотрел в глаза Рюгу Рене из аниме «Когда плачут цикады». Потом заблокировал экран.

– Завтрак почти готов, отец уже ушёл, давай поднимайся, в школу опоздаешь, осталась-то пара недель, ещё не хватало... – Говоря, мама уходила в глубь квартиры, и остатка монолога я уже не расслышал. Да там, честно говоря, вряд ли было что-то интересное.

В школу опоздать было бы сложно. Школа – через дорогу, а будильник я ставил на семь утра. За час можно не то что позавтракать и в душе ополоснуться, но и полежать почитать чего-нибудь. Куда спешить-то? Предстать пред светлы очи одноклассников, для которых я то не существую, то они меня презирают? Такая себе мотивация в школу спешить, честно говоря.

Я сел на постели, потряс головой. Станный сон всё не отпускал. Что же там было?.. Я напряг память, и первыми пришли запахи. Смердело так, что меня чуть не вырвало от одного воспоминания. Сгоревшая плоть... Кажется, какой-то человек сгорел живьём прямо у меня на глазах. Какой человек? Где? Почему?..

Теперь и у меня начала болеть голова, но я всё равно упрямо старался вспомнить. Что-то важное, что-то незаменимое осталось там, во сне, и так хотелось отыскать туда дорогу...

Вдруг вспомнился вчерашний день. Ярко, отчётливо. Я прихожу домой из школы, поднимаюсь по ступенькам и... Запах. Тот самый запах, или похожий. Как будто что-то горит. Ключи. Дверь открывается, а за ней...

Я с воплем повалился на пол, держась за голову. Вспышка боли пронзила меня насквозь. Ничего не получилось вспомнить. Только огонь. Как-то всё это было завязано на огонь... Но что «всё это»?..

– Дима! – Мама снова возникла в проёме, теперь полотенца на голове не было, спутанные влажные волосы спадали на халат, а в руке она держала неподключенный фен. – Что с тобой? Ты что, упал?

– Угу, голова закружилась, – промямлил я, поднимаясь.

– Потому что не надо мультики свои дурацкие до трёх часов ночи смотреть, вроде взрослый парень, а всё как ребёнок малый, я не знаю, у других дети как дети, вон, у Семенковой сын в прошлом году...

Голос матери опять плавно утих, улетаая вслед за своей обладательницей, а я втащил себя в кресло и перевёл дух.

– Аниме – не мультики, – буркнул я, повернувшись к столу.

Монитор, клавиатура, системный блок, несколько тетрадей, ручки, шнуры, скомканные наушники. Всё вроде было обычно, кроме, разве что, чёрного ящичка из полированного дерева. Не припомню, чтобы у меня такой был. Что за утро, полное странностей?..

Я открыл ящик и несколько секунд смотрел на круглые чёрные камни с нанесёнными на них узорами. Что это? Откуда? Один из камней приглянулся мне больше других. На нём была вырезана простейшая стрелка, но одно её «крыло» как будто было побледнее, так что при беглом взгляде символ мог показаться обыкновенной единицей.

Я повертел камень в руке. Он тоже вёл куда-то туда, в позабытый сон, и от этого вновь начинала болеть голова. Я, морщась, выронил камень в ящичек и раздражённо дёрнул ногой.

– Ай, ***! – вырвалось у меня. В глазах потемнело от боли, под столомбрякнуло. Там-то ещё что за хрень загадочная таится во тьме?

Я встал, отодвинул кресло, опустился на корточки и замер.

Нет, ящичек с камнями – ладно. Ну, серьёзно, всякое бывает: купил какую-то фигню и забыл, допустим. Но батарея закупоренных бутылок и сундук, будто из реквизита «Пиратов Карибского моря», – это уже за гранью. Может, я чего-то не понимаю?

Я взял одну из бутылок. Тёмное стекло, как от шампанского, да и форма немного похожа. Пробка забита крепко, вытащить не получилось. Ещё и залита чем-то. Сургучом, что ли? Дикость.

На бутылке была и этикетка. Но что на ней написали – этого я опять не понял. Написано, кажется, вообще от руки. Никогда не видел таких иероглифов. На японские или китайские вообще не похоже. Арабские? Древнеегипетские? Нет, тоже что-то не то... Голова закружилась от этого сплетения прямых и изогнутых линий, тщащихся мне что-то сказать. Я поспешил задвинуть бутылку обратно и открыл сундук.

– ***, – сказал я. – *** *** **.

– Дима! – Я подпрыгнул, долбанувшись затылком о стол. – Это что за слова, а? Ты чего под столом ползаешь, бегом, я ванну освободила, завтрак на столе, зубы почисти, да расчешись хоть, на кого ты вообще похож, хоть бы в зеркало иногда гляделся, молодой парень...

Дождавшись, когда мама уйдёт, я опять приоткрыл крышку сундука. Они не исчезли. Золотые монеты, несколько серебряных, пригоршня медяков. На всех них тоже было что-то написано, подобными же иероглифами, которые я не мог прочитать. Целый сундук золота! У меня под столом!

Я разворошил монеты, думая найти фальшдно, но нет. Сундук действительно забит снизу доверху золотом. Я, конечно, не ювелир, но этот блеск, вес, это ощущение... Золото. Настоящее. Интересно, на сколько тут? Миллион? Десять? Сто?.. Блин, да о чём говорить, я не знаю даже, сколько грамм стóбит. И в жизни не представлю, сколько весит одна монета. А самое главное – понятия не имею, откуда всё это добро тут взялось. Что, зубная фея прилетала, не нашла зубов, напилась с горя, оставила недопитые бутылки и сундук с годовым золотым запасом?.. Хм, а это мысль. Ничем не хуже любой другой дурацкой мысли. Кстати, раз пошла такая пьянка, может, и сама фея где-нибудь ещё дрыхнет?

С этой соблазнительной мыслью я заглянул под кровать...

Нет, феи там не оказалось. Жаль, конечно. Хотя, не так уж и жаль. В конце концов, на что мне фея, да ещё с похмелья? Она ж, небось, маленькая, да даже если и нет, то, проснувшись, ужаснётся, устыдится и улетит получать втык от феяного начальства. Сказки и романтика –

это не про меня. Мне уготована серая унылая жизнь, и только на экранах я смогу видеть что-то яркое и приятное глазу и сердцу.

Да, феи не было. Зато под кроватью обнаружился меч в кожаных ножнах. Я подтянул его к себе, вытащил, осмотрел. Меч... Взялся за рукоятку, обнажил лезвие, украшенное незамысловатым орнаментом. Потрогал его пальцем – острое. У меня под кроватью – остро заточенный боевой меч! Да что происходит?!

Я задвинул меч обратно в ножны, затолкал его под кровать и сделал несколько глубоких вдохов-выдохов. Вдох – и я существую, я в этом мире. Выдох – и меня нет... Кто меня этому научил? Почему в воспоминаниях блеснули голубые глаза, почему сердце отозвалось сладкой болью?

Я резко встал. Хватит! Мне срочно нужна инъекция реала, иначе я тупо сойду с ума. А это вообще не вариант перед ЕГЭ. Мне, чёрт возьми, нужен аттестат, чтобы потом получить какой-нибудь диплом, найти незамысловатую работу, убогое жилище, где я смогу спокойно уничтожать свою жизнь, запивая «Доширак» «Кока-колой» и бесконечно таращась в монитор с «этими твоими китайскими мультиками» © Мама. Да, всё чётко. У меня есть ориентиры, есть жизненная цель. Я добыюсь, я справлюсь. Я – крутой и успешный!

Проходя мимо высокого зеркала в прихожей, я вдруг замер. Медленно повернулся и окинул себя взглядом с ног до головы.

– Мам, вы что, зеркало поменяли? – крикнул я.

– Что? – Мама выглянула из кухни, уже в рабочей блузке и юбке, с расчёсанными пышными сухими волосами.

– Вы купили другое зеркало?

– Дим, ты заболел сегодня, или что? Температуру померить?

Я досадливо отмахнулся. Нет так нет, так и скажи, сложно, что ли?! Мама скрылась, а я ещё раз посмотрел на своё отражение.

Нет, толстяком я, конечно же, не был. Однако собственное тело всегда мне казалось некоей аморфной субстанцией, будто наспех вылепленной из куска пластилина. Сегодня утром я видел что-то другое.

Я предельно чётко знал, что так называемые «кубики пресса» – это выдумка голливудских режиссёров и сплошные спецэффекты. Качай пресс хоть по пять минут каждые две недели в течение месяца – ты ничего не добьёшься. Но откуда же сейчас я вижу их на себе? У себя?.. Как это правильно сказать-то...

Я видел и мышцы груди, и дельтовидные, которые чётко прорисовывались при попытке приподнять руку. Согнув руку в локте, увидел рельефный бицепс. Нет... Это не моё тело. Наверняка не моё! Хотя лицо, например, моё. Но тоже не на сто процентов. Что-то в нём изменилось, оно как будто... повзрослело, что ли.

С полгода назад мне случайно попала книжка – «Заложники солнца», постап. Там была похожая сцена, когда главный герой, пацан моего возраста, посмотрел в зеркало и тоже себя не узнал. По таким же примерно причинам. Но у него хоть оправдание было: он перед тем чёрт-те сколько путешествовал с местными отморозками, драться учился, людей убивал, всё такое. А я? Я ж тупо спать лёг, вот и всё. Даже не помню, как лёг-то. И откуда у меня вся эта мышечная масса?

И всё это золото?

И всё это вино?

Меч?

Ящик с чёрными камнями?..

И, господи всемогущий, когда я в последний раз стригся-то?! Патлы чуть не до плеч, как у металлиста.

– А чья это комната?

Мама уже обувалась возле двери, а я пока не торопился уходить. Мне было идти минут пять, а сейчас ещё без двадцати.

– Что? – переспросила мама, и в её голосе мне почудилась растерянность.

– Эта комната... Чья она?

Я стоял перед закрытой дверью, и почему-то у меня гулко билось сердце, почему-то дрожали руки.

– Н-ничья, – ответила мама сдавленным голосом. – Просто комната.

Просто комната... Я прекрасно помнил свою комнату, спальню родителей, просторный зал, кухню, ванную и туалет. Но почему же здесь воспоминания как будто отрубил мечом? Просто комната...

– Ладно, всё, я полетела, давай, удачи в школе, смотри не опоздай, вернусь к семи, отец будет поздно, обед в холодильнике, поешь, пожалуйста, нормально, и вынеси мусор, и в комнате у себя...

Опять я не услышал конца речи – дверь захлопнулась, повернулся ключ в замке. Я даже не обернулся. Набрав в лёгкие побольше воздуха, я толкнул рукой дверь в «просто комнату» и переступил порог.

В «просто комнате» обнаружилась неряшливо застеленная кровать. На стенах висели плакаты. «Ария», «Король и Шут», какие-то зарубежные группы, во, «Раммштайн» – это я знаю. На столе – бардак. Тетрадки, скомканные листы, ноутбук из-за всего этого еле виден, внушительные колонки на полу, на одной валяется кукла в одних трусах, будто уснула на вечеринке, которая удалась. «Просто комната»...

Я посмотрел тетради. Показалось, почерк девчоночий, но на обложках, там, где должны были быть написаны имя и фамилия ученицы, зияли дыры, будто прожжённые, с обугленными краями. Ничего не понимаю...

Я попытался включить ноут. Клавиатура сперва было засветилась голубой неоновой подсветкой, но тут же что-то пошло не так. Внутри громко хлопнуло, наружу повалил чёрный дым, показалось пламя.

– Твою ж мать!

Сам не заметил, как стремительно выдрал шнур из розетки, подхватил ноут и принёс в ванную. Откуда у меня такие реакции? Раньше отскочил бы и тупил минуту, думая, вызывать пожарных, или уже поздненько метаться и можно просто сгореть.

Я положил ноут в ванну и окатил его из душа. Пламя, зашипев, погасло.

– Так. Я в школу, а ты полежишь пока тут, агрессивный вспыльчивый ублюдок, – сказал я ноуту. Сказал – и снова прислушался к себе. Почему я так сказал? Совсем не в моём духе ведь. Ладно... Правда пора в школу. После уроков будет время разобраться со всеми странностями. В ванне с мокрым ноутбуком ничего ведь не случится страшного, правда?

На всякий случай я отсоединил батарею.

И всё же не удержался, вернулся в «просто комнату». На столе лежали mp3-плеер и наушники. Ну явно девчачьи наушники, розово-чёрные. Нет, это уже вообще за гранью воображения. Кто-то ведь жил тут, почему я этого не помню! Это ведь не тайная комната с дверью, замаскированной под обои. Нет, обычная дверь, обычная комната. Вон шкаф, комод...

Я приоткрыл комод, несколько секунд смотрел внутрь ящика, покраснел и закрыл обратно. Копаться в девчачьем белье я точно не стану, даже если оно и «ничё». А может, это зубная фея за ночь так обжилась у нас в квартире, сотворив лишнюю комнату? Очень даже может быть. Бельишко, кстати, действительно маленькое, лоли-стайл, фее в самый раз. Дурдом какой-то...

Время уже поджигало. Я взял плеер с наушниками (это-то добро, надеюсь, не загорится?), вышел в прихожую, обулся, подхватил сумку и отпер дверь. Пока спускался, надел наушники и просто ткнул кнопку «воспроизведение». В уши ударили тяжелометаллические риффы.

Я спустился вниз, протянул руку к кнопке, открывающей электронный замок подъездной двери, но не нажал. Палец замер в сантиметре от неё и задрожал, потому что слова, которые раздались в наушниках, в очередной раз непонятной болью пронзили мне сердце:

*Черней вороньего крыла,
В оковах силы, разбудившей тьму,
Лежит распятая Земля,
С мольбой взирая в пустоту.*

*Земля и стонет, и дрожит,
Вокруг смятенье, боль рождает злость.
Тебе ещё нет двадцати,
И быть в аду не довелось...*

Дверь открылась сама – кто-то вошёл. Вернее попытался войти и отшатнулся, чуть не врезавшись в меня. Я рванулся на волю, на воздух. Оттолкнул этого непонятно кого, сделал пару шагов и упал на лавочку, задыхаясь, опустил голову, пытаясь скрыть неизвестно от кого непонятные слёзы.

*Власть Огня!
Багровый отблеск, как знаменье.
Власть Огня!
Живых и мёртвых сочтёт.
Власть Огня!
Здесь брода нет, но есть последний
Твой удар,
Всё остальное не в счёт...*

Сквозь боль, грызущую сердце и голову, рвались воспоминания, прямиком из того сна. Я видел огонь. Дикое пламя, пожирающее странный город. Алое небо. Армию рыцарей, глядящих в это небо, на приближающегося огненного дракона. Я был там, с ними, и ждал неминуемой смерти. Кто-то ещё стоял рядом со мной. Кто-то очень важный, родной и необходимый, кого я, наверное, навек потерял.

*Огонь покорным быть устал,
Устал смирать свой гордый нрав и дух.
Жестоким зверем он восстал,
Презревшим милость наших рук...*

Я дрожащими руками выключил плеер. Переместил наушники на шею. Сердце рвалось наружу. Ему тесно было в груди, тесно было в этом городе, в этом...

В этом мире.
– Где я был? – прошептал я в пустоту. – Кто я?..
Мир молчал. Волны памяти успокаивались, улеглась боль.
Кто я?

Сейчас я – ученик выпускного класса. Это ненадолго. Несколько уроков можно потерпеть, а потом – потом я найду ответы, или умру. Боль меня не пугает. Теперь я точно откуда-то знаю, что терпел и куда более страшную боль. Было, ради чего.

Глава 2

Миша распахнул подъездную дверь и, зевая, выбрался под лучи набирающего силу весеннего солнышка, как медведь, пробуждающийся после спячки. Мише хотелось спать, и чтобы школа, со всеми своими экзаменами, выпускными, одноклассниками и учителями провалилась сквозь землю. Ну хоть на денёк, ну что ей, трудно, что ли?

Остановившись на крыльце, Миша огляделся. В уши долбил качественный американский рэпняк, по улице носился прохладный ветерок. В принципе, не так уж плохо всё, даже можно, в принципе, жить. Свежий ветер и чистое небо в Красноярске – это ли не чудо, аллилуйя? Где-то должен быть подвох. А, да, вот он.

Миша наморщил нос, когда его взгляд упал на лавочку у подъезда. На лавочке спал бомж в грязном тряпье неопределённого цвета и покроя. Как всегда в такие минуты, Миша сперва испытал острое чувство вины за своё объёмистое пузо (человек-то голодает!), а потом разозлился (да что ж такое, в центре города, с утра пораньше!) и гордо прошёл мимо.

Однако краем глаза он успел заметить, что бомж зашевелился. Заметил даже, что какой-то он маленький, этот бомж. Ребёнок, что ли? Или дистрофик? Ещё больной, поди, спидозник какой-нибудь, ну его на фиг... Ах ты ж, пакость, следом идёт! Говорит чего-то? Наверняка деньги кланчит, паскуда.

– Отвали, нет ничего, – огрызнулся Миша, не оборачиваясь, и воинственно поправил лямки рюкзака.

И тут его схватили за рюкзак. Нет, ну это уже наезд! Ладно, делаем рожу кирпичом. Главное – в зубы не бить. В торец двинуть разок – ему и хватит, там доходяга какой-то.

Сжав правую руку в кулак, Миша развернулся и... замер. Ударить не получилось. Правая рука медленно разжалась, потянулась к гарнитуре, нажала кнопку паузы и дёрнула провод, освобождая уши от «затычек».

– Э-э-э... Привет, – сказал Миша, чувствуя, как губы самопроизвольно растягиваются в улыбке.

Бомж оказался темноволосой девушкой. Да, она была одета не пойми как, сама чумазая, от неё пахло костром, но таких симпатичных мордашек Миша в реальности, кажется, никогда не видел. И эти ярко-фиолетовые глаза, будто подсвеченные изнутри. Нет, всё-таки есть разница между презренным бомжом и прекрасной дамой, оказавшейся в трудном положении.

Девушка улыбнулась в ответ на Мишину улыбку и заговорила, продемонстрировав ровные белые зубы. Интересно, сколько сотен тысяч стоит сегодня обладание такими зубами? Что бы ни говорили в рекламных роликах про зубные пасты и щётки, а по-настоящему белые зубы почему-то остаются только в тех самых роликах, да ещё у не самых бедных людей.

– А? – встrepенулся Миша, сообразив, что не понял ни слова из бурного монолога, произнесённого девушкой.

Она сказала ещё несколько слов, и Миша понял две вещи: 1) девушка точно говорит не по-русски; 2) кажется, и не по-английски. Других языков Миша не знал даже в первом приближении, поэтому мысленно с глубоким уважением навесил на красотку ярлык «загадочной».

Она вдруг замолчала, закатила глаза, будто вспоминая что-то, или безмолвно офигевая от Мишиной тупизны.

– Ди-ма, – услышал он внятно и по-русски. – Ди-ма! Дима!

Фиолетовые глаза смотрели с надеждой.

– Не! – Миша покачал головой. – Ноу. Нот Дима. Май нейм из Миша. Ми-ша!

Почему он перешёл на английский, Миша затруднился бы объяснить. Подсознательно казалось, что если он начнёт говорить на иностранном языке, то иностранке будет легче. По крайней мере, одинокой себя не будет чувствовать: он, Миша, вот, тоже мучается.

– Ми-ша? – повторила девушка, как будто узнав имя. – Миш-ка?

– Ну, можно и Мишка, – допустил Миша. – Меня, в принципе, как угодно можно. В смысле, тебе можно. То есть... А, забей!

Девушка забила своеобразно. Ещё когда она лежала на лавочке, Миша заприметил палку, торчащую у неё из-за спины. Теперь она взялась за неё рукой и вытянула самую настоящую катану. Или не катану, но меч. Изогнутый.

– Мишка, – повторила она.

– Ну да-а-а, – протянул Миша, оглядываясь; как назло, двор пуст, вообще ни души. – А это плохо?

Девушка ободряюще улыбнулась и коснулась лезвием Мишиного левого плеча.

– Мишка ко-со-ла-пий по лы-су идьют, – медленно, старательно говорила она, перемещая лезвие с левого на правое плечо. – Шышкйи собйирайэт, пиесьиенкйи пой-йот...

Миша, как замороженный, следил взглядом за танцем лезвия. В реальность происходящего уже не верилось от слова «совсем». Что за гротеск и артхаус?! Может, Дэвид Линч кино снимает? Да вроде камеры не видать. А может, красотка элементарно обдолбалась вусмерть?

– Вдруг упа-ла шышка прямо Мишкйе в люб...

Тут она подняла меч повыше, лезвие нацелилось на Мишину голову.

– Нет! – шарахнулся он, чуть не повалившись на капот стоящей у подъезда «Короллы». – Не надо «упала шышка»! Я... Я ещё слишком молод для такого!

Девушка склонила голову, будто прислушиваясь, и вопросительным тоном произнесла:

– Мишка рассердйилсйа?

– Скорее немного встревожился, – поправил её Миша.

Девушка пристально, с надеждой смотрела на него.

– И ногой – топ?

Несколько секунд подумав, Миша решил, что это – запрос коммуникации. Поднял правую ногу и несильно топнул по асфальту. Результат превзошёл все ожидания. Если бы каждая девушка так реагировала, Миша бы топал на них постоянно. Меч исчез за спиной, на лицо красавицы вернулась улыбка, она шагнула вперёд и взяла Мишу за руку, заглянула в глаза, повторила:

– Дима!

– Блин, – пробормотал ошалевший Миша. – Ладно, окей, я в игре. Ты ищешь Диму, так?

– Дима! Так! – закивала девушка.

Потом она ткнула пальцем в грудь Мише, кивнула с особой значимостью. Показала на себя, снова кивнула. Потом подняла руку и задержала её сантиметрах в семи-восьми над Мишиной головой.

– В смысле, он нашего возраста, выше меня? – вяло переспросил Миша, пытаясь представить количество Дим в Красноярске. Энтузиазма как-то не было. Красотка весьма ясно дала понять, что люб ей отнюдь не Миша. А тут она ещё посмотрела на его живот и показала руками что-то узкое.

– Ага, то есть, я толстый, да, – кивнул Миша. – Не то что офигительный Дима. Ну и ищи его, мне-то чё?

Он развернулся, но успел сделать лишь пару шагов. На плечо ласково легло лезвие меча. Миша замер.

– Ми-и-ишка-а-а, – грустно протянула девушка. – Дима...

Да чтоб тебя... Вот впух-то с утра пораньше. Это даже не френдзона, это гораздо хуже. Может, полиции её сдать? Там пускай и меч заберут, и Диму отыщут. Но рядом полиции нет, и двор всё так же пустынен.

Миша повернулся, хотел было сказать что-то злое и резкое, но не сказал. Девушка не улыбалась. Лицо её было грустным-грустным. Так, будто она и сама понимала ничтожность своих шансов найти в огромном городе какого-то Диму при помощи какого-то Миши...

– Ну ладно, допустим, – вздохнул Миша. – Смотри.

Он сунул руку в карман. Заметил, как дёрнулся при этом меч. Девчонка явно была напряжена сверх всякой меры. Однако, увидев Мишин смартфон, она вдруг улыбнулась, кивнула и убрала меч вновь. Что-то он ей напомнил, что ли? Улыбка какая-то... странная. «Айфон», может, впервые в жизни видит? Смотри-смотри, какой крутой, с яблочком надкушенным.

Миша открыл приложение ВКонтакте, ввёл параметры поиска и, встав рядом с девушкой (всё же волнительное было ощущение – когда её плечо коснулось его плеча), показал ей результаты.

– Дима, – сказал он, прокручивая кажущийся бесконечным список имён и фамилий с аватарками. – Красноярск. Десять с лишним тысяч результатов. Дмитрий. – Он подправил условия поиска. – Ещё сорок одна тысяча. Димон – пятьсот двадцать три. А если он вообще назвался каким-нибудь «Демоном Ада», например, как ты его найдёшь? Одного «Дима» – маловато. Скажи ещё хоть что-нибудь. Фамилия? Адрес? Ну, там, улица, дом...

– Улытса! – встрепенулась девушка и прикрыла глаза. Губы зашевелились. Сперва беззвучно, потом прозвучали чёткие слова: – Дима. Диамйит-и-ир-ий... – Казалось, каждый звук заставляет девушку мучиться от головной боли. – Улытса Ба-ты-ур-йи-на, дом сийем.

Она распахнула свои удивительные глаза и с надеждой посмотрела на Мишу. Тот хмыкнул, потыкал ещё экран смартфона и вздохнул:

– Не дурак твой Дима. Адрес не указывает. Если он, конечно, вообще в соцсетях есть... Ну и что мне с тобой делать? Я, вообще-то, в школу опаздываю. Батурина – это ж, блин... – Он напряг память. – Это ж Взлётка вообще.

Фиолетовые глаза высасывали душу своей жутковатой надеждой. Миша опять вздохнул:

– Как тебя зовут-то?

Она захлопала глазами.

– Ну... Миша. – Он ткнул пальцем себя в грудь. – Дима. – Махнул рукой в сторону Взлётки. – А ты? – Он невежливо указал пальцем на девушку.

Она произнесла в ответ что-то, что повторить Миша бы не осмелился. Вроде короткое слово, а столько в нём звуков загадочно переплелось. Она повторила ещё, ещё раз. Наконец, Миша выловил нечто смутно подобное знакомому имени и спросил, будто разрешения:

– Настя?

Почему-то она помрачнела. Почему-то стиснула зубы. Но всё же кивнула:

– Нас-тия... Так.

– Ладно, Настя. Помогу в обмен на парное селфи. Но у меня к тебе два риторических вопроса: у тебя деньги на автобус есть? И ещё: тебя в автобус-то пустят в таком виде?

Идти с «Настей» по улице оказалось... занятно. Миша никогда не считал себя таким уж чутким парнем, но не почувствовать напряжение загадочной девушки было просто невозможно. Как будто рядом с высоковольтной линией идёшь, того гляди волосы на голове зашевеливаются.

От людей она не шарахалась, наоборот, это они её обходили. Всё-таки прикид был тот ещё. Какие-то штаны, в которых она, видать, по болотам неделю ползала, сверху не то рубаша, не то кофта, остатки куртки, всё это рваное, грязное. Ну и меч за спиной, конечно, тоже, н-да... Благо хоть полицейских на пути не случилось.

Реакцию на себя Настя прекрасно считывала и вскоре остановилась, покачала головой, что-то произнесла, проведя руками вдоль своей миниатюрной фигуры. Мол, ты посмотри, на что я похожа.

– Вижу, ага, – кивнул Миша. – Ну а что поделать? Я б тебя домой привёл, хоть помыться, что ли. Но там мамка... Не поймёт, в общем. Давай минералки возьму.

Он взял в павильоне большую бутылку минеральной воды, упаковку влажных салфеток, увёл Настю за тот же павильон и, слегка скрутив пробку, нажал на бутылку. Полилась тонкая струйка. Насте не потребовалось объяснять, что имеется в виду. Она наклонилась, быстро и ловко вымыла руки, потом – лицо, волосы, шею. Миша даже представить не мог, что таким ничтожным количеством холодной воды можно отмыть столько всего. А Настя сбросила свою истерзанную куртку, отобрала у Миши бутылку и устроила себе настоящий душ.

– Если ты ещё и разденешься, я буду согласен считать этот день лучшим в своей жизни, – сказал Миша, замороженно глядя, как рубашка облегает безупречно очерченную грудь; никаких дополнительных преград между грудью и рубашкой, похоже, не существовало. – Да, теперь ты вообще внимания не привлекаешь, так держать. Настя-невидимка, ага.

Покончив с омовением, Настя допила остатки воды и вручила Мише пустую бутылку. На, мол, утилизируй, тыжмужчина. Потом использовала все салфетки. Окинув её скептическим взглядом, Миша признал, что теперь она и вправду не выглядит рухнувшим с луны чучелом. Вполне прокатит за старшеклассницу, хорошо отметившую день рождения купанием в фонтане.

Пошли дальше. Бутылку Миша запулил в первую попавшуюся урну. Вышли к дороге. Тут у Насти случился натуральный паралич. К степенно проползающим дворами автомобилям она относилась более-менее спокойно, но здесь, где сотни машин неслись на скорости сорок-пятьдесят километров в час, спокойствие ей изменило. Побледнела, остановилась, рука потянулась к мечу...

– Тихо-тихо-тихо! – Миша схватил её за руку и с удивлением обнаружил, что сил опустить её не хватает. Он как будто за стальную трубу дёргал. Блин... А если эта красotka разозлится? Да ей и меча не понадобится, она, поди, голыми руками в бараний рог скрутит. Бедный Дима... От души тебе, пацан, соболезную. С такими Настями что враждовать, что любовь крутить – это надо крепко поехавшим быть.

Настя посмотрела на Мишу широко раскрытыми глазами и что-то спросила на своём загадочном языке.

– Всё ништяк! – улыбнулся тот, стараясь излучать уверенность. – Они не опасные, с ними главное обращаться уметь.

Поток как раз встал на светофоре, и Миша пальцем легонько постучал по борту остановившейся рядом «Мазды». Настя, увидев, что это, оказывается, можно трогать, расслабилась, опустила руку. Синхронно опустил стекло водитель. Какой-то прилизанный офисный планктон высунул голову наружу и заорал:

– Э, пацан! Щас как руки оборву!

Угу, оборвёшь ты, как же. Да ты из машины-то выйти зассышь, это там ты, типа, в домике. Но, впрочем, по фиг, мы не агрессивные. Взрослый орёт – извинимся, отойдём...

Однако извиниться Миша не успел. Настя с нечеловеческой скоростью встала между ним и машиной. Послышался звук удара, стон.

– Эй, ты чего? – испугался Миша и шагнул в сторону, чтобы увидеть, что происходит.

Настя хладнокровно душила одной рукой водилу с расквашенным носом и что-то размеренно втолковывала ему на своём языке. Однако «Ми-ша» там точно прозвучало.

– Отпусти! – Миша вцепился в стальную руку. – Нельзя убивать людей, Терминатор, запрещаю!

Настя не то послушалась, не то изначально не собиралась убивать. Во всяком случае, водятла она отпустила. Ему тут же прилетел в зад гудок, и он, крикнув что-то матерное, вдавил педаль газа.

Миша погрозил Насте пальцем:

– Ай-яй-яй так делать! Заметут нас с тобой.

– Ай-яй-яй. Так, – кивнула она с серьёзным видом.

– Ты глянь-ка. Коммуникация налаживается. Ладно, пошли на остановку.

Он дёрнул Настю за руку. Без толку. Да блин, ну это же нереально! Сколько в ней веса? Килограмм сорок? Она что, в землю вращается?

– Что такое? – спросил Миша.

Настя подняла свободную руку и указала куда-то вперёд, через дорогу. Миша повернул голову туда, прищурился.

– Ты что, издеваешься? – спросил он.

Настя не издевалась. На лице у неё было такое выражение, будто она воочию увидела схождение Благодатного огня.

– А-ни-ме, – чётко произнесла она и кивнула. Пошла вперёд, не задумываясь. Миша не успел её остановить. Благо транспортный поток опять замер. Светофор, конечно, был метрах в пятнадцати, но ладно, блин, фиг с ним, бывает. Даже с местными бывает, а этому чуду и вовсе простительно такое пренебрежение правилами дорожного движения.

Миша побежал вслед за Настей, уверенно лавирующей среди машин, которых, будто по мановению волшебной палочки, перестала бояться. Шла, не выпуская из виду окна магазина аниме-товаров. В окне, надетый на манекен, красовался костюм японской школьницы. Чёрная коротенькая юбочка и белая блузка с тёмно-синими полосами на воротничке и рукавах. Наверное, юбка была чуть короче, чем носят в настоящей Японии. Может, и вырез блузки был поглубже, чем надо. Но Настю такие мелочи не смущали.

– Не знал, что ты из этих, – заметил Миша, когда они перешли дорогу. – Не, ты не подумай, я не против анимешников, как говорится, но пусть они занимаются этим у себя дома, за закрытыми дверями, так, чтобы мои дети этого не видели. У меня, конечно, нет детей... Я не жалуюсь, нет, это скорее даже хорошо, но... Но блин, ты что, правда хочешь затащить меня в этот задротский магазин? Настя, пожалуйста, будь человеком, а?! А если меня там кто-то знакомый увидит?! Об этом весь город узнает спустя десять секунд! Ты можешь представить, что это такое – лишиться всякой надежды на секс, на всю жизнь? Нет, ты-то, конечно, не можешь, куда тебе такое представить... А, ладно, чёрт с тобой, пошли, Красноярск – не единственный город, перееду, сменю имя, сделаю пластическую операцию. Но вообще – злая ты, Настя, вот что я тебе скажу. Я к тебе со всей душой, а ты...

Глава 3

Когда Авелла закрывала глаза, сердце её немного успокаивалось. В темноте ничего не существовало, а после нескольких циклов дыхания казалось, что и самой Авеллы не существовало тоже. Она растворялась в темноте. Или, скорее, не в темноте, а в наполнявшем её воздухе.

Проходила минута, и Авелла уже не могла бы с уверенностью сказать, кто она и где находится. Обычно кто-нибудь заходил в Святилище и что-то говорил. Тогда она открывала глаза, поднималась с колен, отдавала какие-то приказы или, наоборот, выполняла. Жизнь продолжалась. Страшная, тяжёлая жизнь, где приходилось двигаться и разговаривать, чтобы никто не заподозрил, что внутри затаилась пустота.

За минувшие месяцы многое изменилось. Сам мир изменился до неузнаваемости. Внизу, на земле, теперь царило Пламя. Оно буйствовало по ночам, как будто ему доставляло удовольствие видеть, как в темноте пляшут ненасытные языки. По ночам гибли маги – те, которых Материк не успевал спасти днём. Мелаирим, обретший всю силу Огня, кажется, уничтожал всех без разбора. Собственно, что-то такое и было сказано в самый первый день. Что пришёл конец власти магов. Но зачем, почему, ради чего? Этих ответов никто не мог дать, и вопросы старались не задавать. Просто делали всё, что могли.

Иерархия, установившаяся на Материке, была, мягко говоря, своеобразной. Технически, здесь присутствовали главы четырёх кланов, абсолютно равноправные. По факту же выходило следующее.

Госпожа Денсаоли, глава клана Воздуха, так и не взяла полностью бразды правления в свои руки. Больше того, с каждым днём всё крепло общее впечатление: ей это и не нужно. Она избегала Авеллы и старалась не расставаться с Асзаром. Больше никаких активных действий она не предпринимала, и про неё вскоре почти все позабыли. Тем более, что она и не требовала себе никаких привилегий, полагающихся главе клана.

Материком тем временем управляла госпожа Акади. Мало кто мог заподозрить в ней такие качества: вопреки ожиданиям, Акади оказалась правительницей жёсткой, решительной, справедливой и дальновидной. За месяц Материк превратился в совершенно самостоятельный мир, способный полностью себя обеспечивать в течение десятилетий. Это именно Акади наладила совместную работу магов Земли, Воды, Огня и Воздуха.

Как мать, она также управляла и своей дочерью. И как регент главы клана – тоже. Авелла ведь носила белую печать, а значит, принадлежала клану.

В то же время, после исчезновения Мортегара Авелла осталась главой клана Огня, в который входила её мать, а значит, Акади должна была подчиняться ей. Несмотря на то, что от клана Огня осталось-то... Авелла, Акади, Алмосая, Боргента, Асзар, Денсаоли, Лореотис... И Зован, который так и не открыл глаза с той страшной ночи. Клан был самым слабым и малочисленным. А с учётом того, что творила внизу их Стихия, отношение было непростым...

Дамонт и Логоамар управляли своими людьми безраздельно, однако Материком правила, по сути, Акади, так что и тут всё было непросто. Но они, взрослые, как-то умудрились сгладить острые углы. А вот с Авеллой вышло сложнее.

В первую неделю Авелла едва ли не подралась с матерью, отстаивая свою самостоятельность и автономность клана Огня. Многие с любопытством наблюдали за противостоянием, но никто, слава Стихиям, не вмешивался. Авелла понимала, что мама хочет как лучше, понимала, что управлять кланом она не умеет. Но знала одно: это её долг, и она обязана его исполнять. Мортегар создал клан. Он назначил её своей преемницей. Собственно, к этому всё и сводилось: Авелла не могла обмануть надежды Мортегара. Поэтому она и упиралась на ровном месте, не позволяя сдвинуть себя ни на миллиметр. Она не только оспаривала некоторые приказы матери. Она настаивала на том, чтобы та выполняла ЕЁ приказы.

«Мы так ни к чему не придём!» – сказала Акади под конец спора.

«Не придём, – согласилась Авелла. – Но зато сохраним свои сферы влияния».

«Это неразумно, дочка. Мир изменился. Скорее всего, нам вечно придётся жить здесь, всем вместе. Нужно стараться построить нечто новое...»

«Я не умею строить нечто новое. И вечно мы здесь жить не будем. Мортегар и Натсэ вернутся, и они скажут нам, как победить Восставшего».

В тот раз Акади смолчала. В другой раз – нашла в себе силы возразить. Никто не верил в возвращение Мортегара. А если всё же он вернётся... Что с того? Да, он – маг Пятой Стихии. Но даже он ничего не смог сделать Огненному дракону. Вернётся – ещё один нахлебник для Летящего Материка.

Шаги. Авелла никак не отреагировала, просто отметила, что кто-то идёт. Она была уже в том состоянии, когда мыслей и эмоций не существовало. Ещё чуть-чуть, и сама плоть перестанет существовать. Эту границу Авелла потихоньку нащупывала, но пока не переступала.

– Что ты тут делаешь? – раздался резкий, властный голос.

Авелла открыла глаза. Увидела статую Психеи, чашу с Воздухом перед ней и молча склонила голову, благодаря Стихию за минуты умиротворения.

– Я спрашиваю, чего ты тут добиваешься? – Голос сделался громче.

Вот ещё один человек, которому не хватало власти. С ним было тяжелее всего. Авелла привыкла угождать ему, исполнять любую прихоть, и сейчас приходилось заставлять себя быть сильной, давать отпор. Это было так тяжело, когда рядом нет Мортегара... Ради кого ей быть сильной? Ради клана... Рода...

– Я общалась со своей Стихией, папа, – сказала Авелла, поднимаясь на ноги.

Ждала возражений в духе: «Твоя Стихия – Земля», но Тарлинис её удивил:

– По-твоему, я вчера родился? Я давно за тобой наблюдаю. Я знаю магов Воздуха. Хочешь раствориться? Стать, как он? – Тарлинис, видимо, указал на чашу у ног статуи.

Авелла резко повернулась и уставилась в глаза отцу.

– Чего тебе нужно? – спросила она. – Я больше не принадлежу роду Кенса. Ты здесь – гость, я – дома. И не смей мне выговаривать, тем более в Святилище.

От неожиданности Тарлинис сделал шаг назад, поправил пенсне. Авелла ждала ответа, готовая ко всему.

– Мне нужно, чтобы ты перестала валять дурака, – сказал, наконец, Тарлинис. – Ты всё ещё моя дочь. Моя плоть и кровь. И ты сама чувствуешь, что в тебе есть это твёрдое основание. Только поэтому ты до сих пор не прогнулась под свою мать. Только благодаря мне, слышишь?! Но это – вопрос времени. Если хочешь сохранить власть над кланом, тебе нужна помощь.

– Твоя помощь мне не нужна, – ответила Авелла.

– Не сомневаюсь. Тебе нужен муж. Настоящий, а не тот, о котором ты продолжаешь фантазировать. Человек, который поможет тебе управлять кланом.

Этого она не ожидала. Должно быть, Тарлинис прочитал растерянность у неё на лице, поскольку продолжил с ещё большим воодушевлением:

– Не могу сказать, что я тобой горжусь, но мне за тебя и не стыдно. Ты достаточно сильна, чтобы выдержать давление. Однако этого мало. Глава клана должен не только выдерживать давление, он должен ещё и наносить удары. Вести клан вперёд. У тебя таких сил нет. Если попробуешь – сломаешься. Поэтому послушай меня. Отнесись к этому правильно: как к взаимовыгодной сделке, а не как к предательству. Нельзя предать того, кто уже мёртв...

– Убирайся, – тихо сказала Авелла.

– Ты знаешь, что я прав. У тебя как минимум два неплохих кандидата: Асзар и этот рыцарь. Оба смогут сделать то, что...

– Хорошо, я уйду сама. – Авелла, обойдя широким полукругом отца, двинулась к выходу. – Видимо, мужчины рода Кенса более женщин нуждаются в уступках.

Уже в дверях ей в спину прилетело:

– Твой брат пришёл в себя.

Авелла замерла. Постояла, не оборачиваясь, пару секунд, потом сорвалась в бег.

Смеркалось. Но сегодня закат мог длиться долго: Материк мчался на запад, к морю, надеясь спасти поселения тамошних магов Воды. Если судить по времени, которое показывало магическое сознание, было уже одиннадцать вечера, и, с учётом времени года (наступила зима), должно было быть темно. Однако зима так и не наступила. Вырвавшееся пламя непостижимым образом вернуло на землю только что ушедшее лето. На Материке это не так бросалось в глаза, здесь и без того царило вечное лето, но стоило посмотреть вниз...

Авелла выбежала из дворца, пересекла площадь и, перелетев по воздуху несколько строений, приземлилась возле лечебницы из белого камня.

– Долго бежала, – заметил Лореотис, сидевший с трубкой у входа.

– Тарлинис, вместо того, чтобы говорить по делу, нёс какую-то чушь! – выпалила Авелла; с Лореотисом только она и могла вести себя так, как ей хотелось, быть собой. – Представляешь? Он хочет, чтобы я вышла замуж!

– Ну... Политически – разумно.

– Знаю, что разумно! Но...

– Знаю, что «но». Не выпрыгивай из штанов, я тоже верю, что наш пацан вернётся. Сердце чует.

Авелла, хмурясь, прошлась туда-сюда перед Лореотисом, потом буркнула:

– Я в платье, вообще-то.

– Вот и умница. И кого он тебе сватает?

– Тебя. Или Асзара.

Лореотис закашлялся, поперхнувшись дымом.

– Меня?! Да он ополоумел!

– Вовсе нет. Он просто хочет меня раздавить. Всегда он хочет одного и того же, как я ни стараюсь! Ему нужно, чтобы меня на куски разорвало, чтобы от меня вообще ничего не осталось!

– Но-но, полегче. Мне, конечно, очень лестно, что ты так представляешь наше супружество, однако, смею заверить, на куски я пока ещё никого не порвал, у меня там всё вполне в рамках разумного.

– Тебе весело?! – остановилась Авелла напротив рыцаря.

– Нет, но это не повод перестать шутить. Ты ведь Воздушная! Улыбнись хотя бы, что ли. Твоей улыбки сейчас всем очень не хватает.

Авелла не улыбнулась.

– Трубку погаси, – сказала она. – Огонь запрещён ночью.

– Это приказ главы клана? – спросил Лореотис, спокойно попыхивая трубкой.

– Это приказ регента главы клана Воздуха. Я прекрасно понимаю, что никакого смысла в нём нет. Но пообещала следить за исполнением.

Она подошла к двери.

– Знаешь, малышка, – вздохнул Лореотис, выбивая трубку, – ни к чему хорошему всё это не приведёт. Ты либо совсем прогнёшься, либо начнётся резня. Одно из двух.

– Знаю.

– И на что мы надеемся?

– Ты знаешь.

Толкнув дверь, Авелла вошла в полутёмное помещение. Вытянув руку, зажгла на ней огонёк. Плевать на этот дурацкий запрет. Если бы дракон мог, он бы проник сюда миллионом путей. Случайная искра, солнечный свет, огонь страсти и огонь ненависти, полыхающий в

душах. Но он пока не трогал Материк. И всё, что видела Авелла в запрете мамы – очередную попытку ущемить себя.

Зован лежал в палате один. Все пострадавшие в бою с лягушками, големом и драконом уже давно поправились, либо умерли, только брат Авеллы оставался без сознания. Зажили страшные раны, восстановилась обожжённая кожа, но дух не спешил пробуждаться в его теле. И вот, наконец, это случилось.

– Как... Как ты себя чувствуешь? – пролепетала Авелла, остановившись на пороге.

Зован, грустно усмехнувшись бледными губами, отвернулся.

– Могла бы завизжать, броситься на шею, плакать и смеяться. А я бы крыл тебя на чём свет стоит и отталкивал. Так бы хоть на миг показалось, будто всё по-прежнему, – прошептал он.

Голос его ещё не слушался.

– Всё не по-прежнему, – прошептала Авелла в тон ему.

– Вижу. И ты изменилась.

– Я... Не хотела.

– Никто не хотел.

Помолчали. Авелла подошла к постели брата, уселась на краешек. Он по-прежнему смотрел в сторону, и Авелла не искала его взгляда. Почему-то казалось, что он, может, плачет, и вдруг ему не хочется показывать ей свои слёзы.

– Последние дни я слышал разговоры, – вновь заговорил Зован. – И сейчас... Отец и Лореотис многое мне рассказали. Что, Акади вот-вот захватит власть в клане Огня?

– Никогда она её не захватит. Да и не хочет. Она просто заботится обо мне. А Тарлинис – ненавидит. А для меня сейчас всё одно и то же.

Сделав несколько глубоких вдохов, Авелла успокоила очередную бурю внутри себя и добавила:

– Тарлинис считает, что мне необходимо выйти замуж. И, кажется, не он один...

С замиранием сердца она ждала возмущения, она ждала поддержки. Но Зован только вздохнул и сказал:

– Ну... Наверное, разумно. Представляю, какая из тебя правительница. «Принесите мне чай. Нет, кофе. Ай, отстаньте, я пойду гулять. Ну и что, что война? Приготовьте мороженое».

Внутри как будто всё заledenело. Авелла подождала пару секунд, потом тихо встала.

– Рада, что с тобой всё в порядке, – сказала она своим новым, «мёртвым» голосом, который появился у неё с той ночи, когда мир изменился. – Как только окончательно придёшь в себя, потрудись явиться ко мне в дом, я дам тебе работу. У нас много дел...

– Беянка, – ласково сказал Зован, и она осеклась. – Прекрати. Что бы там ни думал отец... Да плевать. Тебя это убьёт. То, что ты сейчас делаешь, тебя тоже убивает.

– Он вернётся, – невпопад ляпнула Авелла. – Всё будет хорошо...

– Когда он вернётся? Мы этого не знаем. Тебе нужно дожить до этого момента.

– Я не отдам клан! Он никогда мне этого не простит.

– Он простит тебя, даже если ты собственноручно перережешь весь этот клан, и ты сама это знаешь. Ты не потому за него держишься. Ты просто потеряла две важных части себя, и теперь стараешься жить за троих. Но нельзя быть одновременно милой Авеллой, безжалостной Натсэ и упёртым Мортегаром, который может взвалить на себя целый мир и не сломаться.

– А что мне ещё делать? – крикнула Авелла. – Я не могу по-другому!

Могла на самом деле. Та граница, которую она нащупала в Святилище, манила к себе. Шаг – и не будет ничего. Только – Воздух, только – Стихия...

– Так позволь мне тебе помочь.

– Что?

– Я помню свою клятву. Из всех кандидатов... наверное, только я тебя по-настоящему понимаю. И постараюсь не доломать то, что старательно уничтожал всю жизнь.

Авелла почувствовала сначала холод, потом – жар.

– Ты ведь мой брат, – прошептала она.

– В тяжёлые времена это было в порядке вещей. А мы не такие уж и родные.

– Но... Талли...

– Она умерла, – резко сказал Зован. – Прямо на моих глазах. Я никогда не забуду об этом. Как легко потерять того, кого любишь. Одно движение когтей дракона. Один миг – и остаётся горстка пепла.

Он помолчал и добавил:

– Я не настолько силён, как ты. Я не смогу больше никого потерять. Не хочу видеть, как ты убьёшь сама себя. Подумай.

В страшном молчании Авелла покинула палату.

Домик на кусочке холма был пришвартован к краю Материка. Авелла оказалась там уже в темноте. Как обычно, постояла минуту среди трёх деревьев, потом вошла внутрь.

Ставни крепко закрыты, в доме темно, только из кухни выплёскивался жидковатый свет, оттуда же доносились голоса.

Авелла прошла в кухню и постаралась улыбнуться. Наверное, Лореотис был прав: многим нужна её улыбка.

– О, привет, – сказал Ямос. – А мы думали, уже не придёшь сегодня.

– Я всегда буду приходить, – сказала Авелла. – Как вы?

– Да ничего... Живы вроде. Ужинать-то будешь?

– Буду.

Есть не хотелось. Но это была традиция. Важная традиция.

Тавреси с Боргентой сидели рядом за столом. С тарелками суетился Ямос. Все завтраки, обеды и ужины давно уже переместились в кухню, да и вообще дом будто бы сжался до крохотных размеров, словно боялся вдохнуть полной грудью.

Едва закончив с эвакуацией в первый день, Материк направили к Сезану. Крепость разрушилась, когда Огонь вырвался из Яргара, но студенты и учителя успели бежать – Дамонт их предупредил, по совету Мортегара. Всех их подобрали, включая и Ямоса с Тавреси, за которыми отправилась лично Авелла.

Она бросила быстрый взгляд на животы двух девушек. Выглядело так, будто у обеих одинаковый срок, но на самом деле ребёнок Боргенты рос куда быстрее. Он будто пожирал изнутри свою мать. Она худела, бледнела. Ела больше всех, но без особого толка. Однако аппетит только рос, и, если не считать вечной усталости, чувствовала себя Боргента хорошо.

– Зован очнулся, – сказала Авелла, пока Ямос ставил тарелки на стол.

Тавреси только вежливо улыбнулась. Боргента, как благовоспитанная дама, сказала:

– Какая прекрасная новость! И как он себя чувствует?

– Неплохо. Очень изменился... Кажется.

– Может, перестанет быть таким дерьмом, как раньше, – проворчал Ямос. – Извини...

– Может, и перестанет, – легко согласилась Авелла.

Здесь ей вообще было легко. Гораздо легче, чем вне этого дома. Тут как будто всё ещё жил дух тех дней, когда они, все втроём, были счастливы.

– А жить он тут будет? – спросил Ямос.

– Не знаю. Как захочет. Посмотрим.

– Ну, давайте ужинать. – Ямос уселся напротив девушек.

Авелла, для которой оставалось место во главе стола, медлила. Окинув стол взглядом, она подошла к печи, взяла ещё пару тарелок, наполнила их таинственной стряпнёй Ямоса. Под

молчаливыми взглядами трёх пар глаз она поставила две лишних тарелки на стол, и только после этого позволила себе сесть.

Из-под стола донеслось мурлыканье, что-то пушистое потёрлось об ногу Авеллы. Она улыбнулась и, пряча слёзы, наклонилась, чтобы погладить кота.

– Они вернутся, – шепнула она ему. – Правда ведь, Мортегар?

Глава 4

Миша почему-то думал, что продавцом в анимешном магазине будет существо вроде Насти. Тоже такая хрупкая изящная девушка не от мира сего, которая будет бесконечно что-то щебетать, рекламируя товар. Получилось как в мемасике: «Ожидание – Реальность».

За прилавком стояла монолитная баба лет тридцати пяти, с плоским прыщавым лицом и крохотными глазками. На вошедших она даже не взглянула толком – занята была. Ценники какие-то клеила, что ли... Миша буркнул: «Здрсссьте», ответа не услышал и мысленно махнул рукой. Не жалобу же писать, в конце-то концов.

Настя, не обратив внимания на прилавок с комиксами, красочные наклейки, парики и прочий отстой, решительно подошла к манекену, развернула его к себе передом и, смерив взглядом, удовлетворённо кивнула. Посмотрела на продавщицу, потом – на Мишу и что-то сказала.

– Настя, эта хрень пять косарей стоит, – тихо сказал Миша. – Может... Ну давай в «Секонд-хэнд» зайдём, тут недалеко, возьмём тебе какую-нибудь майку и юбку, или джинсы, там... Деньги! Понимаешь? День-ги! – Он поднял руку к внимательным фиолетовым глазам и потёр указательным пальцем о большой.

Настя понимающе улыбнулась и произнесла волшебное слово:

– Дима!

– Но я-то – Миша!

– Вы что-то хотели? – незаметно подкралась продавщица.

– Кто, я? – встрепнулся Миша. – Вообще ничего! А она... Ну, она – да...

Настя решительно расстёгивала пуговики на блузе. Одной рукой. Другой – пуговицы на рубашке. Миша вспотел.

– Настя, фу! – прошипел он, хватая её за руку в опасной близости от груди. – Скажите, э-э-э... У вас примерочная есть? Или типа того?

Примерочной не было. Идти навстречу странным клиентам продавщица явно не желала, крохотные глазки так и пылали подозрительностью. Наконец, она согласилась пустить Настю в крохотную подсобку, предварительно забрав оттуда сумочку.

В ожидании Миша бродил по магазину, стараясь держаться подальше от стеклянных стен, за которыми шатались по торговому центру ранние посетители. Конечно, одноклассники сейчас на уроках должны сидеть, но... Но кто ж их знает – вдруг, кто-то решил, что в этот весенний светлый день учиться грешно, и свалил прогуляться? Ох, не хотелось бы такой встречи...

Скрипнула дверь. Миша развернулся на каблуках.

– Ого, – сказал он с уважением.

Настя выглядела... сильно. Больше того, её, кажется, вовсе не смущала нарочитая сексуальность наряда. Лицо светилось улыбкой, она оглядывала себя, вертелась. Потом с неудовольствием посмотрела по сторонам. Ну да, зеркала нет. Не магазин одежды, как-никак. Они, может, этот косплей дурацкий просто так, для фарсу завезли. Ну серьёзно, кому такое надо в нашем суровом Красноярске? Девчонкам? Красивые девчонки в аниме не задротят, у них жизнь насыщенная. А некрасивым и наряжаться смысла нет. Разве только фетишисты какие-нибудь покупают. Но в наше время, если ты фетишист, проще в интернете заказать, там краснеть не придётся.

– Ща всё будет, – заявил Миша.

Достал смарт, включил фронталку и протянул Насте. Она быстро сообразила, что к чему, и, держа телефон на вытянутой руке, внимательно себя осмотрела в экранчике. Осмотром осталась довольна. Кивнула, протянула смартфон обратно.

– Погоди-погоди, не так быстро, – воодушевился Миша.

Он нагло встал рядом с Настей и, держа на вытянутой руке «огрызок», сделал снимок.
– Ну вот, – сказал он, отстранившись.

Фотка получилась ничего такая. Конечно, про неё небрежно не скажешь: «Во с какой познакомился» – больно уж Настя напряжённо выглядит, но хоть так... На память.

Настя что-то сказала. Миша вопросительно посмотрел на неё и прочитал на лице нечто вроде понимания, что ли.

– А? – переспросил он.

Улыбнувшись, Настя заставила его вновь отвести руку подальше, прижалась щекой к щеке. Вот это уже был кадр так кадр! Не веря своей удаче, Миша сделал снимок. Настя повернула голову и коснулась губами его щеки. Палец дрогнул, фотографируя вновь. Однако когда Миша повернулся к Насте, она быстро отдернула голову. Отобрала смарт, вновь прильнула к Мише, согнула левую ногу в колене. Он машинально схватил её под коленку, не давая упасть на него. Настя ловко сделала снимок и тут же опустила ногу. Вернула смарт. Сказала что-то короткое и веское, явно: «Всё».

Миша подумал, что он, наверное, покраснел. Да уж... Интересно, где таких девчонок делают? И ведь не скажешь, что развратная. Нет, вон как чётко границы провела: хочешь, мол, красивых фоток, попонтоваться – пожалуйста, но даже нормального поцелуя – хрен тебе, я другому отдана.

– Вы брать будете? – проскрипела продавщица, окончательно выведенная из себя фотосессией.

Слов Настя, конечно, не поняла, но о смысле догадалась – вопросительно посмотрела на Мишу.

– Блин... – сказал Миша, глядя в бездонные фиолетовые глаза. – Это коллапс... Но, кажется, да.

Он достал из кармана кошелёк и вынул из него свою самую великую драгоценность, хранимую на самый крайний случай – кредитную карту. Дрожащей рукой ввёл пин-код, увидел надпись «Одобрено» и выдохнул. Как-то даже полегчало, когда из терминала вылезла чековая лента. Будто шагнул за черту, и дальше уже терять нечего.

– Ты ведь в курсе, что ты – воплощённое зло, да? Сам дьявол! – сказал Миша, выходя рядом со счастливой Настей из злополучного магазина. – Кнут и пряник, и можно добиться чего угодно, да? Представляю, как ты меня сейчас презираешь. Толстяк, который будет по ночам теребонькать на твои фоточки. Так вот, просто чтоб ты знала: я не такой! Я всего лишь ценю прекрасное... Чего ты опять?

Настя застыла перед отделом женского белья.

– Это шутка, да? – с надеждой спросил Миша.

Настя вошла внутрь...

Больше на улице от Насти не шарахались. Кто смотрел с улыбкой, кто – с похотливым выражением, кто – с презрением. Теперь она вписывалась в шаблон: девчонка в японской школьной форме и с катаной за спиной. Наверное, и полицейский даже не придерётся. Мало ли кругом придурков. Некоторые вообще в кольчугах ходят – и ничего. Весна, обострения.

Добрались до остановки. Утренний час-пик миновал, те, кто хотел успеть на работу или учёбу, уже успели. В полупустой автобус Настя вошла не без колебаний, но Мишино присутствие рядом явно добавляло ей уверенности. От этого он вновь почувствовал себя важным элементом для мироздания в целом и немного воспрянул духом.

Сели рядом. Настю Миша предусмотрительно посадил у окна. Мало ли, чего вычудить придумает. Испугается ещё, бросится в проход с мечом наголо.

Рассчитавшись за двоих, Миша стал украдкой рассматривать свою спутницу. Она не то не замечала этого, не то делала вид. А впрочем, может, и правда не замечала – всё её внимание

поглотило происходящее за окном. Казалось бы, ну что там такого? Машины, люди, дома... Однако Настя смотрела с таким видом, будто сидела не в автобусе, а в кинотеатре, причём, впервые в жизни.

Затренькал телефон. Посмотрев на экран, Миша вздохнул. Этот звонок игнорировать было нельзя...

– Да, пап, – обречённо сказал он, прижав телефон к уху.

Настя тут же повернулась и пристально на него посмотрела. Миша слабо улыбнулся ей, мол, не парься, всё пройдёт, и это тоже.

– Здравствуй, сынок, – нарочито доброжелательным тоном начал отец. – Как дела в школе?

Мелькнула было мысль соврать бодрым голосом, сказать, что в школе всё просто очешуительно...

«Следующая остановка – гостиница «Октябрьская», – грянуло из динамика прямо над головой. Миша закрыл глаза. Спасибо тебе, Господи, за маленькие радости...

– Видишь, какое дело, пап...

– Не вижу. Но ты покажи, я посмотрю.

– Мне нужно было другу помочь...

– Понимаю.

– Он... Ну, в трудную ситуацию попал.

– Вот я так и подумал, когда получил сообщения, что твой друг попал в очень непростую ситуацию.

– Сообщения? – переспросил Миша.

– Сообщения. Одно – про покупку на пять тысяч в каком-то «АниШоп», второе – из «БьютиЛеди» на две с половиной тысячи. Посмотрел в Гугле, что это всё такое, и решил позвонить, спросить, как дела у твоего друга. Откуда будет следующий чек? Ресторан? Интим-шоп? Мини-отель?

Грёбаное колдовство! Понаделали, блин, высоких технологий, устроили тотальный режим, никакой свободы личности!

– Пап... Слушай, всё не так. Я всё тебе вечером объясню, честно!

А что он объяснит? Блинский блин... «Пап, я встретил самую прекрасную девушку в мире, одетую, как бомжиха, но с мечом. Одел её, как японскую школьницу, купил комплект нижнего белья, увёз на Взлётку, помог найти Диму и попрощался. Н-да... Ситуация.

– Очень на это надеюсь. Заметь, я заранее звоню, чтобы ты успел выдумать что-то правдоподобное.

– Спасибо, пап...

– Ну и деньги, само собой, придётся отработать.

– Само собой, пап.

– Удачного дня.

– И тебе того же...

Спрятав телефон, Миша грустно посмотрел на Настю.

– Такова цена пары клёвых фоток, – сказал он. – Вот не ценишь ты меня! А я, между прочим, золото! Другой бы уже правда в мини-отель поволок. Хотя... – Он вспомнил, как пытался оттащить Настю от дороги. – Тебя уволочёшь, как же...

Жил этот чёртов Дима крайне неудачно. Автобусов до нужной остановки шло мало, да Миша и поленился разбираться, какой лучше. В результате пришлось выйти на автовокзале и шпарить пешком. Миша по дороге то и дело оглядывался, убеждался, что Настя идёт за ним. Она шла, цепким взглядом монитора пространство вокруг. Казалось, подкрадись к ней кто-то сзади – мгновение спустя рухнет на асфальт в виде двух аккуратных половинок.

– Всё нормально, – сказал Миша. – Тут нет никакой опасности.

Настя кивнула, но стрелять глазами по сторонам не перестала. Миша покачал головой. Нет, ну серьёзно. Кто она? Откуда? Почему? Ни денег, ни документов, машину впервые в жизни видит, но знает, что такое «аниме». Меч ещё этот... Как из другого мира! Ладно. Может, Дима этот какую-то ясность внесёт. Если он вообще существует. А то, может, просто какой-то негодяй воспользовался и впарил левый адрес, чтоб отвязаться...

Когда шли мимо вечно недостроенного здания (не то многоуровневую парковку задумали, не то чёрт его знает), возле Насти притормозил чёрный «Крайслер». Миша вовремя обернулся и успел заметить внимательный взгляд шофёра. Приличный с виду дядька, в белой рубашечке, в очёчках, весь из себя такой школьный учитель. Машина только на катафалк похожа, и взгляд нехороший. Настя с любопытством смотрела на него в ответ.

– Дядь, вы педофил, или лоликонщик? – громко спросил Миша, вернувшись и встав рядом с Настей.

«Учитель» скользнул по нему взглядом и, отвернувшись, рванул к перекрёстку. Миша выдохнул. Мрачный дядька... Да уж, нелегко быть красивой девушкой в большом городе. Столько всякой дряни кругом. Впрочем, Настя, кажется, может за себя постоять.

Перешли дорогу раз, потом – другой. Тут Настя сообразила, что такое светофор, и начала движение раньше всех, лишь только вспыхнул зелёный. Быстро осваивается.

Возле парка с фонтаном на пару секунд задержались. На лице Насти любопытство боролось с нетерпением. Нетерпение победило. Эх, жаль, а могли бы на лавочке посидеть, голубей покормить... Кстати, насчёт покормить. Жрать-то хотеться начинает...

Настя дёрнула его за рукав.

– Да-да, идём...

Несколько минут спустя они вошли во двор изогнутого и чуть ли не замкнутого сам на себя дома.

– Десять подъездов, – посчитал Миша. – Десять этажей. Ну, жилых из них – девять. Дима, случаем, квартиру не упоминал?

Настя окинула взглядом человеческий муравейник, перевела взгляд на Мишу.

– Дима? – жалобно спросила она.

– Дима, – развёл он руками. – Батурина семья. Чем могу...

Настя кивнула и вдруг повела себя до крайности странно. Шагнула к дому, положила на стену руку и закрыла глаза. Через секунду напряжение покинуло её, она, наоборот, будто обмякла, Миша даже дёрнулся – не подхватить ли. Но Настя крепко держалась на ногах. Она просто будто впала в транс. Губы побледнели, посерели, цветом перестав отличаться от асфальта.

– Эй, подруга, ты чего? – пробормотал Миша, оглядываясь. Как бы кто сердобольный не кинулся помощь оказывать.

– Дима! – Настя оторвала руку от стены и, посмотрев на Мишу, отрицательно покачала головой.

– «Нет», – подсказал Миша и тоже покачал головой. – «Нет».

– Нет, – повторила Настя.

– Да, – сказал Миша и кивнул.

– Да-а-а, – протянула Настя и улыбнулась. Простые слова она повторяла легко. – Нет, – мотнула головой. – Да, – кивнула. – Так?

– Так. Пропадает в тебе талант лингвиста. Ладно... Если Дима, как ты говоришь, нашего возраста, наверняка гниёт в школе. А где у нас ближайшая школа?

Миша вытащил из кармана безотказный смарт, открыл карту.

– О, ну ты глянь, да просто дорогу перейти, сто сорок девятая! Меч приготовь, там будет охрана. Шучу! Блин, впервые радуюсь, что моих шуток не понимают.

Опять перешли дорогу. Отсутствие светофора Настю немного озадачило, как и явное нежелание водителей сбавлять скорость. Но Миша решительно двинулся по «зебре», и Настя ему доверилась. Сойдя на тротуар, Миша вдруг явственно услышал урчание и, посмотрев на Настю, убедился, что она смутилась.

– Вот! А я о чём? – обрадовался он. – Надо что-то сожрать. Постой тут, я мигом.

Он заскочил в ближайшее недокафе, купил пакет с пирожками, бутылку колы и выбежал обратно. Настя послушно дожидалась. Вид пирожков изрядно её оживил.

Устроившись на скамейке, они оперативно перекусили. Кола Насте не понравилась. Кажется, она даже сказала про неё что-то ругательное на своём языке.

– Ну, извиняй, – пожал плечами Миша. – Не знал. Но всухомятку тоже не вариант.

– Да, – кивнула Настя. – Так. – И, забрав бутылку, сделала большой глоток.

– Да с тобой уже вполне можно разговаривать! Что думаешь о творчестве Шекспира?

– Нет.

– Вот и мне тоже не нравится. Сексу мало... Дима в этом плане лучше, да?

– Да, – кивнула Настя. – Дима.

– Офигеть поговорили! Ладно, пошли, чудо заморское. Попробуем незаконно проникнуть в учебное заведение. На хоть рюкзак мой, отвлечёт внимание от меча... Да и от всего остального. А я уж как-нибудь, по стеночке, по стеночке...

В чужую школу Миша проходил не впервые. Друзей у него было много, и они частенько заходили друг к другу в гости. Охранникам, в основном, по фиг было. Возрастом похож, морда не подозрительная – и чёрт с тобой. А эти турникеты вечно либо открыты настежь, либо все через них прыгают, не мудрствуя лукаво. Потому что какой нормальный человек будет с собой электронный ключ от школы таскать? Да пошла она, эта школа! Не хочет пускать – ей же хуже, а не захочет выпустить – вообще пожалеет, что построили.

– Морду тяткой – и вперёд, – озвучил Миша свою жизненную позицию и открыл перед Настей дверь.

Перемена только началась. Школа постепенно заполнялась гвалтом, воплями. Первые ласточки потянулись на улицу, перекурить после трудного урока. Настю охранник смерил очень внимательным взглядом, но ничего профессионального в этом взгляде не было. Миша же, как и ожидал, проскользнул незаметной тенью.

– Отлично, Оушен, мы внутри, – сказал Миша, поравнявшись с Настей. – Продолжаем движение в неизвестном направлении в поисках непонятно кого. Предлагаю начать с расписания. Школа здоровенная, надо разобраться, где одиннадцатые классы.

Настя не спорила. Покорно двигалась вслед за Мишей лабиринтами коридоров и лестниц. Миша же занимался двумя одинаково сложными вещами одновременно: блуждал и делал вид, что всё идёт по плану. Спрашивать дорогу не хотелось. Мало ли, на кого нарвёшься. От одного можно в рыло выхватить, а другой – стучать побежит. Ни того, ни другого очень бы не хотелось. Что-то Мише подсказывало, что если он выхватит в рыло, то незадачливый агрессор растечётся по стене алым пятном, а Настя сделает вид, что просто почесалась.

– Так, что тут у нас, – сказал Миша, найдя, наконец, расписание. – Ага. Ага! Ага... Так, ну, по ходу, мы на нужном этаже. Но тут одиннадцатых классов – как собак нерезаных. Ладно, попробуем угадать... О, привет!

Рядом с расписанием остановилась девчонка. Возраста, кажется, подходящего. Не красавица, но такая, симпатичная, с добрым и открытым лицом. Мише улыбнулась. Мише вообще часто девушки улыбались. Он, однако, нутром чувствовал, что будит в них какие-то не те эмоции. Ему казалось, что они видят в нём то ли доброго старшего брата, то ли вообще нечто вроде папаши.

– Привет, – сказала девчонка. Потом увидела Настю. Улыбка померкла, во взгляде появилось даже нечто враждебное.

– Мы друга ищем, – поспешил сказать Миша. – Не знаешь? Димой зовут. В одиннадцатом учится.

– Дима? – переспросила девушка. – Ну, у нас в классе какой-то Дима есть... Только откуда у него друзья? Да ещё такие... – Она вновь покосилась на Настю.

– Во! – обрадовался Миша. – Ты же сейчас туда? Проводишь нас?

– Да легко, пошли, – фыркнула девчонка и двинулась по коридору, не оглядываясь.

– Страна непуганых идиотов, – тихо сказал Миша, следуя за ней. – А если мы злоумышленники? А если война?!

– Вон он, Дима ваш, – сказала девчонка, свернув в рекреацию. – С друзьями.

Миша посмотрел, куда она показывала, и увидел темноволосого паренька, которого зажали в углу штук пять мрачных личностей. Дружеский разговор, похоже, заходил в тупик. Диме явно требовалась серьёзная помощь, но не Мише же её оказывать! Да от такого количества отморозков лучше тупо убежать! Да и вообще, тот ли это Дима?

– Дима! – выдохнула Настя.

И в этот момент Дима коротко замахнулся. Ближайший к нему злоумышленник молча рухнул под ноги соратников. Настя стремительной птицей рванулась вперёд.

Глава 5

Я подходил к школе, гадая, успею ли за одну минуту добежать до своего класса. Однако не бежал. Какая-то другая часть моего сознания с ленцой думала, а надо ли оно мне вообще. Странная часть... Никогда в жизни я уроков не прогуливал, вот совсем. А тут вдруг – на тебе, рефлекс прорезался.

С другой стороны, думал я, замедляя шаг, мне ж не просто так прогулять охота. Дома, вон, полный сундук золота, меч и куча бутылок. Это «ж-ж-ж» – неспроста! Надо бы разобраться... Но с третьей стороны – а как я буду разбираться? Отпечатки пальцев сниму с сундука? Или вино продегустирую, раздевшись перед зеркалом? Н-да, задачка. По-хорошему бы родителям вопросы задать, всё же, кроме меня, только они в квартире живут. Но после того, как мама тусклым голосом заявила про «ничью комнату», задавать ей сложные вопросы хотелось совершенно. Одно явно: случилась какая-то ненормальная фигня. Возможно, даже не просто ненормальная, а паранормальная. И фигня эта как-то связана со мной.

И вот, спрашивается, почему я так спокойно об этом рассуждаю? Как будто каждый день сталкиваюсь с паранормальной фигнёй, как будто для меня это – такая же рутина, как домашние задания.

Вдруг, когда до крыльца оставалось буквально два шага, я ощутил нечто странное. Как будто сзади образовалась пустота. Сердце сжалось от неприятного чувства, а тело внезапно пришло в движение. Мозг не успел вмешаться. Я резко присел, и над головой у меня что-то пролетело. Похоже, чья-то рука. Но я не просто присел. Приседая, я повернулся и выбросил правую ногу. Подсечка вышла безупречной, как в кино. Подкравшийся сзади парень, взмахнув руками, коротко вскрикнул и упал спиной на асфальт.

– Сука! – завыл он, корчась и гримасничая от боли. – Убью урода!

Узнать его труда не составило. Это был Артём Павлов, из параллельного класса. Моя проблема номер один последние года четыре, наверное. Раньше я решал эту проблему просто: терпел, отдавал, что просили. Теперь же что-то пошло не так. Я стоял – он лежал. И сердце у меня билось ровно, спокойно. Рука только дёрнулась к поясу, как будто за мечом...

– Извини, задумался, – брякнул я и поспешил войти в школу, откуда уже доносилась раскатистая трель звонка.

Там, внутри, перевёл дух. Блин... Что ж я наделал-то? Он ведь меня убьёт, теперь уже точно! Интересно, а можно за пару недель до Последнего звонка перевестись в другую школу? Ну если вот прям очень-очень надо!

Первым уроком была алгебра. Я почти не опоздал – вошёл вместе с учителем. Странности продолжались. Я вообще не мог понять, что творится у меня с головой.

Вот он учебник. Вот материал, который повторяли буквально вчера. Почему у меня такое ощущение, будто всё это из прошлой жизни? Более того: всё это мне не нужно от слова «совсем». Какие-то цифры, переменные... И ещё – необходимость записывать! Я с минуту тупо таращился на авторучку, прежде чем вывел в тетради слова: «Классная работа».

Учительница, словно почувствовав слабинку, тут же вызвала меня к доске. Медленно и будто не веря, что я это делаю, я переписал на доску пример, посмотрел на него и вернулся на место.

– Это что такое было? – удивилась учительница. – А решать кто будет?

– Кажется, не я, – услышал я свой голос.

– Так. Я не поняла. Ты ЕГЭ сдавать не собираешься? А это, между прочим, задания из части «В»!

– Кажется, не собираюсь, – сказал я, задумчиво глядя на учительницу. – Какой в этом смысл?

На меня вытаращился весь класс. Ну ещё бы: Дима разговаривает, да при всех, да ещё и учителю перечит.

– В чём? – не поняла учительница.

– В ЕГЭ. В школе. В образовании. Чему мы стараемся научиться? Тому, как заработать больше денег?

Тишина. Потом – шепотки, кто-то вертит пальцем у виска. Учительница, откашлявшись, спросила:

– А что, тебе деньги уже не нужны?

– Мне? – Я вспомнил сундук под столом, улыбнулся. – Кажется, нет. Можно идти?

– Нельзя! – рявкнула учительница. – Чтоб завтра в школу – с матерью.

– Да как угодно, – прошептал я и склонился над тетрадью.

Пока все бились над примерами, я рисовал один и тот же простой символ, увиденный на чёрном камне. Стрелочку, направленную вверх. Снова и снова. Жаль, нет у меня ручки с красной пастой. Стрелочка должна быть ярко-красной, я это точно знаю... Господи, да что со мной творится?!

На первой же перемене мне пришлось расплачиваться за утреннюю «великую победу». Выйдя в рекреацию, я увидел Павлова и ещё четырёх его дружков. Шли они явно ко мне, растянувшись цепью, чтобы не дать убежать. Я остановился. Правая рука сжалась в кулак, но не до конца. Я как будто рассчитывал, что в руке что-то окажется, возникнет из воздуха. Что же? Может быть, меч?

– Гы, смотри, он от страха передёрнуть хочет, – заржал кто-то, показывая на мой недосжатый кулак.

Я опустил взгляд, снова впадая в ступор, как на уроке. Меч... Почему у меня в руке должен был оказаться меч?

Меня толкнули. Я отступил, потом – ещё. Страшно почему-то не было, было как-то... по фигу.

– Э, ты уснул, а? – зарычал Павлов.

– Есть такое ощущение, – сказал я, почувствовав спиной, что меня зажали в угол.

– У меня из-за тебя, уroda, теперь спина болит! И рубашка испачкалась. – Он толкнул меня в грудь.

Я поднял взгляд.

– Не надо к парням сзади подкрадываться, Тёма. А то могут не так понять, и у тебя не только спина болеть будет.

Секунд пять он переваривал услышанное. Потом, прошипев что-то яростное, начал поднимать руку. Так медленно, я бы выпастся успел! Да что ж за тормоз-то, господи? Вот как надо!

Движение вновь опередило мысль. Рука дёрнулась, кулак врезался в скулу Павлова, и тот от неожиданности опять рухнул на спину.

– Ни хрена себе! – заорал один из четырёх адъютантов его превосходительства.

В кино, наверное, после такого негодяям положено разбежаться. В реальности они кинулись на меня, все четверо. И я попросту отключил мозг, поняв, что сейчас он мне не нужен. Тело действовало само. Уклон, удар, шаг в сторону, поворот, удар, удар...

Павлов встал, противников стало пятеро. Одному я уже разбил нос, другой пока корчится – ему я удачно пробил в солнечное сплетение. Сзади меня схватили за горло – глупо, неумело. Я врезал локтем в печень, потом – затылком в лицо, и когда «захватчик», скуля, отшатнулся, не глядя добавил ему локтем в голову. Помрёт – сам дурак. А у меня осталось четыре проблемы...

Чья-то ладонь ребром врезалась в горло Павлову. Он, захрипев, рухнул кулём.
– Убью! – заорал адъютант номер два и замахнулся на меня.

Тут я увидел девчонку. Она была чуть пониже меня, брюнетка, и двигалась, как машина-убийца. Перехватила руку адъютанта номер два, заломила её, ударом по затылку заставила заткнуться. Повернулась к номеру три. Стремительная подсечка. Взвизгнув, парень начал падать. Девчонка помогла ему ударом кулака в грудь. Номер четыре попытался напасть на неё сзади. Со скоростью и изяществом змеи девчонка переместилась ему за спину, что-то сделала, чего я не разглядел, и последний из противников рухнул на пол.

Битва закончилась. И, будто отмечая это событие, кто-то завизжал. В рекреации появился народ. Как всегда – вовремя.

Девушка повернулась ко мне. Я отшатнулся. Трезво оценил свои силы и возможности. Нет, даже вот с этими внезапно проснувшимися умениями я ей – не соперник. Я умел драться, да – почему-то умел. А она – она умела убивать. Это были совершенно разные искусства.

Но девушка, похоже, не собиралась на меня нападать. Она улыбнулась. Её фиолетовые глаза смотрели на меня с каким-то странным выражением. Она что-то заговорила... Я не понял ни слова, покачал головой.

Тогда она замолчала. В глазах появилось что-то, похожее на отчаяние. Мучительно сглотив, она спросила с обречённым видом:

– Дима?

– Дима, – кивнул я. – А... А ты?

Она тоже кивнула и вдруг так бросилась на меня. Но не ударила – обняла.

Впервые в жизни меня обнимала девушка! Вот теперь сердце бешено заколотилось. Нерешительно я тоже приобнял её обеими руками, гадая, чем же заслужил такую милость... Она что-то шептала мне на ухо, о чём-то пыталась рассказать, о чём-то, важном, как сама жизнь и сама смерть. Но от её слов у меня только болела голова.

– Это, конечно, всё очень круто, – сказал какой-то толстый пацан, подходя к нам. – Но только нас сейчас посадят за жестокое обращение с животными. Вон тот, по ходу, лапы склеивает. На-а-асть? Ай-яй-яй, помнишь?

Девушка отстранилась от меня, посмотрела на толстяка, потом – туда, куда он указывал. Вниз, на Павлова, который, пытаясь вдохнуть, пучил глаза и синел.

Настя присела на корточки. Только тут я обратил внимание на тёмно-синий воротник её блузки, очень знакомой по фасону. Вот, значит, как? И что это значит? У меня на почве аниме уже крыша поехала? Пожалуй, поехала, потому что вот эта хрень, которая выглядывает у Насти из-за рюкзака, – это меч. Опять меч!

Она коснулась горла Павлова, что-то там нажала, и он начал дышать. Хрипло, с трудом, но – дышать.

– Меня Мишей звать, – сказал тем временем толстяк, протянув мне ладонь. – Мы тебя искали, кстати. Ты мне должен семь с половиной тысяч.

– Правда? – «обрадовался» я, пожимая руку. – А можно лучше вот этих пятерых обратно воскресить? Мне с ними как-то больше нравилось...

Из школы пришлось бежать зигзагами, путая следы. Слишком уж большой переполох поднялся. Скатились все втроём на первый этаж, вломились в женский туалет, открыли окно, выбрались наружу... Угадайте с трёх раз, кто нас вёл? Нет, не я.

– Блин, ты в этой школе что, всю жизнь прожила? – спросил у Насти Миша, когда мы оказались на улице и отошли на безопасное расстояние. – Или у тебя в голове микрочип, которым ты к камерам наблюдения подключаешься?

Настя и вправду проявила чудеса изобретательности по части ухода с места преступления. Вряд ли она поняла Мишины слова, но почему-то улыбнулась и не без гордости. Она ему,

кажется, симпатизировала. Но вот повернулась ко мне, и вновь в глазах я увидел мольбу и тревогу. Она произнесла какое-то слово. Схватила меня за руку, повторила.

– Мор-те-гар? – попытался воспроизвести я.

Поморщилась, но кивнула. Потом, подумав, сказала ещё что-то, уставилась вопросительно.

– Авелия? – попытался я. – Нет... Авелла? Слушай, я не понимаю, чего ты от меня хочешь. Правда. Спасибо за то, что помогла там, в школе, но это было совсем не обязательно. Ты меня наверняка с кем-то путаешь...

Я говорил, а она будто съёживалась от каждого слова, уменьшалась, делалась одинокой и незащищённой.

– Э, слышь! – вмешался Миша. – Поосторожней. Мы тебя, между прочим, по всему городу ищем. Дима? Дима. Жизнь тебе спасли? Спасли. Всё, теперь, как честный человек, обязан жениться! Я бы на твоём месте, кстати, даже не задумывался. Мне вот такие красотки отчего-то на шею не бросаются. Эй, Настя, кстати, рюкзак отдай!

Он подёргал за рюкзак. Печальная Настя покорно сбросила с плеч лямки, но вдруг спохватилась.

– Ну, круто, теперь она меня ещё и грабит, – сказал Миша, глядя, как Настя роется в рюкзаке.

Она достала тетрадку и ручку. Открыла первый попавшийся чистый лист, начала что-то рисовать. Прямо стоя, торопясь и то и дело бросая на меня взгляды. Будто боялась, не убегу ли.

– Так! – воскликнула она, сунув тетрадь мне под нос. – Да?

Я вздрогнул. Она очень похоже изобразила тот самый сундук, что стоял у меня под столом.

– Да? – настойчиво повторила загадочная девушка.

– Да, – шёпотом ответил я.

Тогда она ткнула пальцем в Мишу. Я вспомнил его слова про семь с половиной тысяч, мысленно провёл необходимые параллели и сделал выводы:

– Ну... Пойдём.

Я повёл их к себе домой. Пока шли, спросил Мишу, что за деньги имеются в виду.

– На одежду, – сказал он. – Она, кажется, думала, что тебе понравится. Слушай, ты чего, вообще никогда живой девчонки не видел? Чё ты как деревянный? Она, вон, разревётся сейчас...

Судя по выражению лица Насти, Миша был недалёк от истины. Но что я-то мог сделать? Обнять её?.. Вряд ли это что-то решит, да и страшновато. Хотя рука так и тянется.

Перед пешеходным переходом я пошёл на компромисс со своей застенчивостью – взял Настю за руку. Она вздрогнула и грустно мне улыбнулась. Очень грустно. Что за тайну хранили эти фиолетовые глаза?..

В доме отключили электричество. Подъездная дверь открылась без ключа, лифт не работал. Миша поворчал, что придётся карабкаться на третий этаж.

– Я всегда пешком хожу, – заметил я. – Наполняю сердце верой в то, что занимаюсь спортом. И, знаешь, кажется, добился серьёзных результатов...

Тут я вспомнил утренний зависон перед зеркалом.

– Ха-ха, смешно, оборжаться, – буркнул Миша. – Петросян, ***.

Что я вообще делаю? Веду в гости незнакомых людей. Одна – иностранка, другой – незнакомый парень, которому я, кажется, очень не нравлюсь. Ужас. Трещит по швам мой интровертный рай.

В прихожей я разулся. Настя тут же сбросила свои туфельки. Миша топтался на пороге. Я прошёл в свою комнату, Настя не отставала ни на шаг. Когда мы с ней оказались наедине

в моей спальне, меня бросило в жар. Настя смотрела на меня, не мигая. Я, девушка, спальня, наедине...

– Так... Погоди, сейчас, – пробормотал я и опустился на корточки перед столом.

– Так, – согласилась Настя.

Я выдвинул сундук. Настя тут же села рядом, откинула крышку и задумалась. Потом решительно выбрала десяток золотых монет и вопросительно посмотрела на меня. Я пожал плечами. Не знал, что и думать. Она про этот сундук явно понимала куда больше, чем я. Может, это вообще её сундук?

– Ты, случайно, не зубная фея? – ляпнул я.

Что-то прочитав в моих глазах, Настя полувопросительно ответила:

– Да?..

Тут уже я чуть не заплакал. Причина была проста: я вдруг понял, что выглядел точно так же, пытаюсь иногда вступать в разговор с представительницами противоположного пола. Как иностранец, наугад произносящий слова непонятного языка, то и дело замирающий в надежде, что одно из этих слов окажется ключиком, открывающим волшебную дверь.

Увидев золото, Миша икнул:

– Это чё?

Настя потёрла большим пальцем об указательный.

– Да это-то я понял. Но... слушай, я, конечно, не ювелир, но мне кажется, за эти деньги ты могла бы себе ещё парик Сейлормун купить и «Жигули» шестёрку в хорошем состоянии.

– У? – озадачилась Настя и вопросительно показала пальцами что-то маленькое.

– Не, тут скорее – во! – Миша широко развёл руки.

– Да, – кивнула Настя. – Так. Миша.

И настойчиво сунула ему монеты.

– Это вообще нормально? – посмотрел тот на меня, сунув монеты в карман ветровки.

– Не знаю. Я сегодня уже стараюсь не вспоминать этого слова.

Миша перевёл взгляд на Настю.

– И чего? Всё? Счастье? Остаёшься тут? Тут? – Он указал пальцем вниз, потом обвёл руками прихожую.

– Тут, – кивнула Настя. – Да. Так.

Что значит, «тут»? Как это «остаёшься»?.. Господи... «Мама, она шла за мной всю дорогу от самой школы и смотрела грустными глазами. Можно мы её оставим? У нас, вон, и „ничья комната“ есть». Полный бред. Завязка аниме для самых невзыскательных.

Мише явно не хотелось оставлять Настю. Даванув на меня мрачного косяка, он скинул рюкзак и присел возле него на корточки. Достал тетрадку, вырвал лист, записал номер телефона и вручил лист Насте.

– На всякий случай, – пояснил он.

Она смотрела с недоумением. Миша достал «айфон», показал на него, на бумажку, на себя.

– Миша, – пояснил он и прислонил телефон к уху.

Настя кивнула, но вид у неё всё равно был озадаченный. Она посмотрела на меня. Я, смекнув, в чем суть её вопросительного взгляда, достал из кармана свой смарт. Настя, удовлетворившись, кивнула.

– «Леново»? – фыркнул Миша. – Ничё так, если денег нет. Звонит хоть?

– Тебе ещё денег дать? – не сдержался я.

– Ладно, забей, ничего личного. Рожа мне твоя не нравится просто.

– Да я сам не в восторге...

– Ну, я, в общем, пойду, наверное...

На прощание Настя его обняла и даже чмокнула в щёку. А когда я запер за Мишей дверь, мы с ней оказались одни. Внезапно – совсем одни.

Несколько секунд Настя стояла и смотрела на меня. Потом, прямо посреди прихожей, рядом с обувью, опустилась на пол, скрестила ноги и о чём-то глубоко задумалась. Задумался и я, глядя на её ноги, сверх приличного выглядывающие из-под короткой юбки. Отчего-то плюсом к смущению и естественному в такой ситуации любопытству шло чувство дежавю. Будто я уже стоял так и смотрел на неё.

– Я что-то забыл этой ночью, – сказал я и сел напротив. – Что-то, кажется, очень важное...

Она молчала. Закрыла глаза, будто не хотела меня видеть.

– Наверное, я забыл тебя? Ты была там? Красное небо, рыцари в доспехах. Дракон... Что это было?

Молчание. Она ровно и глубоко дышала.

– Кто ты?

И что мне с тобой делать, вот вопрос...

– И кто я?..

Увидев, как из-под опущенного века выкатилась слезинка, я перестал задавать вопросы, на которые эта загадочная девушка не могла ответить.

– Дерьмо... – прошептал я, сам не заметив, как меня буквально пронизало злостью, настоящей яростью, подобной которой я никогда прежде не испытывал. – Убью того, кто это сделал! Самое подлое, что можно сотворить с человеком – забрать его память!

Я врезал кулаком в пол, и квадратик паркета треснул. В руку заползла боль, я внимал ей с каким-то мрачным удовлетворением. А когда поднял взгляд, обнаружил, что Настя смотрит на меня и улыбается сквозь слёзы.

– Мортегар, – вновь шепнула она непонятное слово. – Так.

Глава 6

– Что это значит? – спросила Авелла, сама не слыша своего голоса.

– Это значит, что мы оставим их умирать, вот что это значит, – объяснил Лореотис.

Они сидели в гостиной дома Авеллы – вся боевая мощь клана Огня. Сама Авелла, Лореотис, который негласно сделался её первым советником, Алмосая, Зован, Асзар и Денсаоли. Последние двое держались за руки и почти не принимали участия в разговорах.

Ямоса не было. Он с утра пропадал в лечебнице, куда унесли Тавреси и Боргенту. Волей случая рожать им выпало одновременно. Авелла выдержала ещё одну войну против клана Воздуха в лице своей матери, чтобы доказать: Тавреси должна получить точно такой же уход, как Боргента. Многие возмущались: простолюдинка будет рожать в лечебнице магов! Да и вообще, что забыла простолюдинка на Материке, если на то пошлó? Но эту битву Авелла выиграла.

Асзар предлагал свои услуги, но его вежливо послали. Лекари-Воздушники слишком кичились своим искусством и, возможно, небезосновательно. Обе дамы были в надёжных руках.

– Пламя видели слишком близко, – продолжил Лореотис. – А рисковать из-за десятка магов никто не станет. Ну, я имею в виду, ни один нормальный правитель на такое бы не пошёл.

Авелла молча смотрела на карту. Не карту даже, а кусок земной поверхности, магией Воздуха спроецированный на стол – Алмосая постаралась. Горы, густой хвойный лес, и посреди него – крохотная деревенька. Если приглядеться, можно было увидеть даже малюсеньких людей, снующих среди домишек.

– Если маги начнут сопротивляться Восставшему, там и простолюдины сгорят, – заметил Зован. – А они начнут...

Пламя не трогало простолюдинов, к немалому облегчению всех. Потому что если бы пришлось спасать ещё и их, Материк уже давно рухнул бы. Он и сейчас нёс на себе слишком большой груз, и Авелла уже не раз видела на лице матери жутковатое выражение, когда речь заходила об этом.

– В какой-то мере это подло и глупо – прятаться среди простолюдинов, когда такое творится, – негромко сказала Алмосая.

– Так мы все будем думать, когда они погибнут? – резко спросила Авелла. – Будем говорить себе, что они поступили подло и глупо?

Госпожа Алмосая промолчала. Интересно всё исказилось в мире. Она была, пусть и недолго, Воздушной учительницей Авеллы. Но сейчас, чтобы разблокировать древо заклинаний, Авелла взяла в ученицы её. И Зована, и Боргенту. Асзара с Денсаоли взял под крыло Лореотис. Акади не захотела пока идти в ученицы ни к кому, и вообще отнеслась к затее прохладно, заявив, что хорошо бы подсократить количество магии Огня, а не умножать её.

– Не бушуй, мелочь, – заступился Лореотис за свою даму сердца. – Что думаешь делать?

Вот и настал этот жуткий миг, когда нужно принять решение. Ей нужно принять! А потом – жить с этим. Авелла взволнованно облизнула губы.

– А... Что бы ты сделал?

– Я? – Лореотис хмыкнул. – Я – одиночка. Безродный. Я никогда и ни перед кем особо не отчитывался. Либо выполнял приказы, либо нарушал. Я могу рассказать тебе о рисках, да ты их и сама понимаешь. Но решения я за тебя не приму. Никто здесь не примет, – уточнил он с оттенком угрозы в голосе.

Авелла чувствовала, что все смотрят на неё, и ещё ниже склонила голову над «картой». Полсотни домиков. Люди, как муравьи. И скоро этот муравейник подожгут...

– Мортегар не оставил бы их, – прошептала Авелла.

– Мортегара здесь нет, – заметил Лореотис.

– Натсэ ругала бы его последними словами, но отправилась бы с ним, и я пошла бы с ними вместе, – продолжала Авелла, будто в каком-то трансе. – Мы бы, наверное, просто не смогли поступить иначе...

Если бы можно было выбирать, она выбрала бы отправиться туда втроём. В самую пасть огненного дракона. Втроём, на равных! Но она была одна, и те, кто смотрел на неё сейчас, могли только подчиниться приказу. Ну, или нарушить приказ.

Вот-вот Материк заблокируют, и спасательные операции закончатся. Основные силы магов уже вытащили, то, что осталось – погрешность, которой можно пренебречь. Но Авелла не могла считать людей – живых людей! – погрешностью.

– Мы их заберём, – сказала она.

– Прекрасно, – пожал плечами Лореотис. – Изложить план?

Авелла перевела дух. Решение принято, и будто гора с плеч свалилась. Дальше – легче.

– Да, – сказала она. – Пожалуйста.

– Магов Воздуха у нас трое. Магов в деревне – вроде бы десять. Нужно минимум четыре ходки, чтобы вытащить всех...

– Почему? – возразила Алмосая. – Я вполне способна поднять двух сразу. И госпожа Авелла, я уверена, тоже. И госпожа Денсаоли...

– Да, я сумею, – быстро сказала Денсаоли.

Глава клана Воздуха принимала участие в заговоре клана Огня, где была всего лишь боевой единицей. Ей это казалось нормальным. Пожалуй, от Мекиарис в ней осталось куда больше, чем от Денсаоли, во всяком случае, в плане характера, и Авелла была за это благодарна Стихиям. Одной проблемой меньше. Новая Денсаоли легко и с удовольствием подчинялась. Правда, подчинялась она практически всем, кто готов был приказывать...

Асзар выглядел недовольным, но молчал. У него и помимо опасной операции были причины для недовольства. Например, разрешения на брак ему не давали. Назывались тысячи причин (Асзар хотел непременно заключить брак в клане Земли, и причины называл Дамонт), но Авелла знала настоящую. Асзара прочили ей в мужья, и пока она не примет какого-то решения, ему тоже придётся находиться в подвешенном состоянии. Точно так же не дали бы разрешения на брак Лореотису... Если бы он его просил. Но рыцарю, хвала Стихиям, брак был нужен, как собаке пятая нога, его отношения с Алмосаей и так полностью устраивали. Да и она вроде бы не возмущалась, по крайней мере, прилюдно.

– На скорость это повлияет? – осведомился Лореотис.

– Незначительно, – покачала головой Алмосая. – Всё можно будет сделать минуты за три-четыре...

– С учётом времени на разговоры? Их нужно будет найти, собрать, убедить...

– Вот этого не знаю, – пригорюнилась Алмосая.

– Вот в том-то и оно... Ладно. Берёте по двое. Если вдруг появляется Дракон – всё тут же прекращается, ясно? У меня в приоритете клан, поэтому как только что-то пошло не так, вы бросаете всех, кто бы там ни был, и вытаскиваете нас. На землю отправятся трое: я, Зован и Асзар. Наша задача – прикрывать отход магов. Мало ли, что там может случиться. Может, придётся разбить пару-тройку простолюдинских носов. Всем всё ясно?

– Ясно, – кивнула Алмосая. – Вытащу тебя.

– Заберу Асзара, – сказала Денсаоли.

– Я – Зована, – подтвердила Авелла.

Мужчины только молча кивнули. Лореотис окинул «Воздушек» грозным взглядом:

– Вы меня плохо поняли. Мы там не в «дочки-матери» играть будем. Забираете того, кто попадётся под руку, и не оглядываетесь. Лучше спасти одного, чем потерять троих. Никаких соплей, никакой лирики – одна сплошная математика.

Почему-то вздрогнула Денсаоли, но ничего не сказала, только кивнула. Авелла с благодарностью посмотрела на Лореотиса. Всё же он был куда лучшим лидером, чем она, но разбился лишь в войне. Стоило Авелле отдать приказ о начале боевой операции, и роли тут же менялись. Теперь она превращалась в солдата, а Лореотис был командиром. И всё делалось простым и понятным: выполняй приказы.

Десантировались с заднего двора. Для этого пришлось запрыгнуть на стену – благо, она была достаточно толстой. Алмосая держала сзади Лореотиса, Денсаоли – Асзара, Авелла обнимала брата. Она ничего не видела из-за его спины и надеялась в полёте переместиться чуть повыше.

– Очень быстро, – повторил Лореотис. – Если кто-то не захочет спасаться – мы его оставляем. Всё ясно?

– Ясно, – вразнобой подтвердил клан Огня.

Авелла до крови кусала нижнюю губу. Всё же на сердце было беспокойно. Нельзя ведь переложить всю ответственность на Лореотиса. Главное решение приняла она.

– Волнуешься? – чуть повернув голову, спросил Зован.

– Немного, – солгала Авелла. Волновалась она много.

– Я б тоже волновался. Как-никак, первый ребёнок, родная кровь...

– Что?... – Авелла в первый миг не поняла, но тут же покраснела и кулаком долбанула брата по спине: – Дурак! Фу, какой же ты идиот! Замолчи!

Зован рассмеялся.

– Погнали! – крикнул Лореотис, как показалось Авелле, тоже еле сдерживая смех.

Алмосая взлетела с ним вместе, и оба они будто бы упали, стремительно погружаясь в облака. Следом прыгнули Асзар с Денсаоли. Здесь Материковая защита была нарушена хитрой Авеллой. Она просто ненадолго отключила Невидимость собственного домика. Сквозь облака с земли его всё равно не разглядеть, в отличие от зелёной вспышки, неизбежной при прохождении Материковой границы.

– Взбодрилась? – осведомился Зован.

– Придурок! – опять ударила его Авелла.

– Если что – обращайся, я всегда рядом. А теперь – полетели.

И он, чуть согнув колени, прыгнул вперёд, увлекая Авеллу за собой. Этот, новый Зован, кажется, совсем не боялся смерти.

Авелла судорожно вцепилась в него и взяла под контроль воздушные потоки. Пока приходилось лететь в «пузыре», пусть и повторяющем форму тел. Иначе они бы задохнулись, или замёрзли. Пузырь падал плохо, и Авелла подгоняла его магией. Легонько, стараясь не расходовать попусту ресурс. Ей придётся ещё минимум дважды так спуститься и трижды подняться.

Пока летели сквозь облака, она думала о том, что сказал Зован. Думала, что до сих пор понятия не имеет, как относиться к Боргенте и к ребёнку, который появится на свет только из-за её, Авеллы, краткосрочной глупости и слабости. Тогда всё казалось игрой, теперь же стало не до игр...

Впрочем, на Материке никто не знал, как относиться к этому странному ребёнку, который провёл в материнской утробе чуть больше полугода и счёл себя полностью готовым к появлению на свет. С ним ещё предстояло разбираться...

Когда облака расступились, и внизу показалась деревня, такая же, как на проекции, Авелла запретила себе думать о посторонних вещах. Сейчас нужно выполнить поставленную задачу, вот и всё.

– Привет простолюдинам! – гаркнул Лореотис, обращаясь к четверым старикам, окружённым россыпью ребятишек. – У вас тут маги не завалялись, случаем?

– Нам очень надо, – подтвердила Авелла, спустив на землю Зована. – Мы хотим их спасти...

– Маги, говоришь? – переспросил один старик и как-то загадочно усмехнулся. – Ну... есть вроде...

– Спасите! – раздался громкий вопль.

Дверь ближайшего сарая распахнулась, и наружу выбежал всклокоченный парень лет двадцати пяти, на бегу завязывая штаны.

– Заберите их кто-нибудь!

Авелла проводила его взглядом. Это уж точно был не маг, по крайней мере, не из тех, что носят печати. Обычный деревенский мужик. Повернув голову к сараю, Авелла вздрогнула.

Наружу, держась за руки и хихикая, вышли две девушки. Им было, на глаз, лет по восемнадцать-девятнадцать. Обе в одинаковых чёрных плащах. Форма напоминала студенческую. Строгие юбки, рубашки. Волосы у девушек были одинаково и безупречно чёрными, что свидетельствовало о чистоте крови, и даже одинаковой длины – до плеч. Ещё девушки были одного роста: на пяток сантиметров выше Авеллы – и, что самое интересное, лица их были одинаковыми.

– Мы – маги! – сказали девушки хором. – А что вы хотели, путники?

– Близнецы? – озадаченно хмыкнул Асзар. – Никогда такого не видел...

– Восставший Огонь убивает всех подряд магов, – сказал Лореотис. – Он недалеко отсюда. Мы можем забрать вас на Летающий Материк. Решайте быстро: да, или нет.

Лица девушек вытянулись.

– Пламя! – всё так же, хором, воскликнули они. – Злое, злое Пламя рядом! Спасите нас! Да!

– Вроде просто всё, – заметил Зован, но в голосе его звучало сомнение.

Авелла понимала брата. От юных магичек так и несло чем-то странным, ненормальным.

– Заберите, заберите нас на Летающий Материк! – канючили они, приближаясь.

– Возьму этих? – Денсаоли выдвинулась вперёд.

– Бери, – разрешил Лореотис. – Сколько вас тут?

– Десять! Ровно десять! – поклялись близняшки, вцепившись в руки Денсаоли.

– Ясно. Если ресурса уйдёт больше половины – оставайся там, восстанавливайся, – приказал Лореотис Денсаоли.

Она коротко кивнула и, приобняв обоих пассажиров, взмыла в небо. Авелла проследила за ней взглядом.

– А вон и остальные бегут, – заметила Алмосая.

И вправду, по разным улочкам деревни, будто получив некий сигнал, по двое и по трое бежали магички.

– Так, стоп. – Лореотис решительно обнажил меч. – *** какая-то. Авелла, верни Денсаоли, срочно!

Авелла мигом активировала последнее заклинание Мортегара и передала Денсаоли приказ. Она при этом смотрела в небо. Миг спустя, после того, как сообщение нашло адресата, там, вверху, вспыхнуло пламя.

– Мекиарис! – закричал Асзар, сжав кулаки. – Поднимите меня туда!

– Закрой рот и приготовься, – оборвал его Лореотис. – Алмосая – верх, только разведка, Авелла – не подпускай этих.

Семь девушек остановились, ударившись о невидимую преграду в десятке шагов от Лореотиса. Одинаково застонали, хватаясь за одинаковые лбы и носы.

– Жестокие! Жестокие! – кричали они хором. – Вы ведь обещали спасти нас!

Алмосая одна унеслась вверх. Простолюдины убежали к своим домам.

– Вы кто такие? – крикнул Лореотис.

– Мы просто девочки, – теперь они начали говорить по очереди.

– Студентки.

– Из академии.

– Академии Дирона.

– Мы сестрички...

– Так напугались, когда всё началось...

– Огонь страшный!

– Очень страшный!

Лореотис не знал, что и подумать.

– Сестрички? – переспросил он.

– Нелегко вашей мамочке пришлось, – фыркнул Зован.

– Это какая-то чушь! – воскликнула Авелла. – Десять магов-близнецов?! Да о них бы все кланы знали!

АЛМОСАЯ: Они напали на Денсаоли. Магия Огня. Мы отбились, летим вниз.

ЛОРЕОТИС: Ранения?

АЛМОСАЯ: Мелочи, но Денсаоли в истерике. Не знаю, будет ли от неё толк. Кстати, эти две живы, сейчас упадут.

– Значит, академия Дирона, да? – Лореотис поднял меч. – Там и печати Огня ставят?

– Печати Огня? – хором переспросили девушки. – У нас нет печатей Огня.

За невидимой границей рухнули с неба первые две близняшки. От ударов вверх взметнулись фонтаны земли, но как только пыль осела, обе оказались на ногах, целые и невредимые.

– Нет у нас печатей Огня, – заговорили все десять. – Мы сами – Огонь!

Их глаза засветились. В руках появились огненные мечи.

– Вы все умрёте! – резанул по ушам визг. Десять мечей ударили воздух, и Авелла коротко вскрикнула, увидев, как добрая половина ресурса ушла в никуда, как в тот страшный день, когда она зацепила своей магией туман в Дирне. Она тут же сняла защиту, вцепилась в Зована.

– Улетаем! Быстро! – крикнула она.

Алмосая и Денсаоли опустились рядом, схватились за своих мужчин.

– Попробуйте! – грянул безумный хор.

За спинами восьмерых близняшек вырос пригорок, на котором стояли две оставшиеся. У обеих в руках пылали огненные луки. На огненных тетивах лежало по три огненных стрелы.

– Попробуйте улететь! Это будет та-а-ак весело! – прокричали эти две.

Восемь других рассмеялись, но смех тут же смолк. Огненные близняшки бросились в атаку.

Глава 7

Ощущение нереальности происходящего разлетелось вдребезги в первые же секунды битвы. Четыре одинаковых девушки бежали, размахивая огненными мечами. Ещё четыре высоко подпрыгнули.

ЛОРЕОТИС: Воздух – верх, остальные – внизу.

АВЕЛЛА: Их нельзя бить магией!

Она не успела – Лореотис уже зашвырнул огненным копьем в ближайшую близняшку. Её отшвырнуло на добрый десяток метров.

– Можно, если осторожно, – прорычал рыцарь.

Денсаоли справилась со своей истерикой быстро. Вместе с Алмосаей и Авеллой, она поднялась вверх. У всех были мечи. Да, холодное оружие полагалось лишь рыцарям, но Лореотис и Авелла снабдили мечами всех для этой вылазки.

Авелла подлетела к одной из подпрыгнувших близняшек, махнула мечом. Близняшка закрылась своим огненным мечом. Удар разбросал их в разные стороны. Не успела Авелла остановиться в воздухе, как над головой у неё свистнула огненная стрела, сопровождаемая истерическим смехом. В одиночку она смогла бы улететь, одновременно закрываясь Воздушным Щитом, но если взять хотя бы одного Зована... Нет. Ресурса едва хватит на половину пути. В какую же дурацкую ловушку они попались! Дурацкую и – странную.

Две близняшки с луками отскочили назад и теперь стреляли навесом, не останавливаясь. Стрелы сыпались сверху, от них приходилось защищаться, в то время как восемь мечниц атаковали стремительно и жёстко.

Ладно! Посмотрим, как вам такое понравится.

Авелла не стала бить ни Огнём, ни Воздухом – знала, что это отнимет ресурс. Но если создать из Земли металлические стрелы и всего лишь пустить их – несколько сотен – точно таким же навесом...

Внешне это выглядело как взмах рукой. Земля за спиной Авеллы выстрелила стальным дождём, и двум лучницам пришлось несладко. Они завизжали, заметались. Брызнула кровь из ран. Кровь! Значит, они всё же какие-то люди, и их, наверное, можно убить!

Но раны быстро затягивались. Близняшки пытались прикрываться огненными щитами, и это им неплохо удавалось, однако стрелять они уже не могли. Авелла мгновенно просчитала стратегию.

АВЕЛЛА: Улетайте. Я сдержу их. Алмосая – вернётся за мной.

ЛОРЕОТИС: Выполнять!

Он как раз ударом кулака в латной перчатке отправил в высокий и далёкий полёт одну из соперниц. Зован мечом снёс голову другой.

Голова упала на землю, вместо неё вырос огненный шар.

– Поплатишься! – прошипело пламя.

Огненноголовая близняшка завертелась на месте, вызывая вокруг себя огненный смерч.

– Отставить! – заорал Лореотис, отступая.

Но и без него уже было понятно, что «отставить». Огненный смерч разрастался слишком быстро и слишком высоко уходил в небо. В лицо ударило жаром. Авелла отлетела назад, прикрывая лицо ладонью.

Первую огненную стрелу, вылетевшую из смерча, Авелла отбила своим рыцарским мечом. А потом начался целый горизонтальный огненный дождь. Смерч, стремительно вращаясь, сыпал стрелами.

«Вот, кажется, и привет», – обескураженно подумала Авелла, настраивая Воздушную защиту.

Больше она защититься не могла ничем. Но от каждого попадания по Воздушной защите ресурс отжирался в невообразимых количествах.

Магический ресурс: 1589

1290

1117

Лореотис закрылся Огненным Щитом, Зован и Асзар спрятались у него за спиной, Алмосая и Денсаоли пытались усилить защиту Авеллы.

ЛОРЕОТИС: На случай, если это конец – виноват был я.

АВЕЛЛА: Но...

ЛОРЕОТИС: Ты доверила операцию мне. Я не справился. Всё.

Магический ресурс: 967

899

856

Авелла закричала зубами от бессильной злости. Ну должно же быть хоть что-нибудь!

Разделение!

Не прерывая Воздушного заклинания, она заставила землю раздаться под смерчем. Послышались обиженные крики – некоторые близняшки, видимо, упали в расщелину. Но смерч лишь покачнулся. Авелла зарастила трещину, надеясь, что хоть пару близняшек там раздавит. Ничего не почувствовала, но вдруг... Вдруг...

Вдруг с неба упало нечто. Оно напоминало огромный зеркальный шар. В его поверхности Авелла на миг увидела своё искажённое лицо.

Шар будто раздавил смерч, тот беспомощно брызнул в стороны огненными брызгами. В следующий миг шар распался на четыре дольки. Внутри, окружённая десятком Воздушных рыцарей, оказалась госпожа Акади.

Воздушные рыцари взмахнули мечами. Близняшки – а их осталось штук семь – с визгом улетели прочь, унесённые поднятым ветром.

– Быстро все в шар! – закричала Акади, усиливая голос магией.

Взглядом она нашла висящую в воздухе дочь, и Авелла с трудом проглотила комок в горле. Спасение от верной смерти уже не так чтобы радовало... Но все поспешили исполнить приказ регентши, и Авелла не оставила свой клан. Вытянув руки перед собой, она влетела в шар, и лишь только оказалась в его границах, четыре дольки закрылись обратно. Шар полетел вверх с такой скоростью, что голова закружилась. Изнутри стенки были прозрачными.

– Все живы? – дрожащим голосом спросила Авелла. – Ранения?..

– Асзара слегка обожгло, – заметил Зован. – Денси, ты как?

– Н-нормально, – пролепетала Денсаоли.

– Ты обращаешься к главе клана, – сказала Акади. – Изволь блюсти приличия.

– О. Прошу прощения, – сказал Зован, не повернувшись к мачехе. – Вы заблуждаетесь. Я обращался к сестре по клану Огня, а не к главе клана Воздуха. Я хорошо чувствую рамки приличия.

Авелла была ему благодарна за эту выходку. По крайней мере, мать на неё не смотрела.

Им пришлось встретиться взглядами позже, вечером, когда они оказались наедине в зале переговоров. Их разделял стол. Обе сидели. Акади выглядела усталой.

– Девочка моя, – прошептала она. – Мне так было страшно...

– А мне – нет, – заявила Авелла.

– Значит, я боюсь за нас обеих, – вздохнула Акади. – Эта твоя выходка...

– Ты могла мне сразу сказать, что маги вызывали подозрения! – закричала Авелла. – Я бы не отправила своих людей на верную смерть! Но нет! Наизобретала каких-то дурацких уровней секретности. Почему Дамонт и Логоамар в курсе всего, а от меня скрыта важная информация?

Только не вздумай говорить, что так ты обо мне заботаешься, я... Я тебя ударю просто, вот и всё!

– У тебя был приказ. – Голос Акади наполнился холодом. – Ты его нарушила. Во всём, что касается выхода за границу Материка, главная – я.

– Почему от меня скрывают важные сведения? – не унималась Авелла.

– Потому что ты – ребёнок, и ведёшь себя, как ребёнок. Мы терпели, сколько могли, но теперь пора принять меры.

– Меры? – вскинула брови Авелла. – Это ты про замужество? Ни за что!

– Как пожелаешь. Либо выходи замуж, либо назначай регента, одно из двух. Но регентом буду я.

– Ты?! Да я скорее умру!

– У тебя остаётся другой вариант.

– Нет!

– Тогда ты будешь изгнана из кланов Воздуха и Земли. Дамонт согласен.

Авелла застыла с раскрытым ртом. Сначала у неё начали дрожать руки, потом на глаза навернулись слёзы.

– Что? – шепнула она.

– Мне жаль. Но сейчас нам нужно держаться вместе. Всем. Действовать, как одно целое. Твои хаотичные решения ставят под угрозу весь Материк.

– Что? – повторила Авелла. – Ты заберёшь мою печать?

– Именно, – сказала Акади, глядя в сторону. – Ты лишишься магии Воздуха и магии Земли. Останешься главой клана Огня. До тех пор, пока не совершишь рокового проступка.

Слёзы полились ручьями. Не было смысла даже пытаться сдержать их.

– За что же ты так меня ненавидишь? – прошептала она.

– Я люблю тебя, малыш. – Акади тоже заплакала, но так и не набралась смелости посмотреть в глаза дочери. – И я хочу, чтобы ты осталась в живых...

– Могла бы спросить, чего я хочу.

– Не могла. Я не настолько смелая.

– И вот твоя политика? Запереться на Материке и жить здесь вечно, оставив землю – Огню? – Авелла почувствовала, как на смену горю и отчаянию приходит гнев.

– Другого пути я не вижу, – отозвалась Акади. – Ты же видела этих существ внизу? Это лишь малая часть того, что там теперь обитает. Мы уже чужды этому миру. Та жизнь закончилась навсегда.

Авелла отметила про себя эту «малую часть». Сколько же всего от неё скрыли?... Но это было не самое страшное и обидное.

– Дочка, прошу, перестань со мной сражаться. Мне совсем не хочется делать тебе больно. Хотя бы потому, что мне от этого в тысячу раз больнее.

Авелла покивала в такт своим мыслям. Вытерла слёзы рукавом платья – как ребёнок.

– Как прошли роды?

– Благополучно. – Акади с видимым облегчением сменила тему. – Обе девушки разрешились благополучно. Боргента стала выглядеть значительно лучше. Мы опасались, что она умрёт от истощения, но стоило только родиться малышу, и...

– Я пойду к ним. – Авелла встала и направилась к двери.

– Постой! – окрикнула её мать. – Мы не закончили. У тебя есть день на размышления. Послезавтра утром ты либо выйдешь замуж, либо...

– Я поняла, мама, – спокойным тоном сказала Авелла. – Я выхожу замуж послезавтра утром. Кого ты хочешь, чтобы я выбрала?

– Выбор за тобой. Любой мужчина твоего клана. Нас устроит любой вариант. Они оба могут принимать тяжёлые решения и нести за них ответственность.

– Даёшь слово?

– Даю слово.

– Я хочу, чтобы ты поклялась, что вы все примете мой выбор и отстанете от меня. Принеси Огненную клятву.

– Клянусь, – сказала Акади. – Клянусь Огнём, что, кем бы ни был твой муж, мы примем его как главу клана и будем вести дела с ним, как с равным.

Вспышка пламени подтвердила клятву.

– Так кого же ты выбираешь? Асзара? Лореотиса?

– Зована, – улыбнулась Авелла и толкнула дверь. – Пока.

– Что? Что?! – закричала мама, мгновенно оказавшись рядом с ней. – Ты что, шутишь?

Он твой брат!

– Мне ведь не обязательно рожать от него детей. Хотя, может, мне и захочется...

– Авелла! Ты с ума сошла? Он тебя ненавидит! Он всю жизнь тебя ненавидел!

Заглянув матери в глаза, Авелла улыбнулась:

– Ничего-то ты про нас не знаешь, глупая. Он никогда меня не ненавидел. Он ненавидел только себя, тебя и папу. Я уйду. Свадьба послезавтра. И помни свою клятву.

Лореотис всё так же сидел у лечебницы и курил.

– Что, погасить трубку? – спросил он, заведя Авеллу.

– Нет, принеси гортензии.

– Чего? – изумился рыцарь.

– Цветы такие. Гортензии, белые. Росли в саду возле дворца Искара, может, ещё остались.

Лореотис несколько раз моргнул, глядя на юную главу своего клана.

– Что, сейчас?

– Нет, послезавтра. На мою свадьбу.

– О... Так ты выходишь замуж?

– Приходится, – развела руками Авелла.

– И кто этот счастливчик?

Он, кажется, боялся. И Авелла его понимала. Обзавестись столь бесполезной женой для Лореотиса – смерти подобно. Несколько секунд помучив его, Авелла сказала:

– Зован.

Хорошенько подумав, Лореотис негромко рассмеялся:

– Ну, лихо... Что ж, это, наверное, наименьшее зло.

– Ага. Наверное.

– Гортензии?

– Гортензии. Белые!

– Посмотрю, что можно сделать, – пообещал Лореотис и от души затыкнулся.

– Ты был там? Как они? – спросила Авелла, кивнув на дверь.

– Только что оттуда. Как по мне – прекрасно. Но ты, конечно, сходи.

Роды обеих девушек закончились ещё засветло. С тех пор там перебивали все, а теперь было пусто и тихо. Авелла посидела пять минут в палате Тавреси, посмотрела на их с Ямосом крепенького мальчишку. Но там она чувствовала себя лишней: Ямос, Тавреси и их пока безымянный малыш были семьёй, и вокруг них будто невидимый круг очертили.

Попрощавшись, Авелла прошла в соседнюю палату, где в одиночестве лежала Боргента, баюкая на руках малыша. Авелле она улыбнулась от всей души. Скрепя сердце, Авелла подошла ближе, взяла ребёнка на руки. Боргента без колебаний ей это позволила, а Тавреси – так и не решилась.

– Девочка? – шепнула Авелла, глядя в крохотное лицо спящего младенца.

– Да, – прошептала в ответ Боргента.

– Красавица...

Подержав с минуту свою не то дочь, не то... Стихии знают, кого, Авелла вернула её матери.

– А из твоего рода никто не придёт на ночь? – спросила она.

Боргента погрузилась.

– Нет... Они не желают со мной знаться.

– Так они что, вообще не заходили?

Боргента покачала головой.

– И ты тут всё время совсем одна?!

– Ну, почему... Днём тут чуть ли не все кланы перебивали. Всем было интересно поглядеть на Огненнорождённую.

– Ужас. Кто это выдумал?

– Не знаю. Слышала от разных...

Авелла молча вышла, в соседней палате подняла взглядом пустую кровать и перенесла её в палату Боргенты, поставила рядом.

– Я останусь здесь, – заявила она.

– Да... Не надо, что ты. Тебе вовсе не обязательно...

Но Авелла уже легла, сбросила туфли и подтянула колени к груди. В такой позе ей было комфортнее всего засыпать, особенно когда вокруг творилось не пойми что, и хотелось куда-нибудь спрятаться.

– Если что-то понадобится – просто разбуди меня, – прошептала она.

– Спасибо, – откликнулась через несколько секунд Боргента.

Авелла очень хорошо умела слышать то, что доносил до неё воздух. И в голосе Боргенты она слышала самую настоящую благодарность. Никто не должен быть один, особенно когда мир разваливается на части.

– А я послезавтра замуж выхожу, – шепнула Авелла, уже в полусне.

– Ого... Я... Мне нужно поздравить тебя?

– Нет, не нужно. Это не тот брак, с которым нужно поздравлять.

– Тогда – удачи. Желаю тебе выстоять.

– Вот! – Авелла улыбнулась. – Ты понимаешь. Главное – выстоять. Я чувствую, не так уж долго осталось. Что-то... изменится.

И, сказав последнее слово, она провалилась в глубокий сон без сновидений.

Глава 8

– Ди-и-има! – донеслось из ванной.

Я как раз стоял в обесточенной кухне и смотрел в холодильник, пытаясь спрогнозировать дальнейшие действия. Мама сварила на обед суп, но микроволновки я лишился. Что теперь? Правильно, бутерброды и кукурузные хлопья! Но мне за это потом выговорят, а маму лучше не бесить, её, вон, и так завтра в школу вызывают. Что остаётся? Остаётся газ – ты всегда думаешь о нас.

Я вытащил кастрюлю на плиту и прошёл в ванную комнату. Настя стояла там. Увидев меня, ткнула пальцем в саму ванну, пожала плечами. Потом зачем-то погладила вентиль и снова пожала плечами. Типа, она из такой развитой страны, что там везде сенсорные смесители?.. Ну ладно, допустим. А с ванной-то чего? А, да...

– Это ноутбук, – сказал я. – Так получилось... Принимал ванну, решил покончить с собой, но батарея разрядилась, и меня только пощипало. Сейчас уберу.

Я наклонился за растерзанным ноутбуком, мысленно себя проклиная. Вот опять, как всегда, в присутствии девушки. Либо у меня полный паралич речевого аппарата, либо – словесный понос, несу какую-то чушь. Что она, интересно, обо мне думает? Хотя...

Я выпрямился и, прижимая к груди останки ноутбука, посмотрел на Насте в глаза. Она, кажется, не просто обо мне думала, она меня знала. Каким-то непостижимым образом – знала. И, если судить по её поведению, знала довольно близко. Соответственно, и я её знал. Мы с ней дружили, или даже не просто дружили?.. Я – и она?!

Нет, будем реалистами. Такого просто не может быть. Такие девушки уместно смотрятся рядом с известными актёрами, спортсменами, ну, на худой конец, с олигархами. С людьми, умеющими брать от жизни всё, в общем. А я?

А сундук с золотом? Может, в этом и весь секрет?

Смутившись под моим взглядом, Настя вновь коснулась смесителя и на этот раз случайно повернула вентиль. Из лейки брызнула вода. Настя что-то удовлетворённо сказала и закрыла воду.

– Пойдём, – сказал я, решив провести следственный эксперимент.

Настя двинулась за мной, в мою комнату.

Если всё же рассуждать логически, если смотреть только на факты. Вот красивая девушка, которая хитроумным способом проникает ко мне в дом и тут же, просто моментально, вытаскивает из сундука деньги. Ну хорошо, я-вчерашний даже не обратил бы на это внимания. Сам факт наличия девушки у меня дома перечёркивал бы всё, даже если бы она начертила на полу пентаграмму, зажгла чёрные свечи и зарезала козла (при условии, конечно, что этим козлом был бы не я). Но я-сегодняшний смотрел на мир более широко открытыми глазами.

– Вот, – сказал я, вытащив сундук из-под стола.

Настя непонимающе смотрела.

– Забирай! – Я, как мог, жестами объяснил, что сундук мне отвратителен, и Настя вполне может с ним удалиться.

Кажется, до неё дошло. Во всяком случае, правая щека у меня взорвалась болью, я, кажется, на миг потерял сознание, а очнулся на кровати. Хлопнула дверь комнаты, послышались злые удаляющиеся шаги.

Уйдёт?..

Хлопнула вдалеке ещё одна дверь – в ванную комнату. Через несколько секунд зашумела вода. Не уйдёт...

Великолепный был день, как ни крути. День первой пощёчины от разгневанной красавицы. Такое, наверное, забыть невозможно, даже если тебе память лазерным лучом будут выжигать, оно где-то глубже прописывается, может, в сердце. Также, наверное, нельзя совершенно забыть и первый поцелуй, и первый секс...

С такими мыслями я шёл обратно в кухню, на всякий случай по широкой дуге огибая дверь в ванную, с матовыми стеклянными вставками. Вставки были тёмными. Света-то нет. Как она там, в темноте, справляется? Может, предложить помощь? Господи, да откуда у меня такие мысли?! Мне только что по морде дали, я, наверное, должен в депрессию на месяц уйти, может, даже с собой покончить. Но я почему-то захожу в кухню, ищу спички. Замираю...

А что если правда – вот взять и войти туда? Нет, ну а что я теряю-то вообще, а? Ну даст ещё разок по роже. А может, и не даст... А может, и вообще убьёт. Как она в школе всех этих подонков положила – я глазом моргнуть не успел. Вот я зайду, а у неё рефлекс сработает. Нет, на фиг, подождём пока с решительным действиями.

Я чиркнул спичкой, включил газ и в следующий миг с воплем отскочил назад, едва не уронив стол. Пламя рванулось из-под кастрюли натуральным огненным столбом, ударило в потолок. В натяжной, мать его так, потолок!

– Ну-ка прекрати! – заорал я, бросился к плите и выкрутил ручку в ноль. Пламя исчезло, а на потолке осталось чёрное пятно.

– Да мать-то твою так, – прошептал я. – И что это было?

Я ненадолго прикрыл глаза. На сетчатке всё ещё оставался след яркой вспышки. И вдруг я понял, что смотрю на медленно тающее лицо. Лицо в огне. Совершенно точно – лицо девушки. Опять девушка...

Хлопнула дверь, послышались быстрые шаги босых ног. Настя, с мокрыми мыльными волосами, влетела в кухню, на ходу запахивая полотенце одной рукой, а в другой держа обнажённый меч. Посмотрела на меня, что-то спросила.

– Не знаю, как объяснить, – вздохнул я. – Но мы, кажется, остались без обеда...

Пискнула микроволновка, загудел холодильник.

– А, нет! Жить будем, – улыбнулся я.

Настя неуверенно улыбнулась мне. Опустила меч, что-то проворчала. Потом подошла и совершенно естественным движением, привстав на цыпочки, коснулась губами моих губ, после чего удалилась обратно.

Обалдеть. Вот тебе и первый поцелуй. День продолжает удаваться. Далее по плану – романтический обед, щи на двоих.

Спички я убрал от греха подальше, сделал в памяти зарубку: сказать маме, чтобы позвонила в газовую службу. Ненормально это, когда огонь в потолок фигачит. А ещё более ненормально, когда в нём появляются лица...

Изображение с сетчатки исчезло, и теперь я мог лишь вызвать лицо в памяти. Примерно. Нет, лицо было незнакомым. Более того, оно, кажется, было не одно. За те мгновения, что я его видел, оно успело измениться. Сначала это было почти детское лицо, потом – лицо девушки лет двадцати. Ни то, ни другое Настю не напоминало абсолютно. Скольких же девушек я успел позабыть?

Настя окончательно вышла из ванной, завернувшись всё в то же полотенце и держа в руках свою одежду. Я ждал её в прихожей.

– Окей, – сказал я. – Ты, вроде, собираешься провести тут какое-то время... Я совсем даже не против, но родителям я этого не объясню никак. Поэтому вот здесь будет твоя комната. У вас много общего, я думаю, вы найдёте общий язык: комнаты странная – ты странная. Надеюсь, сюда никто не заглянет. Родители только вечером приходят, придётся посидеть тихо. Тихо, понимаешь? Нет, ты не понимаешь... Хотя ты, вроде, не особо шумная.

Я провёл Настю в «просто комнату». Там она села на кровать и, судя по выражению лица, это доставило ей несказанное удовольствие. Пожалуй, она выглядела уставшей.

– Тут? – спросила она.

– Тут, – кивнул я.

Настя бросила на спинку стула свою одежду, потом посмотрела на кровать, на меня, снова на кровать. Мне показалось, что она оценивает ширину кровати...

– Тут? – снова спросила она, таким тоном, будто искала подвох.

– Да. Ты – тут. Ты, понимаешь? – Я указал на неё пальцем. – Ты!

Кажется, она поняла. Указала пальцем на меня и спросила:

– Ты?

– Я – там. – Я ткнул пальцем в сторону своей комнаты.

Настя задумчиво покачала головой. Выражение лица у неё в этот момент было такое, типа: «Ясно. Ну и дурак...».

– Хочешь есть? – Я показал жестами процесс поглощения супа ложкой. – Есть!

– Есть нет, – мотнула головой Настя.

– Спать? – Я сложил руки и показал, будто укладываюсь на них. – Спа-а-ать?

– Спать? – подумала. – Спать – да.

Покосилась на подушку, потрогала влажные волосы.

– Сейчас, погоди.

Я сходил в кухню, где мама утром бросила фен. Принёс его в комнату, включил в розетку, протянул Насте. Она не понимала. Тогда я нажал на кнопку. Настя вздрогнула, услышав гудение. Я направил на неё струю горячего воздуха. На миг она замерла, ошарашенная случившимся, а потом начала смеяться. Я выключил фен и молча смотрел, как Настя буквально рыдает от смеха. Она даже чуть с кровати не упала, но взяла себя в руки. Показала пальцем на фен, покачала головой и что-то сказала. Мол, надо же, фигню какую выдумали. Хм... Интересно, а что если ей пылесос продемонстрировать?

Справившись с приступом смеха, Настя придвинулась ко мне и наклонила голову. Вот как? Ну ладно... Я опять включил фен и принялся сушить ей волосы. За этим занятием мы провели минут десять. Волосы давно высохли, но Насте, кажется, доставляло удовольствие нежиться в струе горячего воздуха, а я смотрел на её блаженно зажмуренные глаза и не хотел останавливаться. Когда, наконец, из фена пошёл угрожающий запах, я его всё-таки выключил. Настя лениво открыла сонные глаза и зевнула, прикрыв рот ладошкой.

– Спать, – сказала она.

– Спать, – подтвердил я.

Она чего-то ждала. Я не уходил. Она ждала упрямо, я так же упрямо тупил, побеждая в неравной битве и логику, и здравый смысл, и инстинкты, и желания. Но вот появился какой-то новый, неведомый соперник по имени Решительность и одолел меня одним ударом. Я подался вперёд, и Настя, будто того только и ждала, ответила встречным движением.

А вот и он – настоящий поцелуй. Долгий, сладкий и бесконечно восхитительный. Я даже сам не заметил, как мои руки легли на её талию, принялись гладить стройное тело через полотенце, которое скользило, скользило...

Я отстранился, тяжело дыша, и неожиданно заметил, что Настя... улыбается. Едва ли не смеётся. Кровь бросилась мне в лицо, но я тут же почувствовал, что смеётся она не совсем надо мной. Что-то в этой ситуации её забавляет.

Она коснулась моей руки, сказала несколько слов ласковым тоном.

– Да, – хрипло ответил я. – Наверное... Наверное, ты права. Ладно. Спи.

Забрав фен, я вышел из «просто комнаты» и закрыл за собой дверь. В голове творилось чёрт знает что, сердце колотилось в ритмах спид-металла, а про то, что ниже, я и говорить не буду.

Настя спала часов пять. Я это время потратил с толком. Взял кухонные весы, пришёл в комнату и открыл сундук. Взялся за измерения и подсчёты. Одна золотая монета весила, грубо говоря, десять грамм (на деле чуть больше, весы колебались). Монет было... Блин, их было очень много. Я выложил квадрат двадцать на десять, что примерно равнялось основанию сундука. Значит, двести. Замерил линейкой ширину монеты, потом – высоту сундука. Произвёл в калькуляторе серию подсчётов. Повторил подсчёты трижды.

Выходило, что в сундуке лежит плюс-минус семь тысяч золотых монет. Грамм золота стоит где-то полторы тысячи рублей – подсказал мне Яндекс. Итого, в пересчёте на наличные, – что-то около десяти с половиной миллионов. О-ду-реть.

Но самым интересным мне показалось даже не это. Семь тысяч монет, по десять грамм каждая – это семьдесят килограмм, не считая самого сундука, который выглядит довольно массивным. Я закрыл крышку, проверил, надёжно ли, после чего встал и одной рукой поднял сундук. Одной рукой. Подержал, прислушиваясь к ощущениям, потом осторожно поставил обратно. Тяжело, да. Но терпимо. Я могу одной рукой поднять семьдесят килограмм! Нет, ладно, это правая, а если левой?

Левая рука показала себя не хуже. Это уж точно не из-за ходьбы пешком по лестнице.

– Итак. – Я откашлялся, собирая мысли в кучку. – Я – миллионер со спортивным телом, владеющий навыками каких-то там единоборств. У меня дома спит красивая брюнетка по имени Настя. Что снимаем? Адаптацию «50 оттенков серого»? Пыточной комнаты у меня, к сожалению, нет, но зато – меч под кроватью имеется. Был у Грея меч под кроватью? Вот то же...

Я полез под кровать за мечом, чтобы изучить его повнимательней. Пока доставал, зацепил ещё что-то. Вытащил зеркальце в серебряной рамке. Изящная вещица, пожалуй, девчачья. Надо будет Насте показать, вдруг её. Выгравированное сзади надкушенное яблоко меня позабавило. Тонкий юмор? Надкус ещё не с той стороны.

– Яблоко-яблоко, соедини меня с Эммой Уотсон?

Зеркало равнодушно показывало мне только меня.

– Ну и ладно. – Я бросил его на кровать и увлёкся мечом.

В какой момент я сам уснул – так и не понял. Разбудила меня Настя. Я вздрогнул от её голоса, открыл глаза и обнаружил, что лежу на своей кровати с мечом в обнимку. Настя вошла в комнату в своём анимешном наряде. Она позёвывала, шурилась, хотя солнце уже перевалило через крышу дома, и в комнате было не так уж светло. Видимо, едва проснувшись, сразу пошла ко мне.

Непрестанно что-то говоря, Настя присела, вытащила из-под стола бутылку. Вежливо попросила у меня меч. Я уступил. Одним резким движением Настя отсекла бутылке горлышко, вернула мне меч и хлебнула из бутылки. Удовлетворённо кивнула и шлёпнулась в кресло. Отталкиваясь босой ногой от ковра, она крутила кресло туда-сюда, задумчиво глядя перед собой и продолжая говорить. То и дело прикладывалась к бутылке. Количество вина убывало стремительно. А ведь скоро мама придёт. Если Настя будет пьяна, как ей объяснить, что надо вести себя тихо?

Я сел на кровати. Настя тут же сунула мне бутылку.

– Да?

– Нет! – Я забрал бутылку.

Настя посмотрела на меня с удивлением. Пожала плечами, достала из-под стола вторую бутылку. У этой она снесла горлышко тыльной стороной ладони и опять начала пить. Я осознал всю бессмысленность своей борьбы. А Настя продолжала что-то рассказывать, жестикулируя одной рукой.

– Ладно. Давай попробуем другие способы общения, – вздохнул я и включил компьютер.

Когда засветился экран, Настя осеклась и замолчала. Комп был новый, загрузился быстро. Я открыл браузер и ввёл на клавиатуре: «огненный дракон». Кликнул «картинки».

Настя сорвалась с места с громким криком, что-то вроде: «А-а-а-ах!». Я крутил колёсико мышки, а она тыкала пальцем в монитор. Тыкала в те картинки, которые были похожи на того самого дракона из сна.

– Ты была там, со мной, – понял я. – Хорошо... Уже хоть что-то.

– Ты? – Настя с надеждой посмотрела на меня, постучала пальцем мне по голове. – Ты – да?

– Что я? Вспомнил всё? Нет...

– Нет... – огорчилась Настя и глотнула из бутылки. – Тут... – Она показала в монитор. – Идёт? Собирает? Поёт?

Не сразу я понял, что она имеет в виду. Потом дошло: Настя спрашивала, что эта хреновина вообще делает. Ну, блин... С чего бы начать... Поёт-то оно поёт. Но только нам от песен толку не будет.

Я набрал: «Рыцарь» и показал Насте новую порцию картинок. Она кивнула и ткнула пальцем в меня. Потом, пожав плечами, показала на себя. А потом вдруг вообще подошла к шкафу и открыла его.

– Тут! – сказала она, и в лицо мне полетела какая-то тряпка.

Я поймал её, развернул... Это был плащ. Самый настоящий плащ, без рукавов, как на тех же рыцарях!

– Моё? – переспросил я.

– Ты, – подтвердила Настя из шкафа. – Ты, ты, ты! – в меня полетела странная рубаха, странные штаны, странные сапоги. – Тут ты! – С грохотом из шкафа вывалился рыцарский доспех. Шлем откатился мне под ноги и посмотрел пустой смотровой щелью мне в глаза.

– Я?..

– Ты, – невозмутимо сказала Настя, появляясь из шкафа с бутылкой. – Я. – Она указала на доспехи, потом начала какую-то пантомиму. Присела на корточки, сделала вид, будто что-то поднимает, или открывает. Потом как будто взяла доспехи и затолкала их туда, накрыла сверху.

– Выглядит так, будто свои доспехи ты спрятала в канализационный люк, – заметил я. – Так что, мы – рыцари? Ты и я?

Настя только бутылкой махнула. Кажется, она чувствовала, что я её понимаю, и была этим крайне довольна.

Совместными усилиями затолкав доспехи обратно в шкаф, мы пошли-таки в кухню и пообедали. Настя не расставалась с бутылкой. Я дал ей стакан. Она его наполнила и подвинула мне. Я подвинул обратно. В ответ – вопросительный и чуть ли не обиженный взгляд.

– Мама, – сказал я. – Ма-ма. Скоро придёт.

– Ма-ма? – повторила Настя и пожала плечами. – Мама так мама.

Я аж вздрогнул, настолько по-русски это прозвучало.

Опасался я не зря. Лишь только опустели тарелки, в замочной скважине завожился ключ.

– Быстро! – Я вскочил, бросил тарелки в раковину и схватил Настю за руку. Вернее, попытался схватить. Там, где только что была её рука, оказался лишь воздух.

Настя стремительно и бесшумно переместилась к двери, подхватила свои туфли (блин, я бы и не вспомнил про них!) и скрылась в «просто комнате». Миг спустя оттуда вылетело белой птицей полотенце, а дверь захлопнулась. Я как раз в красивом прыжке поймал полотенце, когда отворилась входная дверь и в дом вошла мама.

– Ты чего это тут? – удивилась она, увидев меня, держащего на вытянутых руках полотенце.

– Э-м-м... Думал помыться, – пробормотал я. – И задумался.

– Хорошо, что задумался. Мне как раз директор школы звонил. Дима, расскажи, пожалуйста, что происходит, а?

Долгий это был вечер. Долгий и тяжёлый. Хорошо хоть Настя сидела у себя абсолютно беззвучно, а мама по-прежнему не замечала дверь в «просто комнату». Говорили о моей выходке на алгебре, о прогулянных уроках, о драке на перемене. «Бедный мальчик теперь с сотрясением мозга!». Тут я заржал.

– Что смешного? – грозно спросила мама.

– Так... Просто смешно, как быстро крутые парни превращаются в бедных мальчиков, стоит только получить разок по башке.

Сказал я это, не задумавшись, и только потом прикусил язык. Лучше бы раньше прикусил...

Как назло, отец вернулся с работы раньше обычного и, узнав, в чём дело, присоединился к разносу. В пылу прений мама заметила пятно на кухонном потолке...

Кончилось всё тем, что отец изъял у меня смартфон. Видимо, это было наказание. Хм... А ведь ещё вчера это действительно было бы наказанием. Сегодня уже как-то до фени. Ну забрал и забрал, радуйся.

В комнату к себе я заполз, как выжатый лимон. Интересно бы со стороны посмотреть, как ползает выжатый лимон... Несмотря на прогулянную школу и дневной сон, такой усталости не ощущал давно. Разделся, лёг в постель, закрыл глаза. Засыпая, прислушивался к звукам в квартире. Шаги, разговоры, шум воды в ванной... Наконец, всё стихло – родители улеглись.

Я уже спал, когда чуть слышный стук заставил меня распахнуть глаза.

Дверь я закрыл на задвижку, как делал практически каждую ночь, если не забывал. Сейчас было темно, но в окно светил фонарь, и в его неверном свете мне казалось, что дверь дрожит мелкой дрожью, и, вроде бы, задвижка отползает в сторону. Та-а-ак, здорово, теперь ещё и полтергейсты начнутся...

Дверь и вправду приоткрылась, но полтергейст тут был ни при чём. В комнату скользнула тень знакомых очертаний и беззвучно заперла за собой.

– Настя? – выдохнул я.

– Тс! – последовал категоричный ответ.

Она задержалась у двери. Я не сразу понял, что она делает, а когда понял, испугаться уже не успел. Настя очень быстро разделась и тенью скользнула ко мне под одеяло.

– Спать – нет, – прошептала она мне на ухо.

И когда наши губы слились в страстном, горячем поцелуе, когда я провёл рукой вдоль её гладкого обнажённого тела, которое прижималось ко мне, когда её ладони заскользили по моему телу, я понял: действительно, спать – нет. Просто не существует такого понятия. Это – миф.

Глава 9

Ran-ran punch mind, ran-ran-ran-ran ranchi maindo...

Звук был знакомым, однако шёл откуда-то издалека, как будто бы из другой комнаты. Ну... Значит, наверное, он не моя проблема, так? Почему, в конце концов, я должен постоянно вскакивать, куда-то бежать, с кем-то сражаться по первому свистку? У меня своя жизнь есть, и она меня полностью устраивает.

– М-м-м, – послышалось что-то недовольное, сонное, и я ощутил рядом с собой движение.

– Забей, Натсэ, – пробормотал я. – Ну их на фиг, пусть сами разбираются, мы на это не подписывались...

В следующий миг меня как подбросило. И не меня одного. Мы подскочили и сели на кровати, глядя друг на друга вытаращенными глазами. Только вот, похоже, причины для такого поведения были у нас разные.

Я внезапно вспомнил всё, что происходило этой ночью, и теперь, глядя на совершенно голую Натсэ, вновь и вновь понимал, что это – правда, а не бредовый сон.

Она что-то спросила. Так взволнованно, что мне сделалось стыдно, что я не понимаю. Казалось, после такой ночи я просто обязан понимать с полуслова всё, что она скажет, но... нет, увы. Я помотал головой. Натсэ помрачнела и забралась под простыню. Я, смутившись, тоже поспешил прикрыться. Той же самой простынёй. Таким образом от простыни толку вообще не получилось, мы как-то сразу оказались прижаты друг к другу.

– Натсэ? – переспросила она.

И тут до меня дошло, что я назвал её как-то не так, как-то странно. Не Настя, а – Натсэ.

– Так тебя зовут? – спросил я. – Ты – Натсэ?

– Я, да, – закивала она, не скрывая радостного волнения. – Ты! Тут. – Она постучала мне по голове пальцем и улыбнулась.

– Н-да, наверное, что-то вспоминается, – пробормотал я. – Только непонятно, что, как и почему.

Натсэ смотрела вопросительно. Я пожал плечом. Она задумалась, потом повторила мой жест и вдруг одним движением оказалась сверху, на мне.

– Думаешь, это способ?..

– Да, – ещё раз пожала она плечами.

Найти в себе силы возразить я не смог...

– Дима!!! – За дверью послышались громкие злые шаги мамы, а вместе с ними приближался истерический рингтон будильника. – Как этот сатанизм выключить, у меня сейчас голова взорвётся?!

– Свайпом вверх! – простонал я, потому что в этот момент Натсэ начала плавные движения, и я обнаружил, что полностью готов к продолжению начатого ночью.

– Что?! – заорала мама.

– Проведи пальцем по экрану снизу вверх!

– Я тебя не слышу!!!

– Так за каким чёртом ты принесла будильник с собой сюда?!

– Не слышу, открой дверь!

Дверь задёргалась.

– Не могу, со мной голая девушка, ей будет неудобно, – сказал я, понимая, что меня всё равно не услышат.

Просчитался. Как раз закончился рингтон, и мои слова пришлись на паузу.

– Очень смешно! – рявкнула мама. – А что не две сразу?

– Вот... не знаю. Как-то так получилось странно.

– Будильник как выключить, умник?

Рингтон вновь начал нарастать, в своём истинно японском безумии.

– Пальцем вверх по экрану!

– Так бы и сказал сразу! Вставай давай, семь часов.

Шаги удалились. Издав тихий стон, Натсэ прижалась ко мне. Тяжело дышала, вздрагивала всем телом.

– И ты полагаешь, будто бы это всё? – прошептал я ей на ухо. – Ввергла меня в пучины разврата, пока я разговаривал с мамой, и так легко отделалась?

Натсэ приподняла голову, посмотрела мне в глаза.

– М-м-м... Да?

– Нет, – сказал я. – И не надейся.

Она только негромко пискнула, когда я быстро повернулся, оказавшись сверху, и прижал её к постели.

– Тут... мама? – неуверенно сказала она.

– Тут – Натсэ, – возразил я.

Она улыбнулась:

– Мортегар...

– Наверное, да...

Из комнаты у меня получилось выйти, только когда мама уже обувалась. К этому моменту игнорировать её гневные вопли стало невозможно.

– Ты что, задумал школу прогулять? – спросила она. – Я тебе устрою «прогулять»! Чтоб сегодня же извинился перед учительницей!

– А ты разве не пойдёшь? – поинтересовался я.

– Не могу сегодня, у меня важная встреча, так что извинишься и за меня, и давай уже без глупостей, осталось-то пара недель всего, ты, кстати, решил, куда документы подавать будешь, надо уже сейчас решать, потому что...

Верная своей традиции, мама ушла, не договорив. Мне иногда казалось, что она и в одиночестве идя по улице, продолжает говорить. Может, в этом и кроется секрет всех тех бесчисленных раз, когда мама, возмущаясь, кричала на меня: «Ну я же тебе говорила!». Говорила мне, только вот меня-то рядом и не было.

В подъезде загудел лифт, и тут же меня обхватили сзади две руки, спиной я ощутил прикосновение обнажённой девичьей груди и судорожно вздохнул.

– Слушай... Нам надо что-то решить... Мне нужно в школу, и...

– Ш-ш-ш? – Натсэ легонько куснула меня в шею.

– А? – повернул я голову.

Натсэ указала пальцем на дверь ванной комнаты.

– Ш-ш-ш?

– Душ?

– М... Угу. Ш-ш-ш...

Почему-то у неё не получалось выговорить такое простое слово, как «душ». Хотя, что значит, «простое»? Для меня простое?

– Это приглашение? – поинтересовался я.

Натсэ потянула меня за руку. Это уже точно было приглашение.

...Мы стояли, тяжело дыша, под струями горячей воды и смотрели друг на друга. Идти искать часы мне не требовалось, и так было понятно, что в школу я окончательно и бесповоротно опоздал. А ещё было понятно, что не вся вода, льющаяся по лицу Натсэ, имеет водопр-

водное происхождение. Я закрыл краны и, как только шум воды стих, понял, что был прав. Натсэ плакала.

– В чём дело? Что случилось? – Я прижал её к себе и впервые ощутил некое сопротивление. Слабое, полубессознательное, но, тем не менее... Она от меня отгораживалась.

И я ощутил неприятный укол чувства вины. Больше ведь я ничего не вспомнил, только её имя. А там, в прошлом осталось гораздо больше.

– Прости, – шепнул я. – Я очень хочу вспомнить, но не знаю, как...

И тут погас свет. Сделалось темно.

– Как, – грустно вздохнула Натсэ.

– Вот именно: как. Я чувствую, что это – по-настоящему важно... И что школа в этом вообще ни разу не поможет.

Я отодвинул водонепроницаемую шторку, наугад потянулся за полотенцем в полумраке. Схватил, набросил Натсэ на голову. Она позволила мне её вытереть насухо, потом помогла вытереться мне.

– Идёт? – спросила она.

– Нет, никуда не пойдём. Пока, – сказал я. – Попробуем вспомнить.

Мы вернулись в мою комнату. Натсэ надела юбку и блузку, а я... Я открыл шкаф. «Ты, ты, ты», – говорила она вчера, бросаясь в меня одеждой. Что ж, если это – я, то настало время встретиться с собой лицом к лицу.

Я надел незнакомую рубаху, штаны, натянул кожаные сапоги, набросил плащ. Слева на подкладке обнаружил небольшой узор, вышитый белыми нитками. Поймав мой взгляд, Натсэ указала на узор пальцем и что-то сказала. Кажется, это слово я от неё уже слышал.

– А-вел-ла? – повторил я. – Это имя?

Натсэ кивнула, потом задумчиво посмотрела на мою правую руку и залезла в шкаф. Пока она там что-то искала, я достал из-под кровати меч. Руки сами прикрепили ножны к ремню, игнорируя молчащую память.

– Да! – воскликнула Натсэ, выбираясь из шкафа. – Ты.

Она держала на ладони золотое кольцо.

– Это...

– Да, – подтвердила Натсэ.

Схватила меня за правую руку и надела кольцо на безымянный палец:

– Авелла.

– Я что, женат? – Я, не веря глазам, смотрел на золотой ободок. – На Авелле?

Уверенный кивок в ответ.

– Но... Но что тогда мы с тобой делали тут всю ночь? И всё утро... – Я показал на смятую постель.

По выражению лица Натсэ мне показалось, что она вопрос поняла, но ответить на него будет ой как непросто.

Я – женат. Я! Это значит, что у меня есть жена. Семья. Ответственность. Как такое могло случиться? Эй, Боже, ты что там, уснул?!

Нет, ладно, я готов поверить, что нашлась какая-то одна на всю вселенную несчастная дурочка, которая с какого-то перепугу меня полюбила. Но если я правильно понимаю Натсэ, то таких дурочек как минимум две, и как минимум одна из них – сногшибательная красотка. А это уже чистый бред. Может, меня разыгрывают? Хотя, если учесть всё произошедшее вот в этой постели и в душе, то розыгрыш явно зашёл крайне далеко, и Натсэ, похоже, забыла, где надо было остановиться.

В прихожей я вновь замер перед зеркалом. Пока шёл, думал, что буду выглядеть нелепо, однако... Странное такое чувство, будто к моему лицу, к моей фигуре подходила вот именно эта одежда и никакая другая. Я как будто смотрел на собранный пазл и упивался удовлетво-

рённым перфекционизмом. А когда рядом встала Натсэ в своём облачении, перфекционизмометр зашкалил, и его стрелка стремительным домкратом умчалась в небеса.

– Блин, – сказал я. – Где нажать «принять»? Я готов!

Ответить Натсэ не успела. У меня за спиной вдруг раздался другой голос, тоже принадлежащий какой-то девчонке...

– Вы все думаете, что это нормально. Вы привыкли. Вы лезете в кладовые природы, как в свой холодильник в три часа ночи, просто потому, что вам так захотелось. Но если холодильник в три часа ночи делает хуже только вам, то истощённая природа убивает всех. Вас, ваших детей, внуков. Вы не сможете украсть побольше и сбежать в другую страну, потому что другой страны не существует! Мы все живём на одном земном шаре. И вы, и я, и богачи, распивающие дорогие вина в шикарных лимузинах по дороге в свои роскошные дворцы, и умирающие от туберкулёза голодные дети. Нам некуда деться друг от друга!

Включился телевизор. Просто – телевизор в общей комнате. Я заставил себя убрать меч в ножны. Натсэ с этим не торопилась. Она на цыпочках приблизилась к телевизору, всматриваясь в грубоватое лицо неизвестной девчонки, которая продолжала гневно выкрикивать в невидимые лица обвинения:

– Я могла бы назвать вас силами зла, но у меня хватает ума, чтобы понять: это не так. Вы просто глупые. Потому что умный человек не будет рубить сук, на котором сидит. Вы живёте в надежде на то, что «как-нибудь пронесёт», что природа сама найдёт какой-нибудь выход. Вы слышали про червей, которые питаются пластиком, и пляшете на радостях, как дикари, которые долго били в бубен, и вдруг пошёл дождь. Надеетесь, что однажды природа решит и все остальные наши проблемы. Сама. Так, чтобы нам не пришлось. Так вот: она не решит. И сегодня, своим бездействием, вы... Вы нас подводите. Но молодежь начинает понимать, что вы ее предаете. На вас смотрят все будущие поколения. И если вы осознанно нас предадите, вот что я вам скажу: мы вас никогда не простим. Мы не позволим вам безнаказанно так поступить. Здесь и сейчас мы подводим черту. Мир пробуждается. И перемены грядут, нравится вам это, или нет.

Кончиком меча Натсэ легонько постучала по экрану и только после этого расслабилась. Уселась перед телеком, с любопытством глядя на непонятную девчонку.

– Блин, да что такое с электричеством творится! – Я взял с дивана пульт, переключил канал. Натсэ вздрогнула, когда одна картинка резко сменилась другой. Вздрогнул и я, потому что экран показал огонь.

Что-то, напоминающее киношный ад: просто огонь, и ничего больше. А потом посреди экрана появилась ещё одна девчонка. Этой было лет двенадцать, и в её лице мне чудилось что-то смутно знакомое. Пожалуй... Да! Мгновение я видел её лицо во вчерашней огненной вспышке на кухне.

– Дима, – сказала она, глядя мне в глаза. – Я не могу дольше. Пожалуйста, выслушай меня сейчас, моё время на исходе.

Я буквально упал рядом с Натсэ. Мы, как подростки в прошлом веке, раскрыв рты таращились в телевизор, будто ждали от него невероятных откровений. Что ж... Наверное, вправду ждали. Лично со мной телевизор заговорил впервые в жизни. С Натсэ тоже, учитывая то, что она, кажется, вообще телевизор впервые увидела. Так что факт интерактивности её, наверное, не удивил вовсе. Решила, что так оно у телевизоров и заведено: общаться со зрителями.

– Я слушаю, – сказал я.

– Я тебя не слышу, – обрадовала меня девчонка. – Оно и к лучшему, ты не собьёшь меня с толку своими глупостями. Просто слушай. Я – твоя сестра, меня звали Настей, и я жила в той комнате, которую ты, наверное, нашёл в этом доме. Однажды, когда я была дома

одна, случилось что-то непонятное. В пространстве будто образовалась дыра, а из неё хлынуло пламя. Странное пламя. Оно убило меня моментально, это я поняла, но больше оно не сделало ничего. Всю квартиру затопило огнём, но исчезла из неё только я. Меня выжгло из этого мира. А вслед за тем выжгло и тебя, когда ты побежал за мной. Этот огонь мало что мог здесь. Он был... слишком магическим для нашего мира. Вот что я понимаю теперь, потому что у меня есть не только мои знания.

С этими словами она изменилась. Теперь на меня смотрела рыжеволосая девушка лет двадцати, если не старше. И её лицо я тоже видел в огне над плитой.

– Талли, – прошептала Натсэ.

– Спасибо за то, что подарил мне ещё несколько месяцев жизни, – сказала девушка более грубым, но всё же приятным голосом. – Пусть я до самого конца толком не понимала, кто я, но жить всё же было куда приятнее, чем не жить. Но хватит обо мне. Я – мертва, судьбу нельзя обманывать вечно. И Огонь вот-вот пожрёт мою личность, мне нечем будет разговаривать с тобой.

Будто подтверждая её слова, по лицу скользнули языки пламени, но Талли только поморщилась.

– Если веришь в то, что телевизор говорит с тобой, то поверь и в то, что мы с тобой долго жили в другом мире, не таком, как наш. Там существует магия Стихий. Всё закончилось, когда пленённый Огонь вырвался на свободу.

Я вспомнил алое небо и огненного дракона. Сотни рыцарей, безмолвно глядящих в небо.

– Он убил меня, когда я отказалась носить его в мире, но некоторых законов ему не изменить: моя душа всё ещё горит, хотя скоро она утратит...

Ещё один сполох скользнул по лицу, и Талли заторопилась:

– Он хотел убить тебя, но не смог, не знаю, почему. Тогда он просто вышвырнул тебя из того мира, забрал практически всё, что ты обрёл там. Память, магическое сознание – всё. Но я-то к тому времени уже была туточки! – Её лицо сделалось озорным, хитрым. – И я всё поймала. Он-то не мог этим обладать, он только поглотил. А я – часть его, и... В общем, не заморачивайся, всё сложно. В любом случае, скоро это всё уничтожит Огонь. Или уничтожит меня, и тогда некому будет отдать... Дима, если ты готов вспомнить и вернуться – это последнее, что я могу. Нужно торопиться. Кажется, время в обоих мирах течёт очень по-разному, оно то замирает, то бежит... Поддай знак. Я подожду минуту. Если готов – просто зажги огонь. Я пыталась дважды, но ты оба раза убил меня[1]. Пожалуйста, зажги огонь сам, чтобы я знала, куда идти! Н-н-не убивай меня больше! Это так... Так больно...

Она заплакала. Натсэ с недоумением посмотрела на меня, потом принялась тормошить, что-то спрашивая. Она-то не поняла ни слова.

– Огонь... – прошептал я. – Сейчас, да...

Я бросился в кухню, открыл газ сразу на двух конфорках, вдавил кнопку. Вхолостую сверкнули несколько электрических искорок, и вот – два огненных столба выросли над плитой, оба – до самого потолка. Я подавил рефлекс, которые призывали меня перекрыть газ, и для верности вообще вышел из кухни.

Натсэ встала рядом со мной, я нашёл её руку. Мы, словно безумцы, смотрели, не двигаясь, как огонь перекидывается на потолок, ползёт по нему, начинает облизывать стены, занавески.

– Если нас спасут, – сказал я, следя за стремительно распространяющимся пожаром, – то вряд ли определят в одну палату. Кажется, психов разного пола содержат отдельно...

Вдруг ключ повернулся в замке входной двери. Я оглянулся.

– Дима? Я сумку забыла, а ты почему ещё...

Мама, не договорив, закричала. Бросилась обратно в подъезд, потом – ко мне.

– Нет! – рывкнул я на неё так, что сам испугался. – Не лезь в это!

Мама остановилась, будто наткнувшись на стену. Глаза широко открыты, в них – ужас пополам с недоумением. Что творится?! Она протянула ко мне руки.

Я отвернулся. В огне мне чудилась женская фигура. Она тоже протянула ко мне руки. В её огненных ладонях что-то вспыхивало и сверкало.

– Дима! – закричала мама. – Бежим отсюда!

– Мортегар, – пророкотало пламя.

Стиснув зубы и крепче сжав ладонь Натсэ, я шагнул вперёд. Руки огненной фигуры поднялись мне навстречу, и то, сверкающее, влетело мне в голову ослепительной вспышкой боли.

Я кричал. В голове что-то рвалось, трещало, менялось, кровь хлестала из глаз и ушей, из носа. Стремительным хороводом пронеслась череда картинок-воспоминаний, которые у меня подло украл Мелаирим...

– Спасибо тебе за всё, братик, – услышал я последние слова Талли. – Надеюсь, я хоть немного смогла тебе отплатить...

Огонь раздался в стороны, и в нём я увидел щель, пролом в никуда. Я прыгнул туда, увлекая Натсэ за собой, и в этот раз не выпустил её руки до самого конца пути через вечность.

Мы рухнули на белый мраморный пол. Я закашлялся, плюясь кровью на эту ослепительную белизну.

– Мо-о-орт? – простонала Натсэ. – Ты вспомнил?

– Да, – выплюнул я ещё один сгусток крови. – Блин... Да!

– Хвала всем Стихиям, вместе взятым!

Было тихо. Такую тишину может создать только множество людей, одновременно молчащих в одном месте. Я поднял голову и увидел их всех. Маги Воздуха, Земли, Воды. Они собрались сюда, чтобы смотреть какое-то представление, но, похоже, не наше триумфальное появление. А что же...

В десяти шагах от нас, перед белой статуей, стояли трое. Авелла, Зован – в свадебных костюмах – и служитель из клана Воздуха. Все трое, раскрыв рты, смотрели на нас.

– Офигеть, – сказала Натсэ. – Белянка, тебя на минуту одну нельзя оставить. Стоило отлучиться – и она уже выходит замуж за брата! А чего не за отца? Я испытываю муки ревности, между прочим!

– Наверное, у неё есть какое-то разумное объяснение, – простонал я, и меня вырвало целым литром крови.

Прежде чем, по давней традиции, упасть без чувств, я увидел и услышал, как Авелла, издав оглушительный восторженный визг, расшвыряла по сторонам букет белых цветов, подпрыгнула и сделала в воздухе двойное сальто, прямо в своём пышном свадебном платье. А ещё... А ещё Зован мне улыбнулся. А служитель гневно захлопнул свою книгу. Вовремя мы вернулись...

[1] *Я пыталась дважды, но ты оба раза убил меня* – Настя/Талли имеет в виду две её попытки явиться Мортегару. Первая попытка – ноутбук, который загорелся, но Морт залил его водой в ванне. Вторая попытка – вспышка огня в кухне, которую он погасил. Для Талли это были отчаянные попытки прорваться в наш мир, она потратила на них множество сил, и в третий раз рисковать не хотела, потому что сил у неё оставалось лишь на одну попытку. *Прим. авт.*

Глава 10

– Слушай, у него было кровохаркание. Тебе правда обязательно лежать у него на груди? Я понимаю, ты лёгкая, и всё такое...

– Обязательно! Я слушаю его сердце.

– О, это мило. Ладно. Но мою руку ты можешь отпустить хотя бы ненадолго? Я не исчезну.

– Не могу!

– Прекрасно. А если я, к примеру, хочу сходить в комнату с удобствами?

– Пошли.

– Белянка! Хватит сходить с ума!

– Полгода, Натсэ! Полгода! Ты, со своим предупреждением, опоздала месяцев на шесть.

Приходя в себя, я слушал перебранку Натсэ и Авеллы, чувствовал у себя на груди лёгкую тяжесть и не хотел шевелиться. Казалось, открою глаза и опять увижу другой мир, а этот окажется сном. Я понимал Авеллу. Я тоже изо всех сил цеплялся за голоса, боясь потерять эту ниточку навсегда.

В груди болело, голова трещала, хотелось пить. И все эти чувства тоже будто привязывали меня к миру, поэтому и с ними я не мечтал поскорее расстаться.

– Какой он? Его мир? – спросила Авелла.

– Лучше тебе не знать. Серьёзно.

– Ну расскажи...

– Ну... Там совершенно нет магии. Разговоры на расстоянии, водопровод – всё это есть, но они как-то сделали это по-другому, как-то... примитивно. Ещё у них нет лошадей, и они сделали кареты, которые ездят сами по себе. При этом гудят, воняют и выглядят по-дурацки. И их настолько много, что на дорогах ставят такие специальные светящиеся штуки, которые показывают, когда каретам нужно остановиться, а людям – идти. Иначе ты через дорогу просто не перейдёшь!

– Интересно...

– Люди на улице ведут себя так, будто им не могут в любую секунду воткнуть нож в спину.

– Как Мортегар?

– Да, примерно как Мортегар. И людей там много, очень много. Я шла по городу несколько часов и только своими глазами увидела как минимум население Сезана, а это была только крохотная часть города. Огромные дома, в каждом столько жильцов, сколько на двух-трёх больших улицах.

– Невероятно!

– Еда – дрянь. Вонь... Вообще, там воздуха нет.

– Как?! – Авелла, судя по ощущениям, даже приподнялась с моей груди.

– Знать не знаю, как они называют то, чем дышат, но это совершенно точно не воздух.

Удивляюсь, как я кровью кашлять не начала.

– Да ладно, – тихо и хрипло произнёс я, открывая глаза. – Это Красноярск, ты просто не в теме.

Помещение, в котором я лежал, было незнакомым. Но, по обилию белого цвета и отсутствию мебели я догадался, что это, видимо, медпункт.

Авелла, увидев, что я проснулся, снова упала мне на грудь и заревела, как ребёнок. Натсэ улыбнулась. Она сидела рядом, на краешке довольно широкой кровати, и Авелла всё ещё держала её за руку.

– Ну как? Жить будешь? – спросила Натсэ.

– Надо начинать, – улыбнулся я ей в ответ и погладил белокурую голову, вздрагивающую у меня на груди. – Полгода?

– Угу, – кивнула Натсэ. – Сама едва поверила. Проклятье, Морт, какого Огня ты столько времени тупил?! Ну... Ну как можно было меня забыть вообще? Я даже постаралась одеться так, чтобы ты точно вспомнил. А ты... Балда! – Она шлёпнула меня рукой по лбу.

– Зато, – возразил я, – ты была моей второй первой.

Щёки Натсэ слегка порозовели.

– Не начинай!

– Нет, ты себе не представляешь, что это такое – сохранить в памяти сразу два первых раза, и оба – с тобой.

– Что? – Авелла подняла голову и посмотрела на меня заплаканными глазами. – Вы... Вы чем там занимались, пока я тут места себе не находила?!

– Ой, кто бы говорил! – Натсэ перескочила от смущения к нападению. – Сама вообще чуть замуж не выскочила.

– У меня не было выбора! Это всё было ради того, чтобы сохранить клан и не подвести Мортегара!

– Да-да, – скривилась Натсэ. – Знаешь, после той истории с Боргентой ты иногда рассуждаешь, как некоторые мужчины: «Я переспал с твоей подругой, потому что люблю тебя, это ради нашего же блага, дорогая!».

– Натсэ, ты – злая! – Авелла подскочила, сверкая голубыми глазами. – Как ты можешь такое говорить? Да ты вообще представляешь, что мне тут пришлось... Ты – дура! – выпалила она.

Мне сделалось не по себе, а Натсэ только усмехнулась:

– Но ты всё равно продолжаешь держать меня за руку?

Это было правдой. Они держались за руки над моим бранным телом. Выглядело немного комично, будто девушки заключают пари.

– Да, держу, потому что хоть ты злая и дура, но я всё равно тебя люблю и никуда не отпущу. Лучше унижай меня, будучи рядом, чем убивай своим отсутствием.

Усмешка исчезла с лица Натсэ. Она дёрнула Авеллу к себе.

– Прекрати так обо мне думать, слышишь? Я не собиралась тебя унижать. Сама ты дура. Извини, я... не знала, что всё настолько плохо.

Авелла ощутимо расслабилась, особенно когда Натсэ чмокнула её в щёку. Кажется, мир был восстановлен. Я, морщась от боли, сел на койке, потёр глаза. Вроде бы встать смогу. А потом – идти. Дел, чувствую, будет неуправляемо, так что идти – надо.

– Расскажи, что тут творилось, – попросил я Авеллу. – Где мы, что вообще происходит. Глубоко вдохнув, Авелла принялась рассказывать.

Пока она говорила, я встал, оделся и снова сел на кровать. Голова ещё немного кружилась и не только от последствий перемещения между мирами. То, что рассказывала Авелла, звучало по-настоящему жутко. Ощущение было такое... Как будто смотришь долгожданное продолжение любимого фильма и видишь, что герои изменились, прошлые победы забыты, а в привычном мире царит страшноватая атмосфера безысходности.

– Если бы не Зован и Лореотис – не знаю, как бы я выдержала, – закончила рассказ Авелла. – В общем... кажется, я оказалась худшей главой клана за всю мировую историю.

Натсэ приобняла её за плечи. А я сказал:

– Нет уж. Худшим главой клана оказался я.

– Нет, – запротестовала Авелла. – Ты ведь ничего не сделал, а я...

– В том-то и беда. Я вообще ничего не сделал. Магическое сознание предупреждало меня, что клану Огня лучше покинуть мир, а я не придавал этому значения. Думал, что вот-вот всё решу...

– Покинуть мир? – переспросила Натсэ. – И что? Ты бы перетащил нас всех в твой мир? А дальше?

Я прикусил язык. Действительно. А дальше? У меня, в отличие от Мелаирима, в родном мире не было подземного убежища, и уж тем более не было никаких социальных подвязок, чтобы более-менее органично вписать в Красноярские реалии такую колоритную толпу попанданцев.

– А все остальные? – подхватила Авелла. – Те, у кого нет печатей Огня? Нет, Мортегар. Это – наш мир, и мы должны его как-то отстоять. Ты... Мы ведь собираемся бороться, правда?

– Ещё как, – подтвердил я и увидел облегчение в её глазах. – Более того: мы собираемся победить. Осталось только разобраться, кто «мы» и кого «победить».

Быстро выбраться из лечебницы не получилось. Сначала Авелла потащила нас в соседнюю палату, где я надолго утратил дар речи. Собственно, я даже поздороваться не смог сразу, а когда почувствовал в себе такие силы, здороваться было уже как-то глупо. Натсэ уже сидела на кровати рядом с исхудавшей до неимоверности Боргентой и, улыбаясь, щекотала подбородок крохотному запеленатому созданию, которое довольно агукало и тянуло ручки.

– Первенец нашего клана, – сказала Натсэ. – Морт, ты рад?

– Ну... да-а-а, – протянул я. – Но как-то это всё...

Боргента тоже выглядела смущённой. И Авелла, краснея, переминалась с ноги на ногу.

– Какой клан, такие и дети, – с усмешкой заявила Натсэ. – Поддержать хочешь?

Я заставил себя сделать шаг вперёд, сел на кровать. Взял из рук Натсэ крохотный свёрток...

– Сколько ему? – спросила Натсэ.

– Два дня, – ответила Боргента.

– Два дня? И уже концентрирует взгляд?

– Тебя только это удивляет? Он родился через шесть месяцев с небольшим после... ну...

– Н-да... Ну, какой клан – такие и дети, говорю же.

Откашлялась Авелла:

– Ты знаешь, как правильно должен расти ребёнок, Натсэ?..

– Меня учили забирать жизнь, Авелла. Прежде чем что-то забрать, нужно хоть немного в этом научиться понимать.

– У меня мороз по коже, когда ты так говоришь, – пожаловалась Боргента.

– Не обращай внимания. Я не виновата, что меня воспитали так, как воспитали, но и изменить прошлого не могу.

Голоса долетали до меня словно из соседней комнаты. Я смотрел в глаза маленькой девочки и видел свои глаза. Сердце работало как-то странно, с перебоями. Моя дочь... Ну ладно, почти моя. Скажем, на треть. И всё же, каким-то непостижимым образом – моя.

Малышка улыбнулась, и мне почудилось, будто в глубине её карих глаз вспыхнули искры огня.

– Ладно вам, – сказала Натсэ. – Я росла без родителей, с одним человеком, который дрессировал меня, как собаку. И всё равно не могу пожаловаться на судьбу. А у этой крохи недостатка в любящих родителях не будет. При этом – как минимум одна абсолютно нормальная мама, а это дорогого стоит. – Она легко хлопнула по плечу Боргенту.

– Думаешь, всё будет хорошо? – с сомнением спросила та.

– Нет, не думаю о таких вещах. Бесполезные мысли. Просто знаю, что будем стараться. Клан ведь своих не бросает. По крайней мере, наш.

– Вот кстати насчёт клана, – сказал я, возвращая ребёнка Боргенте. – Я должен кое-что сказать. Из того мира мы ушли как-то в спешке... И... В общем, у нас нет печатей Огня.

Заявление встретили молчанием. Потом Авелла задумчиво сказала:

– Ну... при очень большом желании их можно сделать. Это займёт много времени, но, если надо...

Я кивнул. Потом вздохнул:

– И ещё. Сундук с деньгами остался там же. Так что, боюсь, клановая казна пуста.

Опять помолчали. Вдруг засмеялась Натсэ:

– Что ж, какой клан – такая и казна. Не расстраивайся, переживём! Вот, например, такой момент. Белянка. Тебя ведь до замужества не изгоняли из рода Кенса?

– Нет! – воскликнула Авелла.

– Отлично. Морт, скажи мне честно: ты приданное видел?

– Чего? – посмотрел я на неё с удивлением.

– Великолепно! Господин Тарлинис тактично промолчал, надеясь, что пронесёт. Ну так вот: погляди в голубые глазки своей благоверной. Сообщаю невероятную новость: по кодексу чести высших родов за этой красавицей должна идти десятая часть родовых владений. Это как минимум дом с полным штатом прислуги, деревенька, платящая налоги, ну и, так, навскидку, не меньше тысячи золотых круглешков. Кто хочет посмотреть, как Тарлиниса корчит от зло-сти?

А ведь я помнил, как Тарлинис голосил, что не предоставит нам с Авеллой никакого жилья. Это он так просто психовал, или намекал, что собирается изгнать дочь из рода?..

Не найдя подходящих случаю слов, я посмотрел на Авеллу. У неё отвисла челюсть. Похоже, в плане хозяйственности и житейской смекалки мы с ней недалеко друг от друга ушли. Но ведь когда мы поженились, впечатление было вообще такое, будто мы разрушили всё, что было до нас, и вступили в пустоту. Даже и мыслей не было, будто старая жизнь нам что-то должна: как говорится, живыми ушли, и ладно.

– Что б вы без меня делали, – покачала головой Натсэ.

– Я... я никогда не смогу подойти к отцу с этим разговором, – сказала Авелла.

– И не подходи. Я подойду. Только мне бы должность подходящую... Морт, назначь меня клановым казначеем?

– Ну... назначайся, – разрешил я.

И тут проснулось магическое сознание:

Новое назначение: клановый казначей – Натсэ Леййан

Структура клана Огня:

Мортегар Леййан – глава клана

Авелла Леййан – первый голос

Натсэ Леййан – второй голос, клановый казначей

Доступны другие должности (нажмите, чтобы прочитать)

Доступно создание Орденов:

Орден Рыцарей

Орден Менторов

Орден Лекарей

Для создания Ордена назначьте главу Ордена. Соответствующая ветвь заклинаний будет разблокирована.

– Ура, – деловито обрадовалась Натсэ. – В свободное время я приведу наш великолепный клан к достатку и процветанию!

После Боргенты зашли в палату, где лежала Тавреси. Она, собственно, уже не лежала, а ходила, покачивая на руках сына. Ребёнок был совершенно нормальный, крохотный, туго

запеленатый и хаотично вращал смешными чёрными глазёнками. Натсэ сообщила, что вот именно так и должен выглядеть новорожденный, которому всего два дня исполнилось.

Ямос сидел в той же палате. Все десять минут, что мы там находились, он не сводил с меня фанатичного взгляда, а когда мы уходили, сказал:

– Морт, я думал, что круче, чем ты, быть уже невозможно... но ты смог! Глава клана Огня! Другой мир! С ума сойти.

– Я оттуда родом, кстати. Не знал? – ляпнул я, не подумав.

Показалось, будто у Ямоса случился инсульт – настолько сложно перекошилось его лицо.

– Маг Пятой Стихии, – добавила Натсэ. – А ещё он умеет в полнолуние превращаться в ламантина.

– Не умею! – возмутился я.

– А ты пробовал? – невинно хлопала глазами Натсэ.

Подкалывать Ямоса ей, кажется, нравилось. Так мы его и оставили – с раскрытым ртом, впитывать новые сведения.

– Хороший парень, – заметила Натсэ, когда мы шли по коридору к выходу. – Авелла, он на тебя слюни не пускал, пока нас не было?

– Нет, – буркнула Авелла. – Но он очень хорошо помогал. Они с Тавреси готовили.

– Чего он постоянно так мной восхищается? – пожаловался я. – Звучит, как издевательство...

– Потому что у тебя низкая самооценка, – сообщила Натсэ, толкнув дверь. – Но если ты вдруг решишься посмотреть на вещи трезвым взглядом, то очень удивишься, увидев, что за полгода превратился из безродного ничтожества в рыцаря, одного из сильнейших и влиятельнейших магов, героя двух масштабных сражений, победителя двух Орденов Убийц и мужа двух самых прекрасных девушек в мире. И при этом тебе сколько лет? Восемнадцать?

Хорошо хоть Натсэ низкой самооценкой не страдала. Нет, правда, без сарказма – хорошо. С тех пор, как Талли сняла с неё рабский ошейник, её вера в себя (а до кучи – в меня и Авеллу) выросла многократно. Будь такая должность, я бы не задумываясь назначил Натсэ – Самооценкой нашего клана. А ведь помнится, когда мы с ней жили во владениях Логоамара, она искренне считала, что я её брошу, и впадала в депрессию по этому поводу.

Солнечный свет больно ударил по глазам, я остановился на пороге. Не сразу приморгался, но раньше, чем разглядел, что за фигура ко мне приближается, услышал знакомый голос:

– Вот он, мой малыш! Ну, дай-ка я тебя обниму для начала. С возвращением, гадёныш мелкий!

– Тоже рад тебя видеть, Лореотис, – просипел я, когда он стиснул меня в объятиях. – Авелла говорит, без тебя ей пришлось бы тяжело.

– Это ей без *тебя* тяжело пришлось. Её чуть за меня замуж не выдали, между прочим.

– Чего? – удивился я.

Это уже было вообще за гранью. Что они тут за реалити-шоу устроили «Выдать замуж Авеллу»?! Как бы Авелла ни защищала свою мать, утверждая, что та действовала в общих интересах, у меня, однако, накопилась для неё пара ласковых слов.

– Дело прошлое, – махнул рукой Лореотис. – Тебя там главы на совет зовут. Мелкая проводит. Но сначала нужно кое-что сделать. Пойми правильно: я бы сделал сам, но ты всё же глава моего клана, и это неправильно с точки зрения субординации.

– Что сделать? – не понимал я. – И за что?..

– Объяснить тебе, что нехорошо это – уходить до конца попойки и бросать жену в трудной ситуации. Говорю, я бы сам, но вот встретил паренька, который прямо создан для этой работы. Давай, парень, а я пока с Убивашкой поздороваюсь.

Лореотис шагнул к Натсэ, и за его спиной я увидел старого знакомого.

– Вукт! – обрадовался я.

– Сэр Мортегар! – обрадовался он. – Я по-быстрому, ну ты помнишь!

Не успел я глазом моргнуть, как его кулак врезался мне под дых. Я согнулся пополам, ловя ртом воздух.

– Ну как? – участливо спросил Вукт, положив руку мне на плечо. – Хорошо пошло?

– Отлично, – выдавил из себя я. – Не то, что эти недоделки в моей бывшей школе...

– А это вообще нормально? – с сомнением спросила Авелла.

– Конечно, – отозвалась Натсэ. – Это у них такой «бизнес». Сама толком сути не понимаю, но в итоге, кажется, все довольны.

Глава 11

Второй раз я оказался на Летающем Материке, и теперь всё тут было иначе. Ну, для начала, я уже не был скован дворцом Искара, его вообще даже на горизонте не было видно. Получилось немного прогуляться. Авелла с удовольствием устроила нам мини-экскурсию.

– Хотя тебя ведь на совет ждут, – замерла она в нерешительности, когда мы выходили с больничного двора.

– Подождут, – спокойно ответил я.

– Уверен?

– Абсолютно. Нужно сразу предельно чётко разъяснить, кто кого ждёт, и кто кому больше нужен. Если мы собираемся прятаться на Материке, то во мне вообще нет никакого смысла. Лично я собираюсь отбить мир, но не всем это понравится.

Натсэ взяла меня под левую руку, Авелла – под правую.

– Так они мне и говорили, – тихо сказала Авелла. – Что ты, если вернёшься, будешь бесполезен...

– И ты расстроилась? – усмехнулся я. – Да я с рождения бесполезен! Максимум, что могу принести – это вред. И вот тут главное определить, кому этот вред лучше нести.

Я немного покривил душой. Пользу я тоже мог принести, будучи довольно сильным магом. Только вот я ещё не решился проверить, маг ли я. Слишком живы были воспоминания о том, как пламя Мелаирима вырвало из моей души всё...

Наличие магического сознания давало некоторую надежду. Если оно есть, то, по идее, должна быть и магия.

В общем, чувствовал я себя так, будто во сне летал, а потом проснулся и не хочу проверять, могу ли на самом деле. Хотелось оставить хоть ненадолго воспоминания и веру в то, что – могу.

Если бы никто мне не сказал, я бы и не догадался, что нахожусь не на земле. Потому что я, хоть убейся, находился на земле, шёл по ней ногами. Над головой было небо, правда, необычно насыщенного цвета. И солнце светило очень уж ярко.

– Мы на такой высоте, что облака находятся под нами, – сообщила Авелла. – Это обычная высота для Материка, так его легче удерживать. Чем выше, тем легче.

– А если подняться ещё выше? – заинтересовался я. – Совсем-совсем высоко?

Авелла покачала головой:

– Ещё немного, и магическое сознание покажет предупреждение. Там находится граница мира.

– Граница мира? – Я остановился. – Это как?

– Ну... Говорят, давным-давно маги Воздуха пытались подниматься выше и выше. И в какой-то момент магия их просто покидала. Они начинали падать, задыхаться... Да попросту замерзали. Тогда вычислили и провели границу. Считается, что это – граница нашего мира, за ней нет ни магии, ни жизни.

Очень интересно. Получается, маги всё же столкнулись с такой штукой, как космос, и, за неимением лучшего, поставили на него штамп: «опасная зона, не входить». Просто провели границу. И там, за этой границей, получается, высасывается магия? А может быть, просто там заканчивается власть Стихий. Нет воздуха, и магу нечем управлять. Соответственно, начинается удушье. Паника, потеря сознания. Потом он падает, и, наверное, просто не может включить снова магическую защиту. Страшноватая смерть...

– Вот примерно так же – и в том дурацком мире, – сообщила тем временем Натсэ.

Я завертел головой, пытаюсь понять, о чём она. Понял быстро: народу вокруг было – тьма. Тьмущая тьма. Даже в Красноярске я такого не видел, ну, разве что на праздниках, там, или на

распродажах в торговых центрах. Чёрные, белые, синие-зелёные плащи держались кучками, старались не смешиваться. Белых плащей, как ни странно, было вовсе не большинство. Большинство составляли чёрные, с уймой оттенков: серые, коричневые...

– На самом деле я не завидую маме, – сказала Авелла. – Вы бы знали, сколько было скандалов насчёт жилья... Места на Материке не так много, сразу стало ясно, что строить дома не получится. Маги Земли принялись их создавать буквально где хотели. Первые месяцы тут такое творилось... Доходило даже до стычек. Но теперь всё уладили, выделили жилые зоны. Ещё пришлось поднять пару деревень, практически полностью. Насколько я знаю, сейчас Материк должен быть полностью самообеспечиваемым.

– Да уж, – только и сказал я.

– А поесть-то тут где-нибудь можно? – спросила Натсэ.

– Ну... Пока да.

Авелла увела нас довольно далеко от больницы. Видно было, что на Материке она ориентируется прекраснейшим образом. Должно быть, всё детство тут носилась. Вместе с Денсаоли.

– Кстати, как там Денсаоли-Мекиарис? – спросил я, когда мы уселись за свободный столик в заведении, которое было подписано как «Кондитерская».

– Скорее как Мекиарис, – пожала плечами Авелла. – И это скорее радует... Они теперь, наверное, поженятся с Асзаром.

– Теперь? – переспросила Натсэ.

– М-м-м... да, теперь. Видишь ли, им не давали разрешения, потому что предоставляли мне выбор, за кого выйти замуж: за Асзара, или Лореотиса. Но теперь муж у меня есть, и смысла отказывать нет.

– Безумие, – покачала головой Натсэ. – А зачем мы пришли в кондитерскую?

– Тут и бутерброды подают.

– А пиво?

– Нет. Пиво сейчас не подают нигде. Сама видела, что в городе творится. Если ещё будут буяннить пьяные...

– Ясно, – усмехнулся я. – У магов Воды начался золотой век?

– Почему? – не поняла Авелла.

– Ну, подумай. Спиртное нигде не продают, а маги Воды могут обращать воду в вино, буквально. То-то у Вукта такая счастливая рожа была...

Когда до Авеллы дошло, она сначала побледнела, вскочила, чтобы немедленно куда-то бежать и что-то делать. Потом вдруг упала обратно на стул и засмеялась:

– Ну... Похоже, это и маме в голову не приходило.

– Белянка мудреет на глазах! – провозгласила Натсэ. – Не можешь победить – забей. Хотя совсем я бы не забивала. Морт, ты как смотришь на то, чтобы вычислить основных игроков и пообещать им защиту от имени клана Огня за умеренную плату? Защищать мы их, конечно, не будем, но пока они в этом разберутся, казну успеем очень хорошо пополнить.

Я смотрел на такое действие неоднозначно, однако изложить свои соображения не успел – подошла официантка принять заказ. Что меня поразило, девушка явно была магом Воздуха и при том работала в кондитерской на такой простецкой должности. Что меня поразило ещё больше – при её появлении мы встали и поклонились, а она поклонилась в ответ.

– Чего вам угодно, дорогие гости? – улыбаясь, спросила девушка. – Мы как раз закончили печь булки с корицей.

– Давайте, три штуки, – решила за всех Авелла. – И ещё бутерброды, мы хотим есть. И можно пирожных. И чай.

– Всё поняла. Прошу подождать несколько минут.

Поклонившись, девушка удалилась. Мы сели.

– А тут что, везде маги? – спросил я.

– На Материке? – переспросила Авелла. – До недавних пор было так. Тут не как на земле, понимаешь... Маги занимаются тем, чем им нравится, и проявляют уважение друг к другу.

– Этой девушке нравится работать официанткой?

– Она – хозяйка кондитерской, вообще-то. И – да, ей нравится самой ставить на стол угощения, которыми она гордится.

– С непривычки тяжело, – сказала Натсэ, понимая, глядя на меня. – Никто тебе ничем не обязан, даже если у тебя есть деньги. Не понравился – запросто могут послать. Когда я училась в Атрэме, однажды попыталась купить в одной лавчонке бутылку вина. У меня перед носом захлопнули дверь. А когда я накричала глупостей, меня просто за ухо оттащили в академию. Так я, собственно говоря, впервые осталась с Искарком наедине. Ну да, ладно, весь этот бред с бутылкой – это было специально. Конечно, я знала, какие нравы на Материке.

Натсэ говорила не то чтобы с ностальгией, но с лёгкой задумчивостью, как будто отстранённо вспоминала события прошлой жизни.

– Ты училась в Атрэме? – изумилась Авелла. – Я думала, та твоя форма – это было просто... Ну, просто.

– Я провела тут один семестр. И то не полностью.

– Расскажешь?

– Ну, может быть. Однажды.

Вернулась хозяйка кондитерской, ловко неся два подноса. Мы вновь встали и стояли, пока она ставила на стол блюда с пирожными и бутербродами, дымящийся чайник и белые фарфоровые чашки.

– Я правильно вас поняла? – спросила она с улыбкой, прижимая к груди подносы.

– Да, вы всё поняли правильно, – кивнула Авелла, отзеркаливая её улыбку.

– В таком случае наслаждайтесь. Деньги можете просто оставить на столе.

Я увидел, как улыбка сползла с лица Авеллы.

– Деньги... – пробормотала она с виноватым видом. – Деньги, да...

– Какие-то трудности? – Девушка спрашивала с искренним участием.

– Никаких трудностей! – бодро возразила Натсэ, переключив внимание на себя. – Скажите, можно вас попросить выставить счёт за эту трапезу роду Кенса из клана Земли?

– Кенс? – Девушка не впервые слышала это имя. – Да, конечно. А вы уверены...

– О, я уверена! – Улыбка Натсэ совсем не была воздушной, она была совершенно земной; ею, казалось, можно было убивать. – Если у господина Тарлиниса возникнут какие-либо вопросы, просто направьте его ко мне. Натсэ Леййан, казначей клана Огня. У нас есть понятие о чести, как и у господина Тарлиниса.

Взгляд девушки ненадолго затуманился. Я догадался, что она записывает информацию в магическую память. А может, сразу отправляет запрос в мессенджере? Надо бы, кстати, выяснить, насколько широко используется заклинание.

– Вы из клана Огня? – Теперь девушка выглядела заинтригованной.

– Да, а это – наш бесстрашный и непобедимый глава, – указала на меня Натсэ. – Только что вернулся из другого мира, истребив там полчища невероятных монстров, и сейчас набирается сил перед новой битвой. Кстати, в полнолуние он...

Авелла наступила Натсэ на ногу, и та замолчала.

Выразив своё глубочайшее почтение таким необычным гостям, девушка удалилась. Не стала навязываться, оставив нас наедине с бутербродами и пирожными.

– Ну, белянка, ты даёшь, – покачала головой Натсэ, складывая вместе два бутерброда. – Мы с тобой сколько в Дирне прожили, а ты так и не поняла, что за всё нужно платить?

– Извини, – прошептала покрасневшая Авелла. – Я была здесь тысячу раз, но за меня всегда платил род мамы, или ещё кто-нибудь...

– Отвыкай скорее. Теперь мы взрослые и платим за себя сами. Это гораздо веселее.

Когда мы, сытые и довольные, вышли из гостеприимной кондитерской, Авелла вдруг с хитрым видом куда-то нас потащила, пообещав сюрприз. Минут десять мы шли пешком, потом Авелле это надоело, и она предложила полететь.

– Давай я нас подниму, – предложил я, осмелев после еды. – Всё равно хотел проверить, как у меня всё работает.

Возражений не поступило. Я сосредоточился и попросил окружающий воздух немного мне помочь. Воздух согласился охотно, и нас, всех троих, подняло метров на двадцать. Я украдкой посмотрел на правую руку... Печать была на месте. Та самая, четырёхцветная.

– Летим туда, – сказала Авелла, указав пальцем направление.

Я сообщил наше пожелание воздуху, и он плавно понёс нас вперёд. По пути приходилось неоднократно обруливать других Воздушных магов, которые вполне резонно предпочитали путь по родной Стихии. Внизу, на земле, слишком уж много было народу. Скоро тоже придётся ставить светящиеся штуки для регулировки движения.

– Не может быть! – воскликнула Натсэ, первой углядев сюрприз. – Вот ты сумасшедшая!

– Я старалась! – откликнулась порозовевшая от удовольствия Авелла.

Мы приближались. Теперь и я разглядел знакомые очертания Каменного стража, который, с куском пригорка, стоял на самом краю Материка, наполовину свисая над облаками. Видел три деревца перед входом. Вот мы и вернулись...

– Тут мы все и живём, – сказала Авелла. – Ямос, Тавреси, Боргента, Зован потём... Лореотис часто заходил. У всех были какие-то деньги, я как-то и не задумывалась, на что мы живём... Нет, всё-таки Зован прав, из меня правительница – хуже не придумаешь.

Сейчас дом пустовал. Мы прошли по знакомым помещениям, Натсэ нашла кота и вцепилась в него мертвой хваткой. Потом мы открыли дверь в нашу спальню...

– Морт, – сказала Натсэ, упав на широкую кровать вместе с недовольно мявкнущим котом. – Прежде чем пойдёшь на этот совет, сделай мне одно доброе дело.

– Только одно? – уточнил я.

– Дурак. Возьми меня в Огненные ученицы! Глупо обладать оружием и не уметь им пользоваться. Я как раз отойду к вечеру, и мы сможем отпраздновать наше возвращение. Ну, или в спешке бежать с Материка. Не знаю, какие у нас планы на вечер, но охотно допускаю, что случиться может всё, что угодно.

– Хм... – озадачился я. – Не уверен, что смогу взять тебя в ученицы.

– Это ещё почему? – Натсэ резко села на кровати, выпустила кота и вцепилась в меня пытливым взглядом.

– Я ведь всё-таки не маг Огня...

– Ты выше этого, – возразила Авелла. – И всё равно стихийник! Только что Воздух тебя слушался.

– Не «слушался». Он просто откликнулся на просьбу, ему это было не сложно. Не знаю, как объяснить... Это немного другое. Нет – совсем другое. Печать Стихии – это как поводок и ошейник, а то, что у меня сейчас, больше напоминает дружбу. Или любовь...

Я вспомнил, как давным-давно меня поразил тот таинственный старик из клана Людей. Поразил тем, что не носил никаких печатей, но, казалось, мог повелевать природой куда увереннее любого мага. Он шёл по болоту, и земля под его ногами становилась твёрдой и сухой. По мановению руки ручей выходил из русла. А ещё он легко и просто творил с моей головой всё, что ему было угодно. Сначала вернул мне на время родное имя, потом – скрыл память о себе. Неужели и я сейчас стал кем-то подобным?

– А магическое сознание у тебя осталось? Ты всё ещё Заклинатель? – спросила Авелла.

– Да. Да, это всё на месте.

– Тогда попробуй. – Натсэ вытянула руки вперёд, будто просясь на ручки.

Я попробовал. Сжал её ладони, произнёс необходимую формулу. Натсэ сказала ответ. Нас окутало мягкое пламя и развеялось.

Новая ученица: Натсэ Леййан

Можно стать главой Ордена Менторов

В топку, я уже чего только главой ни являюсь. Иногда нужно и тормознуть.

– Уф-ф, – сказала Натсэ, падая на кровать. – Всё. Из меня будто кости вытащили. Давай, Морт. Удачи на совете.

– Спасибо, – усмехнулся я.

Наклонившись, поцеловал её и пошёл к выходу. В дверях так же попрощался с Авеллой.

– Ты бы хоть туфли сняла, – услышал я её недовольный голос, уже шагая по коридору.

– Не хотела лишать тебя этого удовольствия, – вяло откликнулась Натсэ.

– Да ну тебя!

Я вышел на улицу с улыбкой. Вот теперь, вот именно теперь у меня в душе возникло непередаваемое ощущение: я дома. Его не было ни в родном мире, ни сразу по возвращении. А сейчас – будто какие-то важнейшие элементы мироздания встали на свои места.

Нет, я не скучал по родителям, школе и родному городу. Не знаю, почему. Возможно, я плохой. Но всё, чего я хотел, это чтобы мы жили вот в этом доме. Чтобы там всегда были Натсэ и Авелла, чтобы одна была суровой, циничной милашкой, а другая – мягкой и пушистой стальной леди.

Единственная, о ком я всей душой скорбел – это Талли. Моя сестра, которую мне так и не удалось спасти, но которая спасла меня. И теперь всё, что мне остаётся – это постараться, чтобы её смерть не была напрасной.

Найти дворец главы клана Воздуха труда не составило. Мне его с разных точек показали сегодня уже раз пять, и он обозначился на моей магической карте. Подлетев к нему, я вошёл внутрь, отсалютовал мечом стоявшим у входа рыцарям. Хранилище вернулось ко мне, но я пока пользовался только тем, которое наколдовала на моём плаще Авелла. Из каких-то сентиментальных соображений, хотелось чувствовать её присутствие. Туда я и спрятал меч, войдя во дворец.

Внутри – белый мрамор и стекло. Разноцветные стёкла везде и всюду. А ещё – золото. Дворец был отделан на диво роскошно, местами затмевая даже цитадель Искара.

– Не подскажите, где тут советуются? – обратился я к первому попавшемуся лысеющему магу в белом плаще.

– Конечно, сэр Мортегар, вас давно ждут! – засуетился тот и провёл меня по одному из коридоров, остановился перед тяжёлой деревянной дверью. – Вот тут, – зашептал он. – Входите, только сначала постучите. Они, кажется, отослали лакея. Наверное, разговор будет сугубо конфиденциальным. В любом случае – постучите, спросите, расположены ли они...

– Я понял, спасибо, – таким же шёпотом ответил я.

Подошёл к двери и от души её пнул. Дверь распахнулась, и я широким шагом вошёл в просторный зал с единственным круглым столом посередине. За спиной послышался сдавленный вскрик, навстречу мне, с изумлёнными лицами, поднялись трое: Акади, Дамонт и Логоамар.

– Спасибо, что пришли, – сказал я.

Отодвинул от стола свободный стул, сел на него.

– Присаживайтесь.

Они опустили на стулья, всё ещё не находя слов. Я выдержал короткую паузу и спросил:

– Не догадываетесь, зачем я вас вызвал?

Глава 12

Действовать нагло мне было не впервой, но всё равно непривычно. Однако со временем в голове выработался некий защитный механизм под названием «надо». Вот и сейчас – надо было показать этим троим главам, что их авторитет для меня – ноль без палочки.

Я чувствовал, что в противном случае переговоры пойдут не в ту степь. Рассказ Авеллы меня в этом убедил. Я не старше её (а теперь, с учётом полугодовой отлучки, наверное, даже и младше), не умнее. Разве только сильнее, как маг, но это не обязательная компетенция в политике. Говоря иными словами: я не подхожу для игры по привычным правилам. Зато могу запросто насадить собственные и играть по ним.

– Что вы себе позволяете, сэр Мортегар? – спросил Дамонт.

Мне сделалось не по себе. Он, кажется, впервые открыто на меня злился. Но отступить было некуда, поэтому я внешне спокойно выдержал его взгляд.

– Веду себя, как вздорный ребёнок, с которым можно не считаться, господин Дамонт.

Краем глаза я заметил, как покраснела Акади, как попыталась скрыть этот факт, спрятав лицо в ладонях. Хорошо. Значит, Авелла правильно поняла: Акади не хотела ей зла, просто пыталась сделать, как лучше всем. И сама очень страдала, сознавая, что своими действиями причиняет дочери боль.

Дамонт нахмурился:

– Вы как-то неверно начали. Сам факт того, что вас пригласили на встречу глав кланов...

– Да, спасибо, пришёл, как только смог, – перебил я его, демонстративно зевнув. – А теперь – к делу. Мне нужны бумаги.

Чем-то поперхнулся и закашлялся Логоамар. Акади убрала от лица ладони и с изумлением посмотрела на меня.

– Бумаги? – переспросила она. – Какие?

– Все, – пожал я плечами. – Допускаю, что маги Воздуха не склонны вести строгую отчётность, но у вас-то, господин Дамонт, что-то такое должно быть? Меня интересует всё, что произошло за минувшие полгода, вплоть до списков магов на Материке. Собственно, меня даже в первую очередь интересует этот список, потому что я ищу одного человека... Даже трёх человек. Четырёх, если быть предельно точным. Ещё мне нужно всё, что удалось выяснить по поводу Огня внизу. Моя дорогая супруга сообщила, что вы предпринимали разведывательные операции, но от неё скрыли все их результаты. Так вот, я хочу видеть эти результаты. Уже потом мы поговорим о дальнейших действиях. Извините, господин Дамонт, но я не буду восторженно истекать слюнями только потому, что вы сообразовали пригласить меня посидеть вольным слушателем на вашем совете. Если не ошибаюсь, все тут хотели, чтобы Авелла вышла замуж за человека, с которым вы будете иметь дело. Ну, вот, пожалуйста, я перед вами. Давайте займёмся делом.

– Кого вы ищете, сэр Мортегар? – тихо спросил Логоамар, и Акади с Дамонтом, только что собиравшиеся на меня орать, либо что-то горячо доказывать, вдруг замолчали.

– Давних знакомых, – уклончиво ответил я.

– Моей дочери нет на Материке, я проверял... всякими способами. Гиптиуса тоже нет. Они пропали тогда, и больше о них не было вестей.

Я кивнул, выражая сочувствие. К Логоамару у меня сердце потеплело. Вряд ли он принимал участие в травле Авеллы. Он, конечно, скотина та ещё (вспомнить хоть подставу с Талли), но, как маг Воды, не склонен давить до победного конца. Да и вообще, он сейчас сам выглядел каким-то потерянным и равнодушным ко всему на свете. Может, полгода на поверхности, вдали от океана, его подкосили?..

Кроме того, Логоамар сходу угадал, кого я хочу найти, это произвело на меня впечатление. В действительности меня интересовал так называемый клан Людей. Старик неоднократно давал понять, что однажды мы с ним встретимся, и какое-то это будет иметь отношение к Стихиям и магам. По-моему, время настало. Однако как со стариком встретиться – этого я не знал. Он сам, Гиптиус, Сиек-тян, да тот непонятный парень, в которого она влюбилась – вот все четыре мага из клана Людей, о которых я хоть что-то мог сказать. И...

Меня будто молнией с ног до головы пронзило. Стоило больших трудов не вскочить и не заорать о своей гениальной догадке. Тем не менее, с этим я худо-бедно справился. А вот на лице что-то такое отразилось. Я попытался на это повлиять, и получилась какая-то фигня, которую Логоамар, видимо, принял за выражение глубокого сочувствия. Он положил руки на стол перед собой, будто протягивая их ко мне, и сказал:

– Я пытался говорить с ней через Воду, но Вода не находит её. Либо она произнесла заклинание, ограничивающее возможность связи. Либо она...

Старик не договорил, лицо его помертвело. Дамонт по-дружески положил руку ему на плечо. А госпожа Акади, наконец, нашла в себе силы прямо взглянуть мне в глаза.

– Сэр Мортегар, – ровным голосом заговорила она. – Я догадываюсь, что моя дочь наговорила много... нехорошего про меня и про ситуацию в целом. Я не хочу оправдываться перед вами. По-моему, человек, который оправдывается, не стоит особого внимания. Вы знали меня с того дня, как вошли гостем в Небесный дом, и несколько раньше узнали Авеллу. Вы вполне способны составить собственное мнение обо всём, я не собираюсь на него влиять. Оставим.

В тот раз в Небесном доме госпожа Акади меня, помнится, поразила. Она сказала что-то вроде: «Даже если вы – маг Огня, нужно быть безумцем, чтобы признаться в этом практически чужому человеку, поэтому я и не задаю такого вопроса». И сейчас она вновь показала себя мудрой женщиной, глядящей в суть вещей куда глубже многих.

– Оставим, – кивнул я. – Вполне допускаю, что вы были правы. Но точно так же была права Авелла. С возрастом понимаешь одну непростую вещь: правы могут быть все. И тогда приходится искать другие критерии, чтобы выбрать, кого поддержать. Например, дружба. Или любовь.

Сказав это, я сам себе изумился. Надо же... Со стороны послушать – и не скажешь, что дурак. Правда, что ли, взрослому? Пора бы...

Акади улыбнулась. С ней мы, похоже, друг друга поняли. С Логоамаром тоже установилась некая эмоциональная связь. А вот Дамонт по-прежнему смотрел на меня недобрым взглядом.

– Мне кажется, – сказал он, – что здесь только я один имею смелость назвать вещи своими именами. Полгода я разбирался в ситуации. Поправьте меня, если я ошибаюсь, сэр Мортегар. Это ведь именно вы взрастили Огонь? Вернее, часть Огня.

– Его женскую ипостась, – подтвердил я. – Искорку. Так до сих пор и не понял, было ли это оскорблением или, напротив, поощрением... Над некоторыми вещами лучше слишком глубоко не задумываться: рискуешь пропустить момент, когда нужно ударить мечом.

– То есть, мы потеряли наш мир по вашей вине, – уточнил Дамонт. – Прекрасно.

– А я не вижу здесь своей вины, господин Дамонт. Никто не подошёл ко мне и не спросил: «Пс, парень, не хочешь выносить Искорку?». Не было такого. Меня вырвали из моего мира, а когда я очнулся, Искорка уже была во мне. Допускаю, что вы бы в такой ситуации покончили с собой, как подобает сознательному магу. Но я не был магом, я понятия не имел, что происходит, и хотел жить, вот и всё. Будете меня в этом обвинять? Обвиняйте, мне плевать. А пока подбираете обвинения пообиднее, послушайте вот что. Я прекрасно помню, как дракон убивал Талли, а вы стояли. Вы, и всё ваше Земное воинство. Просто стояли, наложив в штаны. А мы – пытались что-то сделать. Клан Огня, который вы теперь, кажется, вновь готовы записать в изгои. Мы – сражались, пока вы стояли.

Дамонт молчал, и я, переведя дух, заговорил снова:

– Вы ни слова не сказали мне тогда, в Дирне. Нет! Вы сами прибегли к помощи Мелай-рима, который за всем этим стоял. Сами, не отпирайтесь! Иначе как бы он выбрался из казематов? И Боргента, путешествующая с ним, совсем не напоминала заложницу, уж извините. А теперь, когда вашу ставку перебили, вы начинаете искать виноватых. Знаете, что? Вы сейчас ничем не лучше меня. Вместо того, чтобы что-то сделать с реальностью, вы ищете причины для ненависти, чтобы окончательно уничтожить всё, что осталось. Такова ваша политика? На этом вы планируете остановиться?

– А какова ваша политика, сэр Мортегар? – сквозь стиснутые зубы спросил Дамонт. – Ваши упрёки звучат интересно ровно до тех пор, пока не потеряешь всё, что имел, без возможности возврата.

– Моя политика? Очень простой вопрос. Я хочу вернуть землю людям.

– А люди там и так прекрасно живут, – усмехнулся Дамонт. – Простолюдинов никто не трогает. Это магам туда путь заказан.

Я помолчал. Сказать сейчас всё, что я понял, в том числе и благодаря визиту в родной мир, было равнозначно тому, чтобы подписать себе смертный приговор. Тем более, что из того, чего я не понял, можно было город построить. Но мне на самом деле и не нужно было знать всего, чтобы поступать правильно. Ум – не самая сильная моя сторона. В отличие от сердца, которое может знать такие вещи, от которых мозг отделяют тысячи лет эволюции.

– Те, кто сейчас на Материке, получают возможность вернуться домой, – выбрал я самую обтекаемую формулировку. – В этом я могу поклясться.

– Блестяще, сэр Мортегар, – засмеялся Дамонт. – У вас есть задатки хорошего политика. Уверенный тон, красивые слова и – ничего конкретного. Ладно, чего вы хотите? Теперь конкретно, у нас время не бесконечно. Мы и так из-за вас задержались дольше всяких приличий.

Я непроизвольно моргнул. Дамонт смотрел на меня с улыбкой, по-прежнему.

– Это... – Я откашлялся. – Это что, была какая-то проверка?

Дамонт пожал плечами:

– Не только вы умеете производить впечатление, сэр Мортегар. Я тоже могу открывать двери пинком и говорить жестокие слова. Да, если угодно, я вас проверял. Глава клана должен уметь держать удар и бить в ответ. Должен, если того требуют обстоятельства, поступать плохо, но – в интересах клана. Вы это умеете, мои поздравления. Не скажу, что это у вас в крови, но вы – умеете. Ваши упрёки справедливы, как и слова о том, что пора забыть прошлое и шагнуть в будущее. Так каким оно будет, это будущее?

А вот это был хороший вопрос.

До сих пор мне почти не приходилось действительно принимать решения, способные изменить судьбы множества людей. Битва в Дирне не в счёт, там я, по большей части, просто реагировал на обстоятельства, и к чему это привело – напоминать не нужно. Сейчас же мне предстояло самому создавать обстоятельства, шагать в пустоту. И от этого было страшно. Не за себя – когда мне за себя было страшно? тоже мне, персоне, – а за всех остальных.

Но от меня ждали конкретики. Что-то говорить придётся.

– Я планирую победить Огонь.

Главы переглянулись. На этот раз слово взял Логоамар:

– Видите ли сэр Мортегар... Это, конечно, очень красиво звучит. Но я хочу убедиться, что вы действительно понимаете ситуацию. Что значит, «победить Огонь»? Уничтожить? Это уничтожит мир, который стоит на четырёх Стихиях. Пленить? Допускаю. Но теперь у Огня, благодаря вам, есть разум. И сила... Сила Огня велика, как никогда. Он сам – Стихия, понимаете? Он может вложить всего себя в атаку. А мы лишь управляем Стихиями. В неких рамках, определенных Магическим сознанием...

А вот тут я начал врать, говоря правду. Никогда бы не подумал, что такое возможно, но... Но вот я улыбнулся, глядя в глаза Логоамару, и сказал:

– Вы.

– Что «мы»? – переспросил он.

– Вы управляете Стихиями в рамках Магического сознания. А я – маг Пятой Стихии, и я не скован никакими рамками. Пятая Стихия сильнее любой из четырёх отдельно взятых. Знаю, это не вполне корректное высказывание, ведь никто никогда не сталкивался с такими материями, но... Но мне не привыкать делать то, чего никто до меня не делал.

Они опять переглянулись. Да, им было известно, что я – маг всех Стихий. Может быть, до них даже дошло, что я – маг Пятой Стихии. Но принять такие новости – это непросто. Нужны какие-то... доказательства, что ли. О, точно. Им наверняка нужна демонстрация моих умений. И как хорошо, что я об этом подумал, потому что, судя по выражению лица Дамонта, он как раз сейчас что-то такое предложит. Что ж, по крайней мере, не застанет меня врасплох. Но чего я, собственно, жду? Пока все молчат, надо лезть дальше. Требовать и требовать, пока не опустят шлагбаум. Как там учила меня Талли? Не спешу говорить «а то». Можешь получить то, что тебе нужно, безвозмездно. Ну, или как-то так.

– Однако мне нужна серьёзная поддержка, – сказал я. – Потому я и просил бумаги о текущем состоянии дел. Хочу знать, на что могу рассчитывать. Мне, разумеется, понадобится армия – боевые маги и рыцари, всех трёх Стихий. И ещё. Мне нужны самые старые и мудрые преподаватели магической истории и магических искусств. От трёх кланов, хочу кое-что выяснить и иметь возможность сравнивать различные гипотезы.

– Видите ли, в чём дело, сэр Мортегар, – произнесла госпожа Акади. – Мы все предполагали, что, когда вы вернётесь, скажете нечто в этом духе. И, хотя отбить нижний мир, для нас очень важная задача – даже для магов Воздуха – мы не можем просто так отправлять магов на верную смерть.

– Да, – подтвердил Дамонт. – Если хотите поддержку кланов – покажите нам свою силу, чтобы и мы знали, на что можем рассчитывать. По-моему, это справедливо.

– Абсолютно, – подтвердил я. – Что вы хотите увидеть?

– Я хочу, – неожиданно жёстко заговорила Акади, – чтобы вы первым делом трезво оценили свои возможности. Потому что испытание, если вы на него согласитесь, будет смертельно опасным. И я не желаю снова видеть, как моя единственная дочь оплакивает любимых. Не хочу снова становиться её врагом, чтобы заставить бороться, заставить дышать...

Тут она осеклась и снова спрятала лицо в ладонях. Да уж, ситуация... И не было никаких виноватых. Ну, кроме меня, разумеется.

– Большинство бумаг вы получите сегодня же, я пришлю нарочного в Каменного стража, – сказал Дамонт. – Испытание, если вы согласны, начнём утром, как только встанет солнце. И вот в чём оно будет заключаться...

На улицу я вышел в глубокой задумчивости. Предстоящее испытание меня не то чтобы пугало, но... Ладно, чёрт с ним, мне действительно было не по себе. Если верить словам Дамонта, то столкнуться мне придётся с чем-то абсолютно непонятным. Никому...

– Как? Как всё прошло? – подскочила ко мне Авелла.

– Неплохо. Только Невидимость сними, а то я сам с собой разговариваю. Глава клана так себя вести не должен. Наверное.

Авелла отменила заклинание невидимости. Я заметил её ещё до того, как она заговорила со мной. Прокололась она банально: опять забыла про запах. От Авеллы исходил аромат духов, знакомый по прежней жизни. Потом, когда у неё началась бродячая кочевая жизнь, о духах как-то забылось. Натсэ, как правильная ниндзя, предпочитала ничем не пахнуть и считала это естественным и нормальным. Мне бы мысль о таком подарке даже в голову не пришла, а сама

Авелла ни за что в жизни не попросила бы меня. Вот так и узнаёшь, чего не хватало супруге. Совершенно случайно.

– И как ты решилась оставить Натсэ? – спросил я.

– О... Я привязала её к кровати.

Я вздрогнул.

– Че... чего?

– Она уснула, и я привязала её к кровати, чтобы она никуда не делась, – грустно сказала Авелла.

– Эм... А если кто-нибудь...

– Нет, это положительно невозможно. Вокруг пригорка первый слой защиты, чистый Воздух. Мало кто сможет его сломать, а если хотя бы попытается, я тут же об этом узнаю. Второй слой вокруг дома, этот просто перемелет чужака в муку, там и Воздух, и Земля. А третий слой вокруг кровати, там ещё и магия Огня, уничтожит всё в радиусе сотни метров, кроме кровати, которую будет удерживать в воздухе, пока мы не подоспеем. А если с нами что-нибудь случится...

У меня мурашки по спине побежали.

– И ты всё это сделала сейчас?

– Ну да. – Авелла с удивлением посмотрела на меня. – Я торопилась, я ведь волновалась за тебя.

– Авелла... Я тебя боюсь.

– Ох... Я сама себя боюсь. Но разве у меня был выбор? – Она смешно всплеснула руками, почему-то в этот момент до боли напомнив мне госпожу Акади.

– Да уж... Ладно, идём домой. Посмотрим на связанную Натсэ...

Воображение нарисовало мне довольно смелую картинку. Не просто даже картинку, а с движением и звуком. Я потряс головой, переключая себя на рабочий режим. Далось это нелегко.

– Идём? – Авелла взяла меня под руку.

– Подожди, ещё один момент.

Я закрыл глаза, сосредоточился.

Чтобы отправить сообщение, выберите адресата

Сиек-тян из рода Нимо. Адресат не найден

Блин... Ладно. Значит, либо, лишившись печати, она лишилась и Магического сознания, либо...

Либо я идиот!

– Что такое? – испугалась Авелла, когда я с силой хлопнул себя по лбу ладонью.

– Ничего. Наказываю себя за глупость.

Чтобы отправить сообщение, выберите адресата

Сиектян из рода Нимо. Адресат найден

МОРТЕГАР: Привет! Это я, Морт, помнишь? Мы с тобой должны были делать детей для Гиптиуса, а потом ты сбежала. Как жизнь, как вообще? Давно не виделись. Я, вообще-то, по делу. Мне бы с вашим главным повидаться. Кажется, время пришло.

Глава 13

Когда-то давно, классе в девятом, я неделю собирал в кулак всю свою отчаянную смелость и, наконец, отважился на решительный шаг. Написал девчонке, в которую был влюблён, обстоятельное и ёмкое сообщение. Примерно вот такое: «Привет?»

Я долго думал, каким знаком препинания его закончить. Точка? С ней текст будет выглядеть сухо, официально. Восклицательный знак? Хм... А чего я, собственно, разорался? Нет, восклицательный знак – это слишком яркое свидетельство сильных эмоций. Она ещё, чего доброго, задумается, откуда они у меня взялись, и сразу, в лоб, напишет: «Ты что, влюбился, что ли?». Я, разумеется, стану всё отрицать, но осадочек-то останется.

Смайлики – вообще за гранью, это уже просто сексуальное домогательство.

Многоточие долго казалось мне самым подходящим вариантом. Я уже почти отправил сообщение с тремя точками на конце, но в последний миг рука дрогнула и переместилась с «мышки» на «бэкспэйс». Не то... Как-то слишком уныло, безысходно. Она подумает, что я нарочно создаю впечатление несчастного, погруженного в депрессию влюблённого, чтобы вызвать жалость. И психанёт. Или начнёт меня и вправду жалеть. А я этого не хочу, мне бы так, чтоб по-настоящему.

Остановился я на вопросительном знаке. Десять раз перечитал текст сообщения, и он показался мне идеальным. Я даже представил себе, как говорю это всё ей лично. Подхожу и эдак полуравнодушно: «Привет?». Вроде бы и поздоровался, и спросил, расположена ли она к разговору, и проявил какую-никакую оригинальность.

В общем, ни одна девушка в мире ещё никогда не получала настолько переполненный чувством и смыслом «привет».

Дальнейшее было до обидного банальным и предсказуемым. Сутки девочки не было в онлайн, и у меня сложилось впечатление, будто она живёт без меня реальной жизнью, где вокруг неё наверняка выются всякие крутые парни. От этого откровения мне сделалось жутко, но я держался. Мой «привет» всё ещё мог дать мне шанс. Правильное слово с правильным знаком – это ведь половина успеха, так?..

Потом она появилась в онлайн, но сообщение осталось непрочитанным. И после очередного выхода в сеть – тоже. Что это могло означать? Я терялся в догадках. Потом предположил, что в онлайн с компьютера девочки выходит её сестра, или мать – ну, по каким-то своим нуждам – но сообщения благородно не читают. Может быть, девочка вообще умерла! Я думал так, и сердце стонало от боли...

Где-то дня через три сообщение прочиталось, и... И всё. Наверное, у девочки оно давным-давно уехало вниз, погребённое под завалом более интересных собеседников. А у меня оставалось наверху. Висело проклятием вечного игнора. Я открывал браузер и видел: «Привет?». Открывал приложение на телефоне и видел: «Привет?». Этот проклятый вопросительный знак издевался. Он будто орал: «Привет? Привет?! Ты что, ***, серьёзно? Думаешь, симпатичная девчонка будет общаться с ничтожеством, которое даже не уверено, привет ли?». Он заставил меня усомниться в каждом моменте своей жизни.

И удалить сообщение я не мог. Это было всё равно что отрезать кусок сердца и выбросить. Тогда я ещё этого не умел...

С тех пор моя душа прошла серьёзный путь. Сейчас, подлетая к Каменному стражу и глядя внутренним зрением на отправленное сообщение, я думал: «Вот ***!» – и, в общем-то, всё. Конечно, роль сыграло и то, что в Сиек-тян я не был влюблён, и то, что дома меня ждала одна жена, а рядом со мной летела другая. Но всё же мне хочется верить, что где-то я таки вырос над собой.

Сиек-тян молчала. Механизма отображения «прочитано/не прочитано» у меня в Месенджере не было, поэтому я даже не мог сказать, игнорит она меня, или спит. Собственно, она ещё может тупить. Заклинание-то новое, раньше она никогда такого не видела. Сидит с раскрытым ртом и смотрит в пустоту перед собой, на загадочные буквы, и гадает, то ли она с ума сошла, то ли ещё не совсем.

– Опускаемся! – скомандовала Авелла перед самым пригорком. – Мне нужно снять первый слой защиты.

Мы приземлились. Я покорно ждал, пока Авелла что-то бормотала, помигивая белой печатью и трогая носком туфли почти прозрачные руны, висящие в воздухе (как такое делается – я понятия не имел и решил пока не вдаваться в такие дебри). Наконец, Авелла кивнула и, взяв меня за руку, повела к дому.

Там всё повторилось, только теперь она мигала двумя печатями попеременно: белой и чёрной.

Заметив, что я покачиваю головой, Авелла смутилась.

– Это только кажется, что её легко снять, – оправдываясь, заговорила она. – На самом деле там очень сложная привязка к личности, и для постороннего мага...

Я поцеловал Авеллу, слегка наклонившись, и она замолчала. Неожиданно резко и сильно обняла меня, прижалась.

– Мортегар, если бы ты знал, как я соскучилась...

Если бы она знала, как мне тяжело было это слышать. Ведь я-то не соскучился. Она жила тут, в клетке одиночества, полгода, а для меня прошло чуть больше суток. Причём, всё это время я вообще не помнил, что есть какая-то Авелла.

Впрочем, всё могло бы сложиться ещё хуже. Если бы путь назад я нашёл, скажем, через месяц, или год... Авелла встретила бы меня взрослой, возможно даже старой женщиной с мужем Зованом. И вот это было бы уже всё. Время назад не отыграешь... Наверное.

Авелла заглянула мне в глаза с каким-то совершенно определённым выражением.

– Натсэ ведь ещё долго будет спать, – шёпотом сказала она. – Я после третьей печати...

Я вновь прервал её поцелуем, согласившись сразу по всем, даже невысказанным пунктам. Не то чтобы Натсэ нам как-то помешала в задуманном, скорее просто не хотелось её тревожить. Благо, дом был большим.

Целуясь и обнимаясь, мы вошли внутрь. Дверь закрылась. Тишина пустого помещения заполнилась шумным дыханием...

На мгновение Авелла отстранилась от меня. Зачем – этого я так и не успел понять. На её горло легла верёвка. Авелла вскрикнула, подняла руки к горлу, вцепилась в верёвку и... безо всякого усилия её оттянула.

– В следующий раз – придушу, – пообещала, зевнув, Натсэ.

– Но ты... Но я думала... – запинаясь, лепетала Авелла.

Натсэ посмотрела на меня:

– Морт, ты представляешь, она ведь ещё и записку на двери оставила. «Натсэ, пожалуйста, не двигайся, иначе верёвки сделают тебе больно. Я ушла за Мортегаром, скоро вернусь. Авелла».

Мысленно я расхохотался. Внешне постарался удержаться от каких-либо проявлений эмоций. Да уж, Авелла – это чудо. Наше чудо.

– Как ты освободилась?! – пришла в себя Авелла и потрясла верёвкой. – Я рассчитала эти узлы таким образом, чтобы развязаться было невозможно!

– Серьёзно? Ты спрашиваешь Убийцу, как она избавилась от твоих дилетантских узлов? Да первое, что я сделала, оказавшись в этом мире – *Поглотила* несколько камней. Что может быть проще, чем создать металлические лезвия прямо под верёвками?

– Неужели было так сложно подождать?!

- Мне было нужно в туалет, бестолочь!
- А моя сильнейшая защита вокруг кровати?!
- Ничего с ней не случилось.
- Но как ты...

Натсэ схватила за руку Авеллу и потащила за собой по коридору. Я пошёл следом.

– Вот. – Натсэ взяла Авеллу за подбородок и довольно невежливо заставила посмотреть вверх. Я тоже поднял взгляд.

Всё выглядело до обидного просто: в потолке зияло аккуратное круглое отверстие.

– Какая же я дура... – прошептала Авелла, придя в священный ужас от увиденного.

– Ничего не дура, – мгновенно сменила стратегию Натсэ. – Девять из десяти человек либо угодили бы в твою ловушку, либо, заметив, не стали бы лезть. А от десятого рунами не защитишься. Кстати, надо будет найти этого десятого и прояснить...

Натсэ немного помрачнела, задумавшись о чём-то своём. Авелла же не унималась:

– Нет, дура! Как можно было забыть о защите пола и потолка?! Это ведь элементарно, а я подвергла тебя такой...

– Тук-тук, – раздалось у меня за спиной. – Я, кажется, не вовремя? Но мне, кажется, плевать?

– Привет, Лореотис, – усмехнулся я. – Заходи, гостем будешь.

Лореотис устало махнул бутылкой. Большой бутылкой.

– Глядите, я раздобыл то, чего не существует на Материке. По стаканчику?

Так разбились вдребезги наши скромные надежды на тихий вечер, наполненный интимными радостями воссоединения после долгой разлуки. Может, с какой-то стороны оно было и правильно. Будет ещё время. Больше мы друг друга не потеряем.

Глядя, как дом постепенно заполняется людьми, я вдруг почувствовал, что во мне изменилось кое-что ещё, и это изменение было глубоким и сильным. Я больше не боялся людей. Мне не хотелось спрятаться в угол и сделаться невидимкой, в ожидании, пока все разойдутся по домам. Нет, я был частью этого мира, здесь было моё место И, что самое удивительное, все они это чувствовали.

Не успели мы с Лореотисом выпить по стаканчику, как в гости пожаловали Асзар и Денсаоли. Они выглядели вполне счастливой парой. Денсаоли, сияя, как золотая монета, сообщила, что клан Земли, наконец, выдал им разрешение на брак. Лореотис счёл это достойным следующего тоста.

Асзар не изменился с момента нашей последней встречи, только голос всё ещё казался мне непривычным. Первого впечатления не перебить, по крайней мере – не сразу.

Денсаоли совсем не походила на ту девушку, что я помнил. Призрака Мекиарис она тоже напоминала весьма отдалённо. Как и в случае с Талли, она была похожа на нечто третье и не то чтобы среднее. Молчаливая, погруженная в себя. Иногда она невпопад улыбалась, как маг Воздуха. Иногда принималась говорить тихо и как бы сама с собой, как Мекиарис. К счастью, Асзар её принимал безоговорочно в любой ипостаси. Так, как я не сумел принять Талли... Наверное, про их жизнь можно было бы написать книгу, но увы, во мне писательских талантов не завалилось.

Бутылка опустела на треть. Натсэ принялась сочинять ужин, Авелла к ней присоединилась. Пришёл выпнутый из больницы Ямос, сообщил, что обеих мамочек отпустят домой завтра ближе к вечеру. Потом пришёл Зован. Поздоровавшись со всеми, он обратился к Натсэ:

– Я только что от отца. Он сказал, что убьёт тебя за дерзкую выходку, потом подумал и попросил этого не говорить. Сказал, что пришлёт к тебе своего законника.

– А, ну пускай присылает, – беззаботно откликнулась Натсэ, ловко кроша в котелок картошку. – Люблю законников. Кажется, мой третий был законником. Предпочитал красные простыни...

Все как-то сразу замолчали и посмотрели на Натсэ с удивлением. Я почувствовал себя нехорошо. Вот так вот запросто взять и услышать про какого-то «третьего» от Натсэ, у которой вроде бы до меня никого не было.

Не замечая всеобщего недоумения, Натсэ продолжала:

– С ним было легко. Мне было одиннадцать, или двенадцать, а он как раз таких любил. Подбирал на улице и тащил домой, там немного играл, как в куколок, потом делал своё гнусное дело и вышвыривал на помойку. Мне пришлось перекрасить волосы, чтобы он не заподозрил во мне мага. Штука была в том, что спальня была самым защищённым местом в доме, и там же он хранил в сейфе важные бумаги, которые хотел получить заказчик. Внутри можно было попасть только с ним, только если он приведёт тебя добровольно. Ну и как только он повернулся спиной, я перерезала ему горло, толкнула на кровать, забралась сверху и держала за волосы, пока он не перестал дёргаться. Ну, так оттягивала голову назад, чтобы хлестало быстрее. Помню, всё смотрела на красную кровь, впитывающуюся в красные простыни, и мысленно повторяла: «Как будто бы ничего не случилось». Потом, когда уходила, посмотрела на него ещё раз. Действительно казалось, что он просто спит. Если не приглядываться, то крови и не разглядишь. Словно воду разлили. В тот раз Магистр выплатил мне полное жалование, сказал, что я сработала чище не придумаешь. Стражи искали зачуханную простолюдинку, перетрясли весь Сезан, а на Орден никто и не подумал. Что? – Подняв голову, Натсэ заметила, что на неё все смотрят, раскрыв рты. – Ой... Извините, я забылась. Просто когда держишь в руке нож, это навевает воспоминания.

Лично я, к своему стыду, вздохнул с облегчением. Натсэ просто рассказывала о работе, а не о том, что я подумал.

– Я-а-асно, – протянул Зован. – Ну, этого можешь не убивать. За него не заплатят.

– Я и не собиралась, между прочим. Я вообще бросила убивать. По местному времени чиста уже больше полугода.

Зован отвернулся, и мы с ним встретились взглядами. Я с трудом выдержал этот взгляд. Зован держался хорошо. Он был чистокровным магом Земли, и все свои эмоции умел скрывать так, что казалось, их и нет вовсе. Но я видел, что он так и не пережил смерть Талли. И сейчас, глядя на меня, кого он видит?

Я встал, вышел из кухни, где все сидели. Зован последовал за мной. В пустой гостиной я сказал ему:

– Это она помогла нам вернуться.

Он кивнул:

– Хорошо. По крайней мере, эта егоза не утомилась до самого конца. Она... говорила что-нибудь?

– Да, – соврал я, глядя ему в глаза. – Просила передать, что благодарна тебе за то, что успела узнать, каково это – быть любимой. И просила прощения – за всё.

Ничто не звучит так правдоподобно, как ложь, которая обязана быть правдой. Я знал, что будь у Талли чуть больше времени, она бы так и сказала. И где-то в глубине души Зован это тоже знал. Он протянул мне руку, и я её пожал.

– Задумаешь поохотиться на дракона – свисти. Я в деле. Даже если никто больше не пойдёт – кончим эту тварь вдвоём.

– Мы его уничтожим, – кивнул я. – Клянусь.

В этот момент приоткрылась дверь, которую мы и не думали запирать, и в дом вошли госпожа Акади и госпожа Алмосая.

– Прошу прощения за вторжение, сэр Мортегар, – поклонилась Акади. – Я всего только на минутку. Господин Дамонт просил вам передать...

Она подошла к столу и плюхнула на него из Хранилища огромную кипу бумаг.

– Здесь всё самое важное, – сказала она. – Я бы советовала начать отсюда. – Палец Акади указывал на красную закладку, торчащую из середины кипы. – Там сведения обо всех виденных нами существах там, внизу. Огненные девочки описаны лучше всех, и в этом немалая заслуга моей дочери.

В голосе Акади прозвучала гордость вперемешку с горечью.

– А теперь я, пожалуй...

– Нет-нет, – возразил я. – Вы у меня в гостях, и я...

– Боюсь, я не буду таким уж желанным гостем, учитывая...

– Так. Вы в моём доме, и вы – член моего клана, если я не ошибаюсь. Вот мой приказ: проходите в кухню! Там тесно, но уютно.

Алмосая, повернувшись к Акади, громким шёпотом сказала:

– Вы лучше слушайтесь его! А то он вас накажет.

Грустно улыбнувшись, Акади поклонилась мне и пошла в кухню. За ней двинулась Алмосая, замкнули шествие мы с Зованом.

При появлении Воздушной регентши Лореотис попытался было спрятать бутылку, но, осознав, что поздно, принял вид оскорблённой невинности. Акади же на бутылку лишь мельком взглянула. Её больше заинтересовала дочь.

Авелла, суетившаяся возле котелка вместе с Натсэ, заметив мать, ощутимо напряглась, но упрямо делала вид, что её не видит. Акади сделала пару шагов к ней, но остановилась за спиной Денсаоли. Положила ладонь ей на плечо.

– Госпожа глава клана, – тихо сказала она. – Прошу меня простить, но теперь, когда вернулся сэр Мортегар, я больше не могу быть полноценным регентом. По крайней мере, до тех пор, пока не закончится война. Моё место не здесь, но – там, там, где будет литься кровь и бушевать Огонь. Пока у нас есть немного времени, вам лучше бы начать учиться. Я готова остаться при вас в должности советника, но не более.

Мне показалось, что Авелла прислушивается. Во всяком случае она замерла, и инициативу в готовке полностью перехватила Натсэ.

– Но я не могу, – тихо сказала Денсаоли. – Как я буду управлять кланом? Меня никто не будет слушаться!

– У вас есть супруг, который вам поможет, – сказала Акади. – Как он уже помогал. Рядом с ним вы сама становитесь сильнее. А я устала быть сильной. Теперь мне хочется позволить себе маленькую слабость: погибнуть вместе со своей дочерью, которая не отступится ни за что на свете. Поэтому давайте завтра утром встретимся в вашем кабинете. Я начну вводить вас в курс дела.

Я заметил, как Натсэ пнула Авеллу по ноге. И она, будто только того и ждала, резко повернулась. Глаза влажно блестели, глядя на мать. Та шагнула ей навстречу, а Авелла будто подлетела к ней. Мать и дочь обнялись.

– Прости меня, – шепнула Акади. – Я едва не потеряла тебя навсегда...

– Трогательно как, – прошептала Алмосая, толкая Лореотиса в бок. Тот, смекнув, что от него требуется, наполнил стаканы и грустно вздохнул, глядя на опустевшую бутылку.

Акади повернулась к столу, левой рукой обнимая Авеллу за плечи. Правой достала из Хранилища ещё одну бутылку и поставила перед опешившим Лореотисом.

– Вот и воссоединился клан Огня, – сказала Акади. – Не все, конечно, но всё же... Всё же, я думаю, у нас есть повод для небольшой радости. Несмотря на завтрашнее испытание сэра Мортегара.

Натсэ уронила ложку в котелок, повернулась ко мне. Авелла отстранилась от матери. Лореотис сдвинул брови.

– Я ещё никому не рассказывал, – вздохнул я.

– Ох... Опять я всё испортила, – расстроилась Акади. – Но ведь... Но ведь всё равно это не получилось бы держать в тайне, правда?

Глава 14

Гости разошлись около десяти вечера. Только Зован и Ямос не разошлись – они тут вроде как жили – и отправились на третий этаж, спать. Ямос просто вымотался, двое суток просидев возле Тавреси почти без сна, а Зован сказал:

– Помню, как появилась белянка, и знаю, что такое ребёнок, даже в большом доме. А тут их будет сразу двое. Надо спать, пока есть возможность.

И мы остались внизу втроём. Я, Натсэ и Авелла. Мы переместились в гостиную, я сел в кресло, взялся за бумаги, открыл на красной закладке.

– Морт, ты нам ничего не хочешь сказать?

Я поднял взгляд. Обе стояли передо мной, сложив руки на груди.

– М-м-м... Нет, – признался я. – А надо? Я хотел немного разобраться в ситуации...

– Я была там, – перебила Авелла. – Я, Лореотис, Алмосая, Зован, Денсаоли. Если бы не моя мама, там бы мы и остались.

– Ну вот видишь, – сказал я, кажется, уловив немного не тот смысл, который вкладывала в свои слова Авелла, – ты там была, а я ещё нет. Это несправедливо.

– По-твоему, это смешно? – спросила Натсэ холодным тоном. – Я иду с тобой.

– Я тоже, – кивнула Авелла.

– Нет, – сказал я так твёрдо, что даже сам удивился. – Никто из вас со мной не идёт. Это моё дело, моя проверка.

– Я понять не могу, что они хотят проверить! – сорвалась вдруг на крик Натсэ. – Что ты – маг Пятой Стихии? Это можно проверить и на Материке! Не терпится увидеть кровь – устройте поединок с самым любопытным идиотом!

– Они хотят выяснить, на что я способен против этой хрени внизу! – Я постучал пальцем по бумаге, исписанной ровным почерком какого-то местного каллиграфа. – И, что самое главное, мне тоже это интересно. Какой смысл прятаться? Мы вернулись в этот мир, чтобы победить Огонь.

– Вот именно! – Натсэ выставила указательный палец перед моим лицом. – Мы! Ты, я и Авелла. Мы – семья, мы – вместе. Что если ты там погибнешь?!

– Значит, дилс мне цена, – пожал плечами я.

– Дилс – мне цена! А тебя никто не продаёт и не покупает. Проклятье, Морт, ну что это за очередной идиотизм в духе того турнира? Снова пытаешься себе что-то доказать?

– Знаешь, да! – Я отложил стопку бумаг на стол и посмотрел в глаза Натсэ. – Я слишком много всего получаю, и мне отнюдь не кажется, что так оно и надо. Мне всё время кажется, что это – какая-то ошибка, скоро кто-то там, наверху, придёт в себя, прикроет лавочку, и всё закончится. И вот тогда – я хочу быть уверен, что смогу самостоятельно подняться на ноги и идти вперёд.

– Наверху? – Авелла с удивлением посмотрела в потолок. Где-то там спали Зован и Ямос. Надеюсь, правда, что не вместе.

– Не важно, – отмахнулся я. – Это личное. Слушайте, я вас ведь не так часто о чём-то прошу, правда?

– Вообще почти никогда, – недовольно ответила Натсэ. – Ты только отдаёшь, что ни попросим.

– Вот! Давайте немножко сравняем счёт. Я прошу одно маленькое приключение. Туда и обратно. Но так, чтобы я – сам. Обещаю, если вернусь – дальше только вместе.

– Если? – переспросила Натсэ. – ЕСЛИ?! Да я лучше тебя прямо сейчас убью!

– Понял, понял! Не «если». Когда! Когда я вернусь. Ну? Договорились?

Натсэ с Авеллой переглянулись. Ни одной моё предложение не понравилось, но они нехотя пожали плечами. Я и этому был рад.

– Чаю? – грустно спросила Авелла.

– Можно, – сказал я, возвращаясь к записям.

– Только не крепкого, – сказала Натсэ ей вдогонку. – Ему нужно нормально выспаться. Морт, ляжешь не позже одиннадцати.

– Да, мамочка, – пробормотал я.

– В лоб получишь.

– Не смей так говорить с главой своего клана!

Тут она всё-таки стукнула мне в лоб, потом уселась рядом, на подлокотнике кресла, и тоже принялась читать. Вскоре на другом подлокотнике образовалась Авелла, а в руке у меня очутилась чашка с горячим чёрным чаем. Я на это даже внимания особого не обратил – описание загадочных существ меня увлекло всецело.

Их обнаружили с неделю назад. Послали разведгруппу. Группа как можно осторожнее присмотрелась к странным девушкам, пришедшим в деревню. Насторожило то, что все девушки выглядели одинаково и даже вели себя одинаково. Если, например, куда-то шли, или просто собирались одни, без посторонних, то действовали как один человек.

За ними наблюдали сутки. Вывод: не люди. У них не было ни личных характеров, ни тем для разговоров, ни воспоминаний. Но выглядели они точь-в-точь как люди, а кроме того, они явно обладали магией Земли и охотно употребляли её на пользу простолюдинам.

Разведчики отметили и то, что девушки были очень хороши собой, отличались весёлым нравом и легко сходились с простолюдинами. Тут автор заметок очень старался излагать витиеватым слогом, ходя вокруг да около, но всё же я понял, что девушки тупо переспали со всей деревней, кажется, уже в первые сутки. При этом они ещё и работали в полях, помогали по хозяйству, и странным образом даже местные женщины на них не ополчились.

Ни одна таинственная девушка не была замечена за едой. Ни одна за сутки не легла спать. На ночь они собрались вокруг большого костра и так сидели. Иногда то одна, то другая уходила с заинтересованным кавалером, но потом возвращалась. Они просто сидели и смотрели в огонь, который, кажется, развели магией. Разведчики наблюдали издали и не разобрали, как именно разжигался костёр, но все отметили, что произошло это очень уж быстро.

– Десять девушек, отдающихся всем подряд без разбору, – прокомментировала Натсэ. – «Одно маленькое приключение. Туда и обратно. Но так, чтобы я – сам. Обещаю, если вернусь – дальше только вместе», – передразнила она.

– Ты что, дословно запоминаешь всё, что я говорю? – пробормотал я, сам несколько обескураженный таким поворотом дела. Испытание уже немного смахивало на завязку комедии «Мальчишник в другом мире».

– Не всё, но... – Почему-то Натсэ покраснела. – Ну, знаешь, мне это вообще-то помогло. Если бы я не запомнила ту белиберду, которую ты сказал после того, как падал в обморок в первый день в этом доме, я бы тебя не нашла в твоём мире. Ты, кажется, назвал зачем-то свой адрес...

– Да я просто радовался, что могу произнести своё имя и всё такое... Как будто стал, наконец, цельным. Погоди. Ты что, просто наизусть запомнила кучу слов на непонятном языке?!

– Угу, – кивнула Натсэ. – Я Убийца. Мне пришлось научиться запоминать большое количество информации на слух. Убийца должен очень хорошо слышать и ещё лучше запоминать. Магистр заставлял меня заучивать последовательности из сотни цифр после первого прослушивания. А спросить мог через месяц, и я должна была дать ответ без запинки.

– Но ведь... Но ведь то, что я говорил, для тебя звучало совершенно непонятно!

Натсэ улыбнулась, взъерошила мне волосы:

– Так непонятное и нужно запоминать в первую очередь, чтобы потом разобраться. Понятное не требует запоминания, оно уже записано в голове у каждого.

– Вот о чём я и говорю, Натсэ... Ты – исключительная. Помимо прочего очевидного, у тебя ещё и феноменальная память. А я? У меня только и есть, что магические способности, да и те не мои, а...

– Ой, всё! – закатила глаза Натсэ. – Я поняла, что тебе для самоутверждения просто необходимы десять безотказных близняшек. Только Ямосу об этом в деталях не рассказывай, а то он Святилище тебе построит.

Авелла нервно засмеялась, но сама себя оборвала:

– Тут на самом деле мало смешного. Переверни страницу, Мортегар.

Я и перевернул. Тем же красивым и ровным почерком была детально запротоколирована стычка Авеллы с вышеописанными красавицами.

– Ничего себе, – пробормотала Натсэ.

И вправду, впечатляло. Девушки не только использовали с одинаковым успехом магию Земли и Огня, они ещё и проявляли сверхчеловеческие силы. Чего стоили, например, эти их прыжки метров на десять в высоту, или выживание после падения...

– С пятисот метров? – воскликнула Натсэ.

– Приблизительно, – педантично уточнила Авелла, ткнув пальцем в нужное слово. – Точно никто не замерял. Но они просто вскочили и сразу начали сражаться. Ни ушибов, ни переломов.

– «Мы сами – Огонь», – прочитал я. – Вот как...

– Так они сказали, я сама слышала, – кивнула Авелла.

Я почувствовал, как над моей головой Натсэ потянулась к Авелле. Да уж, мне тоже стало не по себе. Пережить такое... Хорошо, что никто не погиб. Нет, это не просто хорошо, это – чудо. А теперь мне придётся столкнуться с тем же самым. И не просто столкнуться, а...

– Натсэ, – оторвал я взгляд от страницы, – можно задать тебе один неприятный вопрос?

– Наверное, нужно, раз ты интересуешься, – пожалала она плечами.

– Это насчёт рабского ошейника. Когда его на тебя надели, у тебя заблокировались магические способности, правильно?

– Не совсем, – покачала головой Натсэ, поморщившись от неприятных воспоминаний. – На магов нечасто надевают ошейник, как раз потому, что магию он не блокирует, и раб получается весьма сомнительный. Мне сначала поставили чёрную метку – вот она заглушает магию, даже магическое сознание. И её сделали «отсроченной», завязав на ошейник.

– То есть, – заинтересовалась Авелла, – какую-то свою функцию метка выполняла только когда ошейник снят?

– Ну да, самую весёлую, – усмехнулась Натсэ. – Извещала «изначального хозяина», что раб на свободе. Я потому тогда так быстро и сбежала. Боялась, что Магистр придёт за мной в крепость, и ты сможешь пострадать. Я ведь не знала, что ты сам полезешь в петлю. Если б знала – не убегала бы.

– Если бы ты не убежала, – вставила Авелла, – мы бы сейчас не были вместе. Наверное, всё к лучшему.

– А где можно достать ошейник? – продолжал я, не позволяя разговору скатиться в романтику. – Ну... Если быть точным: можно ли достать ошейник на Материке?

Авелла пожалала плечами, а Натсэ сказала:

– Морт, ошейник – это просто полоска кожи и руны, вычерченные на ней. Достать – не знаю, сделать... Ну, я могу сделать, или могу научить тебя, как сделать.

– Можно взять собачий ошейник, – сказала Авелла. – И начертить руны на нём.

– Можно и так, – согласилась Натсэ. – А зачем тебе?

– Так, – уклончиво ответил я. – Есть одна идея. Мы это сможем сделать до утра?

Натсэ, вздохнув, соскочила с подлокотника:

– Пойду поищу ремень...

Я как раз успел дочитать описание сражения. Чудовищная скорость, сила, безлимит на магический ресурс, огненный смерч... Впечатляло. Как и то, что магические удары по красоткам отжирали ресурс атакующего мага. Практически как тот самый туман в Дирне. И это была лишь малая часть того, с чем придётся столкнуться...

– Самое страшное в них, – сказала Авелла, когда я отложил записи, – то, что не попало в отчёты. Они улыбаются, дружелюбно смеются, совершенно искренне, но при этом убивают тебя. Это совершенно точно не люди. Ну, или люди, но с совершенно одинаковой болезнью головы. Мне эти улыбки будут всю жизнь сниться... – Она содрогнулась.

– Готово, развлекайся. – Натсэ вошла в гостиную и бросила мне на колени свёрнутый петлёй кожаный ремешок. На внутренней его поверхности виднелась замысловатая вязь рун Земли.

– И что?.. – Я взял ошейник, покрутил его, поднёс к горлу. – Просто надеваешь, и...

Натсэ подлетела ко мне, будто трансгрессировав сквозь воздух. Одной рукой сжала запястье, другой – горло.

– Это тебе не шутки, понял?! – прорычала она с неожиданной злостью. – Отнесись серьёзно. Наденешь себе на шею – станешь своим рабом навсегда, никто не спасёт.

– Да я и не собирался...

– Вот и не собирайся. – Натсэ отпустила меня. Я, морщась, потёр горло рукой. – Касательно твоего вопроса. Да, просто надеваешь на шею, и всё. У тебя в Магическом сознании появится запись о появлении нового раба.

– А разве не требуется согласие того, на кого надеваешь ошейник? – простодушно спросила Авелла.

Натсэ посмотрела на неё:

– Прости, что?

– Ну... – Авелла смутилась. – Ганла добровольно пошла в рабство. Тавреси. И ты...

Натсэ грустно улыбнулась:

– Чтобы законно продать раба – да, нужно в какой-либо форме его согласие. Потому что у тебя в любой момент могут спросить бумаги. А бумаги торговец подписывает только тогда, когда ошейник надевается в его присутствии, добровольно, и там ещё должна быть подпись будущего раба, или его представителя. Для открытых торгов торговец не возьмёт непонятно кого.

– Но ведь на тебя не было никаких бумаг, – вспомнил я.

– Были. Их забрала Талли, хранила у себя.

– А на Ганлу – папа забрал, – вспомнила Авелла.

– А Тавреси? – не сдавался я.

– А Тавреси ты сразу на хранение сдал, – напомнила Натсэ. – Документы остались у толстяка. Потом он, наверное, передал их Ямосу – я не следила. Так, всё, уже двенадцатый час. Спать!

Мы поднялись в спальню, легли в свою огромную кровать. Авелла погасила свечи, подув на каждую.

– А что, – спросила она, устраиваясь рядом со мной, – рабов продают и без документов?

– Продают, – отозвалась Натсэ. – Это – целый мир, о котором тебе лучше не знать. Да и никому лучше его не касаться даже трёхметровой палкой. Мне сильно повезло, что Магистр решил продать меня официально. Наверное, вспомнил всё же, что я была его дочерью.

Голос у неё задрожал, не то от гнева, не то от боли. Я приобнял её, погладил. Натсэ сперва прильнула ко мне, потом отпрянула.

– Так, стоп, – заявила она.

– Почему стоп? – удивился я.

– Потому что после любви у мужчин наступает упадок сил и апатия, снижается способность к концентрации. А тебе с утра на охоту. Всё, я сказала! – Она шлёпнула меня по руке. – Спать. Потом, когда вернёшься.

Я нехотя повернулся на спину, уставился в потолок. Вот ведь блин... Нет, ну так-то она права, конечно. Особенно учитывая то, сколько у нас времени обычно занимает эта самая любовь.

– Ты столько интересных вещей знаешь, Натсэ, – сказала Авелла. – А откуда? Ну, вот это, про упадок сил и...

– Во-первых, наблюдательность, – перебила Натсэ. – Сама могла бы заметить. А во-вторых, меня этому учили. Я должна была знать человеческие слабости и уметь их использовать.

– Хм, – с уважением заметила Авелла.

Обе притихли. Слушая их дыхание, я постепенно погружался в сон...

– Кстати, – вдруг сказала Натсэ задумчивым голосом. – У девушек всё ровно наоборот. Прилив сил и энергии.

– Правда? – приподнялась на локте Авелла.

– Угу...

– Интересно...

Я широко раскрыл глаза:

– Да вы что, издеваетесь?!

Утро было хмурым и мрачным.

На самом деле, оно было ясным и солнечным, а хмурым и мрачным был я, но это не важно. Зато Авелла с Натсэ были веселы и довольны. И Натсэ, поглядев на моё недоброе лицо, сказала:

– Вот это прямо отличный настрой. Лучше и придумать нельзя. Теперь я верю, что ты справишься и вернёшься целым и невредимым.

– Вернусь, – пообещал я. – И ты у меня получишь...

– Страшно! – Натсэ приложила ладонь к сердцу. – Честное слово – страшно, Морт. Но я всё равно буду тебя ждать. А теперь пошли завтракать.

Как только мы покончили с завтраком, в дверь постучали. Открыла Натсэ, мы с Авеллой подошли следом. В дом вошла Акади в сопровождении Дамонта.

– Вы готовы, сэр Мортегар? – спросил глава клана Земли.

– О, да, – усмехнулся я.

– Ваш сопровождающий на улице.

– Один?

– Один.

Хм. У меня почему-то сложилось впечатление, что нас будет несколько. Команда. Ну ладно, один так один.

– Вас что-то смущает? – поинтересовался Дамонт.

– Нет... Просто думал, что это больше важная операция, чем проверка...

– Это и то, и другое, сэр Мортегар, – улыбнулась Акади. – То, что с вами всего один человек, говорит о высокой степени нашего доверия.

Я вышел на улицу и остановился, глядя на улыбающееся лицо своего напарника.

– Доброго утра, сэр Мортегар, – поклонился он.

– Чья это была гениальная идея? – спросила Натсэ, остановившись рядом со мной. – Нет, мне правда интересно, кто придумал отправить моего мужа на смертельно опасное задание, дав ему в нагрузку гадюку из Ордена Убийц.

Это и вправду был Убийца. Воздушный. Тот, что заходил к нам в дом незадолго до последней битвы в Дирне.

– Кажется, – сказал он, – у сэра Мортегара есть богатый опыт общения с гадюкой из Ордена Убийц. Я, правда, надеюсь, что он не станет на мне отрабатывать все имеющиеся навыки.

– Смешно, – ледяным тоном сказала Натсэ. – А знаешь, что ещё смешно? Твои кишки.

– И что же в них смешного?

– Ну как же. – Она потянула меч из-за спины. – Давай покажу.

– Дорогая, успокойся, пожалуйста! – Акади положила ладонь на руку Натсэ, и та, удивлённо на неё взглянув, отпустила меч. – Этот человек доказал свою верность клану. Он отважно сражался той ночью, и потом прекрасно показал себя в качестве разведчика. Три четверти всех сведений о происходящем внизу – его заслуга. Поверь, если и можно дать сэру Мортегару настоящему полезному попутчика, то это сэр Наэль.

– Сэр Наэль? – воскликнула Натсэ. – Вы что, его ещё и в рыцари произвели?!

– Да, он вступил в Орден Рыцарей Воздуха, – кивнула Акади.

– Блеск! Всё, теперь я абсолютно не волнуюсь, конечно!

– Мы все будем волноваться, – сказала Авелла. – Но, Натсэ... Это правда лучший разведчик. И он всегда выполняет задание.

Натсэ подошла к Наэлю почти вплотную, привстала на цыпочки, заглянула в глаза.

– Если с ним хоть что-то случится – по твоей вине, или нет – ты не просто умрёшь, – пообещала она. – Я буду убивать тебя месяц. Понял?

– Мой личный рекорд – год, – улыбнулся Наэль. – Но и месяц – это немало, согласен.

– Главу твоего Ордена я убила. Не думай, что на тебя у меня сил не хватит.

Вот теперь улыбка сползла у него с лица.

– Об этом, – процедил он сквозь зубы, – мы однажды ещё поговорим, когда придёт время. Но теперь ситуация немного иная, госпожа Натсэ. Теперь мы все – в одной команде, и у нас всех одна задача.

– Ага, – кивнула Натсэ. – Напоминай об этом себе почаще.

Минута ушла на прощания. Я не затягивал, не хотел создавать впечатление (в первую очередь у себя), что прощаемся навсегда. Быстрое объятие и поцелуй с Натсэ, потом – с Авеллой. Рукопожатие Дамонта, улыбка Акади. Зован и Ямос тоже вышли помахать рукой. Лореотиса не было... Сердце нехорошо кольнуло от этой мысли, но я заставил себя отвлечься. Хватит. Я вернусь. И всё будет в порядке.

– Готовы? – спросил Наэль, когда мы с ним подошли к краю Материка. – Я беру на себя спуск, после чего мне понадобится минут двадцать, чтобы восстановиться. Мы опустимся в лесу и потом пойдём к деревне. Задача – захватить одну тварь и притащить на Материк. Как только спустимся, операцией командуete вы.

– Да, – кивнул я. – Чего ждём?

– Раз, – сказал Наэль. – Два. Три.

Мы одновременно прыгнули навстречу облакам.

Глава 15

Наверное, трудно было бы найти более неподходящего персонажа для фэнтезийного мира с элементами реалрпг. Во-первых, у меня с математикой было так себе, без калькулятора я нервничаю. Не удивительно, что все эти ранговые циферки в конце концов от меня сбежали в страхе.

А во-вторых, в географии я примерно такой же дуб, как в математике. Это – в географии родного мира! Что уж говорить о мирах чужих. Только приземлившись в густом лесу, я вспомнил, что даже не выяснил, в какой части света мы находимся. Вспомнил потому, что мне первым делом захотелось спросить Наэля: «Это везде теперь так?».

Влажно, душно, жарко. В первые мгновения мне показалось, что мы очутились в бане. Если закрыть глаза – ощущения очень похожие. Как будто в тропиках, наверное. Однако вдруг это и есть местные тропики? А я тупой вопрос задам. А я ведь решил уже становиться взрослым, серьёзным, ответственным. Вот пока этот так называемый Наэль сидит в позе лотоса и восстанавливает ресурс, я попробую сам найти ответ на свой вопрос.

Я огляделся.

Неповторимые ощущения – попытка что-то узнать у природы при полном отсутствии гугла и яндекса. Вот, к примеру, куст. Ну и что это за куст? Как это можно понять?..

Акаурия обыкновенная.

Ого. Ардок?

Ардок

А скажи что-нибудь по-Ардокски?

...

Ладно, шучу. Рад, что ты на месте. А ты все растения знаешь?

Те, что здесь – да. Это, например, сосна.

Я и вправду глядел на сосну. Только вот ей явно было хреново. Кора облазила со здорового ствола, да и сам ствол гнил. Подножие было засыпано серыми иголками. То же самое происходило с остальными соснами, коих тут было большинство.

Обычно сосны себя так не ведут. Наверное. Я, конечно, в своём мире на сосны мало смотрел, больше в экран тарасился, но логика подсказывает, что растение просто так, от хорошей жизни, подыхать не станет. Значит, что-то не нравится. А значит, я теперь могу с умным видом изречь:

– Климат сильно изменился.

Наэль открыл глаза и посмотрел на меня.

– Много изменилось, сэр Мортегар.

– Если так пойдёт дальше, деревья вовсе вымрут.

– Их место займёт что-то другое. Мы, Воздушные Убийцы, верим в то, что в мире нет ничего незаменимого. Так легче делать свою работу. Мир будет вечно меняться, и всегда в нём кто-то будет жить, а кто-то – умирать.

– Кажется, сейчас в мире умирают маги...

– Кажется, вы собираетесь это предотвратить. Попробуйте. Если не получится, то хуже, чем сейчас, не станет точно. А если вы победите, то получите подобающие почести.

Да уж, почести... Если я всё правильно понял, то после моей победы придётся хватать Натсэ, Авеллу и бежать куда-нибудь на край света, где и сидеть, не высываясь, до конца дней своих. Или, как вариант, вообще перенестись в мой мир, захватив с собой побольше золота. Уж как-нибудь до смерти доживём...

Но некому было сказать, правильно ли я понял стоящую передо мной задачу. Сиек-тян упорно молчала. Можно, конечно, ещё написать Гиптиусу... Хотя мы с ним в не самых луч-

ших отношениях были. Он дико подставил меня и Натсэ, причём, неоднократно. И под конец чуть не сдал с потрохами Логоамару. Потом, правда, звонил, извинялся... Ну так а чего бы не извиниться, если облажался по всем статьям и больше подгадить уже при всём желании не сумеешь? Нет уж, хватит оправдывать всех и вся. Надо принять простую истину: Гиптиус из рода Лоттис – дерьмо ещё то. Но читать-то он умеет?

Гиптиус из рода Лоттис не существовал в природе. Зато существовал Гиптиус из рода Нимо. Вот оно как. Выходит, он перешёл в род Сиек-тян. Ну ладно, там, видать, какие-то свои заморочки...

МОРТЕГАР: Привет, Гиптиус! Это я, тот самый мерзавец, который НЕ переспал с твоей женой. Надеюсь, она тебе всё рассказала. Но на случай, если нет, то сообщаю: я к ней пальцем не притронулся. Но речь не об этом. Мне нужно встретиться с кем-то из ваших. Я – Маг Пятой Стихии. Ваш главный, кажется, возлагал на меня какие-то надежды. Передай ему, что ум – не самая сильная моя сторона, и я вот-вот начну войну с Огнём так, как умею (безумные самоубийственные подвиги, использование магии не по назначению, жертвование всем миром ради одного человека и тому подобное). Если вдруг это как-то не соотносится с вашими представлениями об идеале – свяжитесь со мной! Просто нажми «ответить» под сообщением и подумай буквами. Я сейчас как раз на земле, вы вроде как тоже. Может, пересечёмся как-нибудь?

На отправку сообщения ушло несколько секунд. Со стороны я в этот момент, должно быть, производил впечатление человека, находящегося в благородной задумчивости. Но вот я сфокусировал взгляд на Наэле, который всё так же сидел, неудобно вывернув ноги, и спросил:

– А ты не можешь на ходу восстановиться?

– Могу, – отозвался Наэль. – Но это выйдет не так скоро. Кроме того, за раз лучше делать что-то одно. Восстанавливать энергию, или расходовать её.

– Иногда приходится делать и то, и то одновременно, – вздохнул я.

– Бывает, – не стал спорить Наэль. – Но сейчас ведь не та ситуация.

– Не та... а сидеть вот именно так – обязательно?

– Есть правильные позы, сэр Мортегар. Они позволяют восстанавливать ресурс гораздо быстрее. Ведь ресурс – это не только магия. Это – всё... Впрочем, я уже готов. – Он легко выпрямил ноги и быстрым движением поднялся. – Идёмте. Деревня в той стороне.

– Вообще-то в той, – возразил я, указывая чуть левее.

Падая с Материка, я чётко отметил деревню на карте.

Наэль улыбнулся:

– Верно, сэр Мортегар.

– Ты что, проверяешь меня?

– Разумеется. Вся наша затея – это одна большая проверка. И когда мы вернёмся, с меня спросят. Я должен буду дать подробный отчёт касательно того, кто вы и что вы.

Первым порывом было спросить: «Ну и как я пока что?». Вторым – врезать по этой улыбающейся роже. Но я выбрал третий путь. Просто развернулся и пошёл в сторону деревни. Шагая, я набрасывал на себя, будто одеяла, магические защиты. Начал с невидимости. Принципиально не лез к Воздушному дереву. Сформулировал желание и смотрел, что делает воздух.

А воздух просто начал преломлять солнечный свет таким образом, чтобы лучи огибали меня. Я даже сам перестал видеть свои руки и ноги. Это меня немножко взволновало, ведь раньше такого не было, но я быстро нашёл объяснение. Видимо, стандартное заклинание Невидимости создавало вокруг мага некий кокон, непроницаемый для света. Кокон, находясь в котором, маг мог себя видеть. Но сейчас этот кокон стал буквально облегающим, будто вторая кожа, и поэтому я стал невидимкой даже для себя.

Потом я упротил воздух не распространять мой запах. Затем – звук. Ощущение было такое, будто воздух охотно включается в предложенную игру.

– Недурно, сэр Мортегар, – заметил Наэль.

Я повернул голову на голос, но не увидел никого. Он тоже накинуд Невидимость.

– Настолько недурно, что даже я не могу вас увидеть. Каков радиус действия вашей Невидимости?

– Нулевой, – сказал я.

– Сэр Мортегар? – переспросил Наэль.

А, да. Звуки. Я вновь обратился к воздуху и попросил его прокинуть звуковой канал к... К кому? Так, сначала этого хмыря надо увидеть.

Тут уж моих познаний в оптике попросту не хватило, чтобы понять, как это делается. Однако я увидел, пусть и нечётко, шагающего неподалёку от меня Наэля. И к нему уже без проблем прокинулся канал. Я немного пошалил, и каждая фраза звучала с новой стороны, заставляя Наэля крутить головой и нервничать:

– Нулевой радиус.

– Я здесь.

– Не верти башкой, Убийца.

– Не нервничай.

– Если бы хотел – давно бы убил.

– Шагай спокойно.

– Не надо доставать меч.

– Ты же не собираешься сражаться с деревьями?

– А меня здесь нет.

– Я – тень, я – призрак, я – голос из ниоткуда.

Дикое напряжение и даже страх Наэля я чувствовал остро, как свои собственные. Мысленно записал это себе в список достижений. Заставить так нервничать матёрого Убийцу – это чего-нибудь да стоит.

– Впечатляет, сэр Мортегар, – сказал он, стараясь говорить спокойно. – Я постараюсь отразить это в своём отчёте.

К деревне мы вышли через пятнадцать минут и остановились за последними деревьями.

Метрах в ста от нас, за дощатыми заборами, виднелись деревянные дома. Над крышами курились дымки, громко переговариваясь, ходили люди. Слышался смех. Пробежала стайка ребятишек. Деревня отнюдь не производила впечатления оккупированной вражескими силами.

– Что будем делать? – спросил я, перестав играть с блуждающим звуком. – Говори смело, воздух донесёт слова только до моих ушей.

– Хотелось бы знать, сколько ресурса забирает у вас всё это представление, – недовольно сказал Наэль.

– Так узнай: нисколько. Ресурс расходуется, когда ты заставляешь Стихию поступать по-твоему. А я действую иначе. Отрази это в своём отчёте. Так что будем делать?

– Вы главный. Я подчиняюсь.

– Хорошо. Разумно. Я – главный, ты – подчиняешься. Ты – опытный разведчик, поэтому я поручаю тебе придумать, как нам без лишнего шума захватить одну из этих девиц.

Девиц я, кстати, пока не видел.

Наэль хмыкнул, подумал, пожал плечами:

– Если так, то я предлагаю ждать.

И мы стали ждать. Весёлого было мало. Люди суетились, о чём-то договаривались, ходили от двора к двору. Наэль вскоре сбросил *Невидимость* – она-то отнимала у него ресурс – и сел за деревом в свою идиотскую позу восстановления. Минут через сорок на окраине деревни,

ближней к нам, началась потасовка. Штук шесть парней принялись лупить друг друга так, что я невооружённым глазом видел брызги крови, летящие в стороны.

– Вот они, – тихо сказал Наэль.

Так я впервые увидел этих девушек. Они прибежали сломя головы и бесстрашно вмешались в побоище. Секунда – и парней растащили в разные стороны. Драка закончилась, началось что-то непонятное. Девушки – их было столько же, сколько парней, – обняли своих избранников, а потом поцеловали. Это отнюдь не были сестринские поцелуи. И руки парней быстро переместились на интересные части девушек. Через минуту все они, одной толпой, пошли обратно к деревне.

– Они гасят все конфликты таким образом, – сказал Наэль. – Как будто защищают людей от малейшей опасности. Защищают от самих себя.

– Они заменяют огонь ненависти огнём страсти, – заметил я. – Интересно...

– Интересно, что останется от этой деревни, скажем, лет через шестьдесят-семьдесят, учитывая то, что рожать эти дамы, кажется, не собираются. И ещё интересно, почему местных женщин это ни капли не беспокоит. Интересного тут много. Потому мы и хотим захватить одну из этих тварей.

– А чего мы ждём?

– Мы, сэр Мортегар, ждём, когда жизнь даст нам шанс. Это – лучшая стратегия. Смотрите сами: чужак в деревне – это сразу событие. Здесь ведь не город, здесь все друг друга знают.

– Почему не прилететь туда невидимками?

– Потому что вы поручили операцию мне. Желаете взять инициативу в свои руки?

Было заманчиво. Стоять уже надоело. Я попытался прикинуть, что может случиться. Итак, мы подлетаем, отслеживаем более-менее одинокую девушку, налетаем на неё...

– Начинается, – быстро поднялся Наэль, снова натягивая свою невидимость. – Отходим. Не вмешивайтесь, как только я начну, пути назад не будет. Надо будет дойти до конца.

Прежде чем последовать в глубь леса вслед за Наэлем, я посмотрел в сторону деревни, чтобы понять, что там такое началось. Оказалось, ничего особенного. По направлению к нам шла пожилая женщина с лукошком. Должно быть, за ягодами, или за грибами. Хотя какие, к чёрту, грибы? Лето ведь, а грибы вроде по осени.

Мы отступили довольно далеко, так, что деревня скрылась из виду. Только тут Наэль замер. В руке его появился нож.

– Ты что задумал? – шёпотом спросил я.

– Хотите взять инициативу в свои руки?

Тьфу ты... Как робот, блин.

– Убьёшь её – тебе конец, – предупредил я.

– Вы всё осложняете, сэр Мортегар, – вздохнул Наэль. – Но – ладно. Попробую иначе.

Вскоре послышалось старческое неразборчивое ворчание, звуки шагов. Наэль бесшумно переместился к другому дереву, к третьему, потом – за спину старушке. Лезвие легло на её горло, левая рука закрыла рот. Старушка приглушённо вскрикнула и выронила лукошко.

– Молчать, – тихо сказал Наэль, сбросив *Невидимость*. – Пока можешь только кивать, или мотать головой. Ты хочешь жить?

Она кивала так, что мне показалось, Наэлю трудно удерживать руку на её рту.

– Хорошо. Прекрати трясти головой, одного кивка достаточно. Слушай внимательно: ты не кричишь. На вопросы отвечаешь шёпотом. Только отвечаешь на вопросы! Не спрашивают – молчишь. Это понятно?

Старушка кивнула один раз.

– Молодец. Задери подол и оторви полосу ткани подлиннее.

Руки старушки тряслись, ей не сразу удалось надорвать ветхую ткань. Лоскут получился неровным, но длинным.

– Завяжи себе глаза, – приказал Наэль.

Старушка подчинилась. Наэль убрал нож, проверил повязку, поправил. Толкнул старушку на землю. Она упала, ударившись спиной о ствол дерева, и вскрикнула.

– Тихо, – прошипел Наэль. – Говорил же – молчи, пока не спросили. Ты разве слышала вопрос?

– Нет, – прошептала старушка.

– Рад, что ты учишься. Теперь слушай вопрос: ты одинока, или у тебя есть семья?

– Сын у меня.

– Сколько лет сыну?

– Т-тридцать.

– Он знает, куда ты пошла?

– Да! – Это старушка сказала чуть громче, с наивной надеждой в голосе.

– Хорошо. Мы будем сидеть тут и ждать его. А пока ждём, ты будешь отвечать на вопросы.

Что ты знаешь об этих девицах, что живут в деревне?

Старушка облизнула сухие губы, часто задышала.

– Ну? – поторопил её Наэль. – Мне подбодрить тебя ножом?

– Нет, – мотнула головой старушка. – Они... Они не девицы.

– Это мы уже сами поняли. Что ещё? Что они говорят? Зачем они здесь? Чего добиваются? Отвечай!

– Да не знаю я! Чего они добиваются... Просто пришли, вот и всё. Не было, не было, и вдруг появились. Магини какие-то. По хозяйству помогают, драться не дают...

– Спят со всеми подряд, – подсказал Наэль.

– Не со всеми. Только с теми, кто сам хочет.

– А есть такие, что не хотят?

Старушка помолчала, будто решаясь на что-то. Потом выдала:

– Нет. Они... К ним, кажись, уже и ребятня бегают втихушку.

– Ожидаемо. Почему женщины молчат?

– А чего ты им скажешь? Одна попробовала сковородкой лупануть, как с мужем застукала. И где теперь та сковородка?

– Даже если так, – не сдавался Наэль. – Всё равно. Эти пришлые отбили себе всех мужчин, но я не вижу среди женщин никакого недовольства.

– А чего им недовольными-то быть? – фыркнула старушка. – Они их сами подкладывают.

– Почему?

– Вестимо, почему. После нормальной бабы мужик пластом лежит, а после этих ещё десяток до смерти умотает, пока уснёт.

Наэль посмотрел на меня. Я кивнул и сказал, прокинув канал:

– Через шестьдесят-семьдесят лет эта деревня станет городом. Зря ты беспокоился.

– Похоже на то, – задумчиво ответил Наэль. – Остаётся только один вопрос: зачем?

Дальше он снова заговорил со старушкой:

– Что говорят эти девки? О себе они что-то рассказывают?

– Ничего они не говорят! Молчат, или смеются, как дуры. Ну, скажут там, иногда, чего-нибудь. Навроде «здравствуйте», или «до свидания». И не едят даже ничего! И не спят. Что ж за маги-то такие, как будто не люди вовсе.

– Они не маги, – поморщился Наэль. – Всё, замолчи. Сиди тихо. Захочу что-то ещё узнать – спрошу.

Он со значением посмотрел на меня, и я вновь попросил воздух гонять слова только между нами, не донося их до старушки.

– Если такое происходит в каждой деревне... – сказал я.

– Нет, не в каждой. Допускаю, что где-то ещё есть, но мы их пока обнаружили только здесь. К западу отсюда тоже есть деревня, но там совершенно нормальная жизнь. Однако я не спорю, что, возможно, скоро так будет везде. Чего добивается Огонь?

Наэль пытливо смотрел на меня.

– Огонь захватил мир, – сказал я. – И пытается развивать его по своему усмотрению. Люди будут бешено плодиться, потому что это, наверное, самый простой способ заставить Огонь служить чему-то... хорошему. Но вот насчёт продолжительности жизни – это вопрос, да.

– Хотите сказать, что при таких темпах сношений мужчины будут умирать от истощения?

– Угу, типа того. Возможно, Мелаирим здесь проводит эксперимент.

– Но для чего ему это? Перенаселить мир простолюдинами, и... И что дальше?

– Ты меня так спрашиваешь, как будто я за него отвечаю.

– Ну, отчасти так оно и есть.

– Совсем нет. Я до сих пор не могу понять, что заставило Мелаирима во всё это влезть. Может, он просто псих?.. Говорил что-то про Эру Огня, что она, мол, началась... А нам разве так уж надо разбираться, зачем да почему? Нам нужно сразиться с ним и победить. Хорошо подготовившись, само собой.

Улыбнувшись, Наэль покачал головой:

– Сразу видно, что вы – не Убийца, сэр Мортегар. Нельзя просто так взять и убить кого-либо. Сначала нужно многое узнать: о жизни, о смерти, о конкретном человеке. Нужно дышать им, как воздухом. Иначе... Иначе сложно будет наверняка сказать, кого именно ты убил, и убил ли.

Мы просидели на месте ещё четыре часа, прежде чем сын старушки пошёл её разыскивать. Его заметил я. Я вернулся к границе леса, чтобы вести наблюдения, а Наэль остался со старушкой. Я немного волновался, как бы он её не прикончил. Но вроде бы Убийца хорошо меня понял, а своими магическими силами я произвёл на него нужное впечатление.

– Идёт, – сказал я, вернувшись к месту стоянки.

Ни слова не говоря, Наэль оторвал от бабкиного подола ещё одну полосу и завязал ей рот.

– Ни звука, – сказал он ей. – Пикнешь без разрешения – убью твоего сына, и его кровь зальёт тебя с ног до головы. Веришь мне?

Старушка закивала. Я, своим особым зрением, видел, как от Наэля к старушке идут некие слабые волны. Старушку от них трясло. Наверное, это было нечто вроде того, что умела делать Авелла, располагая к себе людей. Только Наэль – наоборот, устрашал.

Мы, невидимые, ждали. Вот послышались злые шаги.

– И куда тебя Огонь завёл, курица старая, – ворчал мужик. – Эгей! Маманя! Ау-у-у...

Дождавшись, пока «ау» отзвучит, Наэль провернул тот же финт, что и со старушкой: нож у горла, рука закрывает рот.

– Дёрнешься – умрёшь, – сказал он, вновь используя свои волны страха. – Иди вправо!

Он вывел мужика к матери.

– Видишь её? Кивни, если видишь.

Мужик кивнул.

– Сейчас ты вернёшься в деревню, возьмёшь одну из этих ваших безотказных шлюшек и приведёшь сюда. Скажешь, что хочешь позабавиться с ней в лесочке, под пение стрекоз. Понял?

Опять кивок.

– Даю тебе десять минут. Если через десять минут не увижу тебя с нею – убью твою мать. Веришь мне?

Кивок.

– Я знаю, что эти сучки сильны. Ты можешь подумать, что она тебя защитит, если ты ей всё расскажешь. Может, и защитит, но я буду держать нож у глотки твоей матери. Поэтому если мне что-то не понравится – она сдохнет, а тебе останется лишь упиваться местью. Пошёл. Время!

Наэль убрал нож, и мужик, выпучив от ужаса глаза, бегом бросился обратно к деревне.

– На этом я – всё, сэр Мортгар, – развёл руками Наэль. – Сейчас они придут. Девушку невозможно оглушить, вырубить, ей плевать на большинство заклинаний, она сможет выжечь весь лес, а на помощь ей прибегут остальные девять. Я – не знаю, как захватить её живьём. По правде сказать, я не знаю даже, смогу ли её убить. Теперь – черёд вашего искусства.

Глава 16

Наэль остался возле старушки, чтобы, в случае чего, убедить её молчать. А я последовал за убежавшим мужиком, чтобы посмотреть, как у него получится выполнить приказ Убийцы. Остановившись за дышащей сосной, я видел, как мужик подбегает к деревне. На середине пути он вдруг перешёл на шаг, на ходу пригладил волосы. Похоже, пытается выглядеть спокойным. Значит, Наэль его действительно убедил. А то я волновался. Ну, мало ли, как взрослый мужик может относиться к пожилой матери. Может, спит и видит, как бы она померла, чтобы в доме единственным хозяином остаться. С другой стороны, пошёл ведь её искать в лес, так что...

Время, запущенное в магическом сознании, тикало. Прошло три минуты, четыре... И вот они появились. Мужик, держа под руку брюнетку в чёрном плаще, быстро шагнул к лесу. Пора.

Я вновь обратился к воздуху с просьбой скрыть меня полностью. Видимость, звуки, запахи – всё. Я фактически исчез из этого мира, меня можно было только задеть по чистой случайности, но этого я допускать не собирался.

Отойдя поглубже в лес, я затаился. Согласно моему плану, девушку надо было пропустить вперёд, а затем подойти к ней сзади. Я сжал в руках ошейник. Крохотный шанс на то, что он – сработает. А вот если не сработает... Ну, скучно не будет точно.

До меня донёсся её смех. Как и отмечала старушка – совершенно глупый. Я даже парочку одноклассниц вспомнил: те так же ржали, когда парни на переменах пытались их тискать. Омерзительное зрелище...

– Ну, идём, идём, – торопил мужчину. Голоса приближались. Я затаил дыхание.

– Что за странная затея? – капризничала девушка. – Зачем нам идти в лес?

– Ну, тут прохладно. И красиво.

Девушка в ответ снова рассмеялась. Теперь я её видел. Не сказать, чтоб красавица сногшибательная, но черты лица правильные. И когда она смеялась – пусть глупо, но так искренне – её будто переполняла какая-то внутренняя красота, тут же отображающаяся снаружи. Ну и взгляд. Когда она смотрела на мужика, снизу вверх, даже у меня мурашки по спине бегали. Против такого взгляда защиту нужно вырабатывать годами, и то не факт, что получится. Я порадовался, что, согласно моему плану, должен был подкрасться к ней сзади.

Они прошли мимо меня. Подняв руки с ошейником, я шагнул следом. Показалось, голова девушки как-то странно дёрнулась, будто на звук. Но я не издавал ни звука.

– Кто здесь, в лесу? – спросила девушка, уже без всякого веселья.

– Никого, – поспешил ответить мужчина и приобнял девушку.

– Я чувствую человека. Ты обманываешь меня, или не знаешь?

Руки у меня подрагивали. Казалось бы, одно движение. Она не почувствует его, не увидит. Сообразит только, когда я затяну ремень и будет уже поздно. Я немного расширил петлю, чтобы наверняка захватить голову.

– Тут... Моя мать, – признался мужчина.

Девушка остановилась.

– Ты хочешь, чтобы твоя мать нас видела? – спросила она.

– Э-э-э... – Мужчина огляделся, будто бы в поисках того, кто подскажет ему правильный ответ. – Да.

– Как необычно. Ты такой выдумщик!

Она вновь беззаботно расхохоталась и позволила повести себя дальше. И в этот момент я резко опустил руки.

Девушка была ниже меня, и всё должно было сработать безукоризненно. Ременная петля полетела вниз, ещё миг, и я дёрну за конец ремня...

Девушка рванулась влево, оттолкнув своего кавалера вправо. Движение вышло настолько быстрым, что я не сразу сообразил, куда она вообще делась. Петля ещё падала, а девушка уже развернулась и уставилась прямо на меня.

Дальнейшее напоминало какой-то древний ужастик. Девушка указала на меня пальцем, раскрыла рот и оглушительно завизжала. Я убрал ошейник в Хранилище и заменил его мечом. В голове, где-то далеко-далеко, крутилась обидная мысль: «Но я же невидимый!».

Девушка визжала. Мужик, зажав уши, бросился в сторону. А я понял, что визг очень хорошо слышен из самой деревни...

Я прыгнул на визгуню, норовя вонзить меч в живот. Было не до моральных терзаний на тему «онажедевушка», или «такнечестно».

Девушка махнула рукой, легко отбив лезвие меча в сторону. Ну и правильно, хватит полумер. Я воззвал к Пятой Стихии и буквально почувствовал её царственный жест: мол, давай, пользуйся. Снова пришло это неповторимое ощущение, будто весь мир – единое целое. Я управлял им, как собственным телом.

Вокруг девушки возникла «оболочка» из вакуума. Закономерно звук тут же утих, хотя и не совсем. Точно такой же звук доносился со стороны деревни, и он приближался.

Земля разверзлась под ногами девушки. Она рухнула вниз, и я тут же зарастил яму. Девушка по пояс оказалась вмурованной в землю. Вот ещё шанс.

Я достал ошейник, шагнул вперёд, готовый бросить петлю...

Девушка прыгнула.

Да, она легко и просто вылетела из земли, как ракета с космодрома, даже точно так же полыхнула огнём. Я проводил её обалдевшим взглядом. Девушка подлетела выше сосен, но это, хвала Стихиям, был всё же не полёт, а прыжок. Магия Воздуха этой твари была неподвластна.

А вот я мог кое-что устроить.

Мысль лишь мелькнула, и нисходящий поток ледяного ветра обрушил девушку вниз. Вакуум я от неё убрал, и теперь она вновь завизжала, но уже не так, как прежде, не призывающе. Я расслышал в её голосе настоящее страдание. Но прежде чем успел сформулировать выводы, услышал, как трещат ветки, сучья, и увидел остальных близняшек. Они нас окружили, все девять, а десятая корчилась на земле, не в силах преодолеть бьющий с неба ветер.

Близняшки смотрели на меня, все, как одна, и я снял невидимость.

– Мортегар! – ударил по ушам хор. – Мортегар Леййан! Огонь ищет тебя! Огонь нашёл!

– Находчивый какой, – пробормотал я. – А если так?

Я прыгнул. Ветер подхватил меня, завертел, поднимая. Я помнил описание огненного смерча из отчёта и решил порадовать девчонок чем-то подобным. От моего вращения внизу возник мощнейший вихрь. Я ничего не мог разглядеть своими глазами – для меня мир слился в неразличимую полосу неопределённого цвета – но видел миллионами молекул воздуха, как десятерых близняшек подняло в воздух, завертело, закружило, беспорядочно сталкивая между собой. Как вам такое, а?! Это – за мой клан, на который вы посмели кидаться, пока меня не было!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.